

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 5 | № 2
Volume 5 | 2019

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT.
SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.
включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ
Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017
Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

Том 5, №2. 2019

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 5, № 2. 2019

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Кисленко А. В., старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское сотрудничество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сасунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухман Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю.В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: Anastasey Kislenko, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdairayimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Chernysh M.F. Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Cvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkiewicz, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Yuri Shmarin, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИSOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE

Гладкая О. М. Взгляд иностранцев на православие	3	Olga M. Gladkaya Foreigners' views on Orthodox Christianity	3
Гришаева Е. И. Консервативная критика Европы в российской публичной сфере: от православного антизападничества до политического недоверия к Европе	16	Ekaterina I. Grishaeva Conservative Criticism of Europe in Russian Public Sphere: from Orthodox Anti- Westernism to Political Mistrust in Europe	16
Лебедев С. Д., Склярова В. А. Социальный запрос на знание о религии в современном российском обществе в оценках экспертов	25	Sergey D. Lebedev, Victoria A. Sklyarova Social request for the study of religion in the modern russian society in the evaluation of experts	25
Мchedlova Е. М. Состояние духовности москвичей различной конфессиональной направленности	37	Elena M. Mchedlova The state of spirituality of Muscovites of various denominations	37

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫSOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES
AND PROCESSES

Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России	47	Natalya V. Prokazina, Natalia Yu. Bobylova, Natalya N. Hatnyuk Realization of voluntary (volunteer) capacity in Russia	47
Ростовская Т. К., Карповская Е. Е. Изучение особенностей семейно- демографической политики как фактора изменений молодой семьи: социологический анализ	57	Tamara K. Rostovskaya, Ekaterina E. Karpovskaya Studying the features of family and demographic policy as a factor of changes in a young family: a sociological analysis	57
Савинова А. В. Успешность трудовых траекторий выпускников инженерных специальностей (на примере выпускников высших учебных заведений Поволжья)	67	Alina V. Savinova The success of labor trajectories of graduates of engineering specialties (on the example of graduates of higher educational institutions of the Volga region)	67
Чайка П. Особенности демографического развития Словакии в контексте европейской демографии	79	Peter Chaika Demographic development of Slovakia in the context of European demography	79

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИSOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Федотова М. А. Технологии искусственного интеллекта при прогнозировании эффективности командной работы: опыт, проблемы и перспективы практических исследований	93	Marina A. Fedotova Technologies of artificial intelligence in predicting teamwork effectiveness: experience, problems and prospects for practical research	93
---	-----------	---	-----------

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.47,81

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-1

Гладкая О. М. | Взгляд иностранцев на православие

Кафедра внешних церковных связей и общественных наук
Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия
ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1, г. Москва, 115035, Россия
o.m.gladkaya@gmail.com

*Статья поступила 4 апреля 2019 г.; Принята 29 мая 2019 г.;
Опубликована 30 июня 2019 г.*

Аннотация. Статья посвящена исследованию взгляда иностранцев на православие. Данная тема не исследована в науке, но обретает все большую актуальность ввиду возрастающей роли деятельности Русской Православной Церкви, а также глобализации, в результате которой происходит все большее взаимопроникновение культур и увеличивается необходимость защиты своей культуры, а русская культура зиждется в значительной степени на православии. Исследование носит пилотный характер, оно было проведено методом индивидуального интервьюирования. За две недели было получено 17 анкет от граждан 8 стран (Англии, Франции, Новой Зеландии, Вьетнама, Латвийской Республики, США, Бразилии и Украины). В статье приводятся полностью ответы респондентов на вопрос «Что Вы знаете о Православии?» (в переводе на русский язык), а также выборочно – ответы на остальные вопросы. По результатам исследования было получено изначальное представление о видении иностранцами православия, актуализированы наиболее известные для них аспекты, апробирована методика для продолжения исследования, подтверждена гипотеза, что на настоящий момент знания о православии у иностранцев невелики, так, есть представление, что оно распространено только в странах бывшего СССР, в то время как география значительно шире. Опросник содержал блок вопросов о России, по результатам респонденты в целом высказали очень положительное отношение к России и к людям, но негативно высказались о политической ситуации, что также стало подтверждением одной из гипотез исследования. Часть полученных данных уже была опубликована в 2018 г. в православном молодежном журнале «Хлеб жизни» (Гладкая, 2018). Анализ полученных данных и подробное описание исследования мы публикуем впервые в данной статье. В дальнейшем исследование будет продолжено.

Ключевые слова: православие; Россия; глобализация; иностранцы; межкультурная коммуникация; социологическое исследование.

Информация для цитирования: Гладкая О. М. Взгляд иностранцев на православие // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 2. С. 3-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-1

Olga M. Gladkaya

Foreigners' views on Orthodox Christianity

Department of External Church Relations and social Sciences
Ss. Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies
bld. 1, 4/2 Pyatnitskaya St., Moscow, 115035, Russia
o.m.gladkaya@gmail.com

*Received on April 4, 2019; Accepted on May 29, 2019;
Published June 30, 2019*

Abstract. The article is devoted to the study of foreigners' views on Orthodoxy. This subject is not studied in science, but is becoming increasingly important due to the growing role of the Russian Orthodox Church, as well as globalization. As a result of globalization, different cultures are becoming increasingly intertwined and there is a need to protect their culture, and Russian culture is largely based on Orthodoxy. The study is pilot in nature and is based on the method of individual interviewing. In two weeks, 17 questionnaires were received from citizens of 8 countries (England, France, New Zealand, Vietnam, Latvia, USA, Brazil and Ukraine). The article provides complete answers to the question “What do You know about Orthodoxy?” (translated into Russian), as well as selective answers to some other questions. As a result of the study, the author has obtained the initial idea of the vision of Orthodoxy by foreigners, updated the data on the most well-known for foreigners aspects, and tested the methodology for continuing the study. The author has confirmed the hypothesis that at the moment the knowledge of Orthodoxy among foreigners is small, for example, there is an idea that it is common only in the countries of the former USSR, but its geography is much wider. The questionnaire contained a block of questions about Russia, and, according to the results, the respondents, for the most part, expressed a very positive attitude to Russia and the people, but spoke negatively about the political situation, which also confirmed one of the hypotheses of the study. Some of the answers have already been published in 2018 in the Orthodox youth magazine “Hleb zhizni” (Gladkaya, 2018). The analysis of the answers and detailed description of the study are being published for the first time in this article. Further research will be continued.

Keywords: Orthodoxy; Russia; globalization; foreigners; intercultural communication; sociological research.

Information for citation: Gladkaya O. M. (2019), “Foreigners' views on Orthodox Christianity”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 3-15, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-1

Введение (Introduction). Необходимость данного исследования возникла в августе 2018 года и сейчас, летом 2019, она только возросла. Тема взгляда иностранцев

на православие в современных научных исследованиях не освещена. Однако она чрезвычайно актуальна, поскольку сейчас в России идут процессы религиозного воз-

рождения, а на геополитическом уровне рядом стран против России ведется информационная война. Третий фактор, ставший катализатором проведения данного исследования – проведение в России в июне-июле 2018 года финала 21-го чемпионата мира (далее – ЧМ) по футболу FIFA¹ и в Россию приехало, по данным Федерального агентства по туризму², более 3,4 миллионов человек. Иностранцами гостями отмечалось в социальных сетях, что они получили неожиданно тёплый приём, увидели много хорошего в России, что развенчивало их стереотипы о мрачности, недоброжелательности русских людей и др. Ввиду значимости для российского общества процесса развенчивания стереотипов на Первом канале было рассказано об одном из наиболее популярных видео, оно было записано 17-ти летним англичанином Тэо Огденом и его отцом, и развенчало 8 мифов о России (в т.ч. о заградительных ценах, о мошенничестве таксистов, о грубости и хамстве принимающей стороны)³.

Подобные видео значимы, они демонстрируют не только то, что мир глобализации дает новые возможности людям увидеть правду, но и способствуют установлению межкультурной коммуникации, которая невозможна (или неэффективна) при недостоверных начальных сведениях.

За месяц Чемпионата 3,4 млн. иностранцев увидели Россию такой, какая она

есть. Искренние улыбки, красивые города, отзывчивые люди – все это произвело неизгладимое впечатление на людей, посетивших страну, в этот короткий период.

Существуют устоявшиеся стереотипы о жителях разных стран и о самих странах, но мы понимаем, что стереотип – это лишь конструкция, которая помогает нам осмыслить то или иное явление. Ясно, что в реальности все это не совсем так, как в стереотипах: англичане всегда делают «перерыв на чай», все австралийцы – любители вечеринок и серфинга, бразильцы живут только карнавалом, все французы надменны, украинцы не едят ничего кроме сала, а русские пьют водку постоянно... Стереотип определяют как устойчивый, нередко упрощенный образ какого-либо явления или человека, складывающийся в условиях дефицита информации. События мирового масштаба и интернет могут помочь получить достоверную информацию о представителях других стран.

Межкультурная коммуникация, по определению А.П. Садохина, это «социально обусловленный процесс обмена информацией различного характера и содержания, передаваемый при помощи различных средств и имеющий своей целью достижение взаимопонимания» (Садохин, 2004). О.А. Обдалова и О.В. Одегова отмечают, что исследователи межкультурной коммуникации «фиксируют внимание на том, что в условиях глобализации изучение «чужих» культур и языков обогащает восприятие и мотивирует более глубокое постижение своих национальных соответствий» (Обдалова, Одегова, 2018).

Наше исследование изначально было направлено на изучение видения значимых составляющих российской культуры представителями других культур. Но, получив результаты исследования, мы видим, что это также помогает нам лучше понимать и собственную культуру. Знаменитый антрополог, классик изучения культуры Эдвард Холл писал, «культура скрывает больше, чем она обнажает, и сколько бы странам не казалось такое положение,

¹Чемпионат мира по футболу FIFA в России // Fifa.com. URL: <https://ru.fifa.com/worldcup/> (дата обращения: 05.05.2019).

²Ростуризм подвел туристические итоги чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/15818/> (дата обращения: 11.04.2019).

³17-летний британский болельщик приехал на Чемпионат мира по футболу FIFA 2018 в России и записал видеообращение к подданным Ее Величества // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-07-10/348500-17_letniy_britanskiy_bolelschik_priehal_na_chempionat_mira_po_futbolu_fifa_2018_v_rossii_i_zapisal_videoobraschenie_k_poddannym_ee_velichestva (дата обращения: 11.04.2019).

наиболее эффективно она скрывает это от собственных носителей... Конечная цель изучения культуры не столько в понимании иностранных культур, сколько в пролитии света на свою собственную» (Hall, 1998: 59). Таким образом, наше исследование будет способствовать изучению русской культуры. (О различиях в представлениях о культуре см.: Одегова, 2009, Антонюк, Трунёв, 1994, Гачев, 1994). Различия ценностных оснований молодежи из разных стран представлены в исследованиях Н.П. Попова, И.Н. Чудновской и М.Е. Липатовой (Popov, 2019, Chudnovskaya, Lipatova, 2018).

Русская культура зиждется в значительной степени на православии, и мы полагаем, что дальнейший интерес к России, а также увеличивающаяся активность внешней деятельности Русской Православной Церкви – открытие представительств при международных организациях, в соответствии с Концепцией миссионерской деятельности¹ (Касаткин, 2010), создание новых миссий и храмов в разных частях света, – все это будет способствовать увеличению интереса в мире и к православию². (Curanović, 2018, Kabul, Yesim, Velikaya, 2018, Aroutiounova, Linkova, Arslanov, 2017, прот. Николай Флоринский, 2010). Говоря о распространенности православия в мире, отметим, что в настоящее время Русская Православная Церковь состоит из 15 поместных автокефальных церквей и трех автономных (Дворкин, 2019). «Юрисдикция Русской Православной Церкви простирается на лиц православного исповедания, проживающих на канонической территории Русской Право-

славной Церкви: в Российской Федерации, Украине, Республике Беларусь, Республике Молдова, Азербайджанской Республике, Республике Казахстан, Китайской Народной Республике, Кыргызской Республике, Латвийской Республике, Литовской Республике, Монголии, Республике Таджикистан, Туркменистане, Республике Узбекистан, Эстонской Республике, Японии, а также на добровольно входящих в нее православных, проживающих в других странах»³.

Проведение пилотного исследования дало нам представление о некоей точке отсчета для дальнейшей работы, а также помогло апробировать методику и опросник.

Гипотеза исследования – иностранцы знают о православии мало, а о России их мнение будет сформировано под воздействием новостей в СМИ. Цель исследования – выяснить, какие знания будут актуализированы респондентами в первую очередь при ответе на вопросы о православии. Также мы полагаем, что получение сведений об отношении к России в целом может помочь понять отношение людей к православию и влиять на количество их знаний. Для нашего исследования был важен каждый ответ.

Методология и методы (Methodology and methods). Данные для исследования собирались методом индивидуального интервьюирования посредством заполнения анкеты – опросного листа (далее – анкета). Анкета на русском языке включала в себя 27 вопросов. (См. Приложение 1) А именно: 10 вопросов о респонденте: возраст, гражданство, страна проживания, вид деятельности, вероисповедание, владение языками, а также задавался вопрос о том, был ли человек в России. Блок из 6 вопросов о России был призван помочь установить взаимосвязь между отношением/знаниями о России и отношением/знаниями о

¹Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 12.04.2019).

²О современной внешней миссии Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата Русской Православной Церкви URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3102956.html> (дата обращения: 12.04.19).

³Устав Русской Православной Церкви Глава I. Общие положения // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133115.html> (дата обращения: 12.05.2019).

православии, затем 8 основных вопросов - о православии. В конце были вопросы для дальнейшего взаимодействия с респондентами (см. Приложение 1). К моменту проведения опроса мы учитывали общий культурный фон, а также недавно произошедшие события, которые могли повлиять на мнение иностранцев о России и их знания о православии.

Для удобства сбора информации Анкета рассылалась не только в формате Word, но и была размещена на английском языке на электронном ресурсе Google. Также она была переведена на португальский язык и заполнялась респондентами в Бразилии. Анкета была отправлена знакомым автора, а от них уже была перенаправлена в другие страны. Таким образом, удалось собрать 17 анкет в течение двух недель.

В исследовании приняли участие представители следующих стран: Англия,

Франция, Новая Зеландия, Вьетнам, Латвийская Республика – по 1 человеку (всего 5); США и Бразилия – по 4 (всего 8); Россия (СССР) и Украина – по 2 (всего 4). Возраст респондентов: 22-35 лет – 10 человек; 36-55 лет – 6 человек; от 56 лет – 1 человек. Вероисповедание: Православие – 2; Католичество – 5; Политеизм – 1; Индуизм – 1; Иудаизм – 1; Атеизм – 1; Не указали – 3; «Не имею вероисповедания» – 3; Вид деятельности: учеба – 7; работа – 9; находится на пенсии – 1. Бывали ли в России? Да – 11, нет- 6. Более половины респондентов приезжали в Россию в качестве туристов.

В дальнейшем мы будем приводить цитаты (в переводе на русский язык – *прим. авт.*) и будем указывать в скобках № респондента. Для удобства восприятия приводим сводную таблицу:

Таблица

Основные данные о респондентах

Table

Basic information on respondents

Респондент №	Возраст	Страна рождения, национальность	Страна проживания	Вероисповедание	Род деятельности
1	22	Украина, украинец	Украина	Не указано	Учеба
2	23	Украина, украинец	США и Украина	Не имею вероисповедания	Учеба
3	23	США, американец	США	Индуизм	Учеба
4	24	Вьетнам, вьетнамец	США и Вьетнам	Католик	Учеба
5	24	Англия, еврей	Украина	Иудаизм	Учеба
6	26	США, американец	США	Не имею вероисповедания	Учеба
7	26	США, американец	США	Католик	Учеба
8	32	Франция, француз	Франция	Католик	Работа
9	34	США, американец	США	Христианин	Работа
10	40	Новая Зеландия, новозеландец	Австралия	Не указано	Работа

Респон- дент №	Возраст	Страна рождения, национальность	Страна проживания	Вероисповедание	Род деятельности
11	46	Бразилия, бразилец	Бразилия	Католик, не посеща- ющий церковь, не ис- полняющий обряды	Работа
12	80	Бразилия, бразилец	Бразилия	Не имею вероисповедания	Пенсионер
13	49	Россия, Бразилия	Бразилия	Православие	Работа
14	52	Латвийская Республика, русский	Латвийская Республика	Православие, крещеный	Работа
15	32	Россия, русская	Бразилия	Не указано	Работа
16	52	Бразилия, бразилец	Бразилия	Атеист	Работа
17	42	Бразилия, бразилец	Бразилия	Я верю немного во все	Работа

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Рассмотрим подробно ответы респондентов. В начале приводится цитата, в скобках указан № респондента из таблицы.

«Что Вы сейчас думаете о России?». Цитаты из ответов на этот вопрос сгруппированы по наиболее частотным темам. Мы просили отвечать подробно.

О людях: «Замечательная страна с терпимыми, принимающими и понимающими людьми» (3¹). «Люди очень образованные и вежливые» (12). «Я думаю, что Россия – страна, где люди смотрят на жизнь более реалистично и спокойно» (9).

Консервативность и приверженность традиционным ценностям (с положительной коннотацией): «Россия мне кажется более консервативной страной по сравнению с США; насколько мне известно, в России не говорят о тридцати новых полах и о введении новых местоимений» (2). «Россия по-прежнему сохраняет традиционные ценности, которые другие западные страны считают «консервативными», в том числе моральные ценности (но я думаю, что они велики)» (4).

¹ Указаны номера вопросов в анкете.

Политика, социально-экономическое положение: «Сейчас есть агрессия со стороны правительства, которая влияет на мою страну. Страна с экономическим неравенством» (1). «Единственное, что мне не нравится, это то, что Путин – президент» (3). «Огромная страна, с братским народом для украинцев. К сожалению, с властью, которая ведет бессмысленную войну с Украиной. Нынешняя власть не заботится о благополучии русского народа, а пожинает плоды коррупции и пропаганды» (5). «Это довольно развитая страна с властью олигархии, высокой коррупцией, у россиян выросло чувство патриотизма. Условное равенство, приобретенное во время коммунизма, уходит в прошлое. Раньше в одном доме жили учитель и банкир, отличались квартиры внутри. Сегодня же появляются дома класса А, классовое неравенство проявляется все ярче, обособливаются социальные группы» (15). «Россия – прекрасное место для жизни. Люди все время хотят жить в теплых и солнечных местах, но забывают об опасности, которая сейчас проявляется все больше в нашем мире: рост насилия и потребления наркотиков провоцирует общую нестабильность в мире. В России же я гулял по

улицам в любое время суток без всякого страха, и это мне очень понравилось. Строгость властей также на меня произвела очень позитивное впечатление» (11). «Россия – страна очень важная, имеет большой вес в международной политике. Считаю, что у России большие возможности, чтобы иметь сильную экономику и дать многое своему народу. В России есть нефть, большие ресурсы, технологии, хорошее качество образования. Считаю, что Россия себя правильно позиционирует в борьбе против мирового терроризма» (16).

Об интеллектуальном потенциале: «Сохраняется интеллектуальная элита и очень сильные школы (вопреки западным тенденциям)» (2). «Россия великая страна. Русские люди очень умны» (4). «Сравнивая с Бразилией, могу сказать, что местная молодежь, прекрасно понимая внутренние проблемы собственной страны, и не стесненная никакими границами, поучившись по программам обмена студентами в самых разных странах – Италии, Англии, Новой Зеландии, Франции, и пр., категорически не хочет жить и работать нигде, кроме собственной страны. В России, к сожалению, ситуация обстоит немного иначе, и это нужно кардинально менять» (13).

О духовности, ценностях и культуре: «Русская литература, музыка, природа, архитектура мне наиболее близки. Мне также кажется, что русский народ более духовный, что является для меня положительной чертой» (2). «Россия – влиятельная и культурная страна» (8). «Россия – страна очень высокой культуры с огромным потенциалом» (12). «Прежде всего, мне нравится русская музыка и писатели, а также – спорт» (17). «Основной ценностью становится внешняя успешность, внешнее счастье. Первые вопросы в России – есть ли у тебя квартира в собственности и сколько стоит метр, сколько ты зарабатываешь, сколько стоит бензин. Семья так же рассматривается больше как проект, дети так же должны достигать каких-то целей. Отдых – это что-то постыдное: «ты был в

отпуске? – Да, совсем немного, работал там тоже, не отдохнул». Люди боятся признать, что они просто отдохнули, ведь нужно быть в тонусе, и эффективно проводить даже отпуск, погружаясь в интересные занятия, не тратя время зря» (15). «Восхищает то, что Россия уверенно возвращает, утраченное было, ведущее место в мире. Русским не хватает консолидации, идеи, которая бы определила их как великую и единую нацию. Больно видеть, что многие, покидающие Россию, ругают все русское и российское. Пока есть люди, стремящиеся покинуть страну, нельзя говорить о национальном самосознании, национальной гордости и единстве народа» (13).

Резюмируем, что респонденты затронули несколько основных тем: русские люди, традиционные ценности, духовность, культура, политика и социально – экономическое состояние страны и значимое положение России на мировой арене. В силу возраста и количества проведенного в стране времени они указывали на разные аспекты. О людях высказывания очень позитивные, отмечался особо интеллектуальный потенциал, вежливость, спокойствие, понимание. Приверженность русских традиционным ценностям трактовалась в положительном ключе, никто не говорил здесь об отсталости, наоборот, как соблюдение нормы, которой не хватает в других странах. Отмечен высокий культурный уровень страны. Те, кто не был в России, в первую очередь, говорили о политике, о Президенте РФ с негативной стороны, что подтверждает нашу гипотезу об оказываемом на них информационном влиянии посредством СМИ. Респонденты, которые родились в Советском Союзе, говорили о социальных проблемах – бедности пенсионеров, было также отмечено, что русским не хватает консолидирующей идеи, а также – стремление молодежи уехать из страны. Ответы демонстрируют нам широкую палитру представлений.

Чтобы выявить наиболее яркие моменты в мнениях о России, мы задали два

уточняющих вопроса: Что произвело на Вас положительное впечатление в России? (посещавшим страну). Что произвело на Вас негативное впечатление. Ответы красноречивы:

Позитивное: «Мне очень понравились люди. Думаю, что русские отличаются от европейцев. У них другие ценности» (16). «Наличие интеллектуальной элиты, духовность, литература, природа» (2). «Самодостаточная и богатая страна, есть хорошие возможности для получения качественного высшего образования» (5). «Музеи и отношение к историческим ценностям. Я приехал в начале сентября и меня поразили дети, идущие 1-го сентября в школу, все нарядные, с букетами цветов. И те же дети потом в музеях, с учителями, дисциплинированные и воспитанные. Чувствовал себя абсолютно безопасно на улице, это тоже произвело очень хорошее впечатление» (12). «Чистота, вкусная еда, культурная жизнь городов, красивые женщины, количество людей, читающих в метро, ассортимент товаров в магазинах» (15). «Люди. Они ценят вас за вас. Они не судят о вас по материальным вещам» (10).

Негативное: Отмечался несколько раз холод зимой и отсутствие кондиционеров в транспорте – летом. «Люди в среднем менее чуткие и толерантные чем в западном мире по отношению к незнакомцам» (5). «Грубость, уныние, бедность пенсионеров, закрытость людей, отсутствие инфраструктуры для инвалидов и женщин с детьми, сосредоточенность на материальных благах» (15). «В исторических городах, когда я пытался задавать вопросы служащим (музеев), они отвечали неохотно, с их стороны я встречал очень сухое и холодное отношение, что вызывало антипатию» (11).

Три человека ответили, что негативного не было.

Теперь мы переходим к основной теме нашего исследования и приводим ответы респондентов на вопрос полностью, так как они являются важнейшей составляю-

щей, которая позволяет отразить именно взгляд иностранцев на православие:

Что Вы знаете о Православии? «Главным объектом веры в православии является Христос. Распространяется только в странах СНГ» (1).

«Знаю очень мало. Кажется, в православии во время богослужений принято стоять, даже если богослужение длится около трех часов. По-моему, это связано с неким разделением страданий Христа. Знаю, что православие распространено в России и Украине» (2).

«Я не знаю много. Как умеренно религиозный человек я сам уважаю другую традицию» (3).

«Большая христианская конфессия, верная первоначальному учению Иисуса Христа. К сожалению, имелись недоразумения, которые привели к большому расколу с западной католической церковью в прошлом» (4).

«Немного, это не моя религия. Важная составляющая в образе русского человека» (5).

«Ничего» (6).

«Я знаю, что многие доктрины похожи на Римско-католическую церковь, но иерархия организована иначе; есть патриархи, а не епископы, и нет одной главной фигуры, как Папа. Есть больше постов, чем в римско-католической церкви (четыре, мне кажется). Я был на византийских, греческих, армянских и украинских православных литургиях, и я думаю, что русские православные литургии будут похожи на них (с иконостасом)» (7).

«Это ответвление христианства, которое исповедуют в Восточной Европе» (8).

«Я знаю, что это не обычная религия для мест, откуда я родом. Мы рассматриваем его здесь как очень далекого «родственника» римского католицизма и на самом деле они имеют много общего. Я был воспитан как католик с детства и получил представления о святых, об общих молитвах и т.д. И, насколько я понимаю, православный христианин совершает много одинаковых обрядов в своих местах по-

клонения. Я думаю, что православные христиане верят в святых, Деву Марию и возносят общие молитвы, хотя я могу ошибаться. Я также считаю, что православные христиане чувствуют более тесную связь с монахами и пещерами, в которых их тела были погребены, чем последователи любой другой формы религии, о которой я слышал. Кажется, это имеет большое значение и в делах, основанных на традиции. Я вижу, что женщины прикрывают головы при посещении важных религиозных мест или посещая мессу» (9).

«Я знаю, что это древняя форма христианства. С очень отличающимися ритуалами от христианства на Западе. Это также очень красивая религия. Меня всегда восхищала красота их икон» (10).

«Христианская религия та же, что и в католической церкви. Я видел обряды, совершаемые в Православной церкви. Православные священники могут жениться, заводить семью, в противоположность католическим священникам, которые обязуются хранить целомудрие» (11).

«Не могу ответить. Никогда не был на службе в православной церкви» (12).

«Я крестилась сама в 20 лет сознательно. Читала Библию. Знаю немного историю православия на Руси. Знаю некоторые молитвы. Думаю, что для русской православной церкви необходимо активнее участвовать в общественной жизни, помогать нуждающимся, одиноким, больным. Люди должны находить в церкви не только доброе слово и моральную поддержку, но и реальную помощь. Нужно активнее привлекать волонтеров. Не допускать, чтобы людей завлекали в различные секты, которые так расплодились последнее время. Сильная, активная и массовая православная церковь может намного больше, чем все мелкие фальшивые проповедники» (13).

«Достаточно, для того чтобы считать себя православным и быть им, хотя и не воцерковленным» (14).

«Это направление христианства от католицизма отличается календарем и вопросом филиокве. Подразумевает в себе

веру в единого бога, веру в воскресение. Наибольшее число православных находится на территории России. В России не закреплена как официальная религия. За рубежом представлено двумя церквями – московским патриархатом и зарубежной церковью» (15).

«То, что я знаю, что православие – это результат разделения единой христианской церкви на несколько течений. Знаю, что в православии особые обряды. Но в плане базовой, теологической основы, насколько я понимаю, разницы между христианскими церквями практически нет» (16).

«Я уже был в православной церкви в Порту-Алегри. Очень красивые ритуалы, красивая литургия. Красивые молитвы» (17).

Исходя из ответов, мы видим, что о распространении православия по всему миру не говорит никто, некоторые говорят, что оно распространено в странах СНГ. О православии в целом знают немного, в первую очередь, т.к. это не является религиозной традицией большинства респондентов, а также, как мы предполагаем, в силу того, что информации о «православии в мире» не так много в медийном пространстве и миссия в странах не очень обширна. Большинство респондентов ответили, что это ответвление христианства. Некоторые знают и такие тонкости как различия с отношением к филиокве и иной церковный календарь. Особый интерес представляет и мнение русской православной женщины, много лет живущей в Бразилии о том, как следует развиваться церкви – № 13, поскольку исходя из других ответов респондента видно, что она переживает за страну и видит в Русской Православной Церкви один из оплотов для возрождения ее мощи.

Ответы на следующие вопросы мы приводим кратко.

«Заметили ли Вы, что русские люди религиозны? Что для них важна духовная жизнь?». Ответы тех, кто побывал в России, можно условно сократить до: Да, скорее да – 10 человек, Нет, скорее нет – 7 че-

людей. Отметим сложность понятия «религиозный человек», интересно, что под ней подразумевали респонденты, ответы: «Это не очень заметно. Некоторые русские крестятся перед церквями» (15). «Нет, я не заметил особой религиозности в русских. Никто не говорил со мной о религии во время моего пребывания в России, никто не касался этих вопросов. Думаю, что русские очень глубоко чувствуют музыку, литературу, поэзию, искусство, и это делает их духовную жизнь, безусловно, богатой. Но не вижу в этом никакой связи с религией» (16). «Не заметил ничего подобного во время моего пребывания в России, никто не говорил о том, чтобы пойти в церковь» (11).

Таким образом, под религиозностью русских иностранцы называли: пойти в церковь вместе, креститься при виде храма, разговоры о Боге. Мы полагаем, что это все не свойственно для русских людей из-за влияния советского периода (запрета на религию). И хотя религия в настоящее время пронизывает многие общественные сферы, но в России, в православной традиции, не принято звать малознакомых людей в храм, если заведомо неизвестно, что им это точно интересно, а большая часть респондентов была в России в качестве туристов.

«Принимали ли Вы участие в православных богослужениях? Хотели бы участвовать в православных богослужениях? Почему?». Большинство ответили отрицательно, но были и положительные ответы не только от православных людей. «Да, принимал. В Порту-Алегри. Я принял участие, потому что думаю, что это интересный ритуал, и мне очень нравится музыка и литургия с песнопениями. Я хотел увидеть, как это происходит» (17). В основном ответы были связаны с отсутствием интереса к участию в чужих обрядах и приверженности другим религиям.

«Знаете ли Вы, кто является Патриархом в Русской Православной Церкви?». 11 человек ответили, что знают, кто является патриархом в Русской Православной Церкви, 6 – не знают.

«Что вы думаете об архитектуре храмов в России? Каково Ваше отношение к пожертвованиям в Церкви?». «Прекрасная архитектура. По поводу пожертвований – ни одно учреждение не может существовать без средств, не вижу ничего постыдного для Православной церкви в сборе пожертвований» (11). «Это чудо. Увидеть архитектуру храмов и соборов – главная причина, по которой я иду посетить их, хотя сам я не христианин» (3). «Очень красивые и в отличной сохранности. У меня создалось впечатление, что архитектура православных храмов хорошо отражает суть христианского учения. По поводу пожертвований – если церковь ведет социальную работу, должны быть пожертвования. Здесь я делаю пожертвования в разные религиозные организации, куда время от времени хожу» (12). «Самый красивый собор, который я видел в моей жизни – Исаакиевский Собор. Мне он показался лучше, чем соборы Ватикана. Невероятно красивый. По поводу пожертвований. Считаю, что верующие люди, которые ходят в церковь и нуждаются в ней, должны помогать в меру своих возможностей, так как пожертвования – единственный способ поддерживать существование церкви» (16).

Большинство ответов свидетельствовали о восхищении архитектурой православных храмов. Вопрос о пожертвованиях не вызвал отрицательного отклика у респондентов, большая часть считает это нормой. Отметим, что вопрос о пожертвованиях был задан не случайно. В самой России в информационном пространстве вопрос пожертвований носит достаточно провокационный характер и вызывает споры, поэтому было особенно интересно, как видят это иностранные граждане.

«Что Вас удивляет в русском Православии? Вы сами считаете себя религиозным человеком? Что делает Вас таковым?». 8 человек назвали себя религиозными людьми, 5 – нерелигиозными, 4 человека – частично религиозными (совершающими обряды). При этом ответили,

что посещают религиозные мероприятия: да – 9, нет – 6, изредка – 2.

Из «удивляющего» отмечалось, что непонятно наличие крестов. «Наверное, крест – это символ страданий. Но почему прибегают к этому символу, не совсем ясно» (2). «Влияние русской церкви на страны бывшего СССР» (1). «То, что все кажется очень точным и упорядоченным, меня так удивило, что даже в католических церквях все не всегда так строго и аккуратно» (9). «Я религиозен. Я посещаю мессу каждый день и практикую добродетели, преподаваемые моей религией» (4). «Я религиозный человек. Бог – самая важная Личность в моей жизни» (7). «Я не знаю православия настолько глубоко, поэтому не могу ничего сказать об этом. Я не религиозный человек. Я рациональный человек, верю только в то, что способен объяснить себе» (16). На тему изучения религиозности русских людей 2018 году было проведено исследование методом сетевого анализа (Chudnovskaya, Lipatova, 2018).

Заключение (Conclusions). Результаты нашего исследования показывают, что многие иностранцы считают, что в России люди сохранили приверженность традиционным консервативным ценностям. Архитектура православных храмов и красота песнопений привлекает и завораживает, большинство иностранцев знает, что православие – это ответвление христианства, некоторые знают и о вероучительных тонкостях, как, например, вопрос филиокве. Интересно, что о том, что православие распространено во всем мире, судя по ответам, не знал никто. Тогда как сейчас православие распространено на всех континентах, даже в Антарктиде действует храм в честь Святой Троицы.

Наше исследование призвано привлечь внимание к теме православия в мире, а также способствовать изучению русской культуры. По результатам исследования, можно сказать, что о православии за рубежом известно не очень много. О России участники исследования говорили в позитивном ключе, особенно о людях и куль-

туре. Те, кто не бывал в России, в первую очередь из негативного указывали на политические обстоятельства, что, мы полагаем, является результатом информационной кампании, которая ведется в других странах в отношении России. Знания о России коррелируют напрямую со знаниями о православии. Те, кто знает больше о России, бывал здесь, знают и говорят больше и о православии. Родившиеся в СССР и России респонденты сохранили приверженность православной религии, считают себя русскими, независимо от нового гражданства. В нашем следующем исследовании мы продолжим изучать взгляд иностранцев на православие.

Список литературы

Антонюк Е. Ю., Трунёв С. И. Трансформация национального образа России в системе межкультурной коммуникации // Вестник ПАГС. 2014. №5 (44). С. 63-71.

Гачев Г. М. Национальные образы мира. М., 1994. 480 с.

Гладкая О. М. Россия и Православие глазами иностранцев // Хлеб жизни. 2018. №9. С. 28-35.

Касаткин П. И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики // Вестник МГИМО. 2010. №6. С. 141-151.

Обдалова О. А., Одегова О. В. Межкультурная и межъязыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. №44. С. 70-81.

Одегова О. В. Соприкосновение с иноязычной культурой посредством конфликта в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2009. №324. С. 136-138.

Прот. Николай Флоринский Влияние русской православной церкви на культуру народа // Русин. 2006. №2. С. 130-135.

Садохин А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 271 с.

Дворкин А. Современные Православные Церкви (справка) // Православие и Мир. URL: <https://www.pravmir.ru/sovremennye->

pravoslavnye-cerkvi-spravka/ (дата обращения: 12.04.2019).

Aroutiounova J. M., Linkova E. V., Arslanov R. A. The Image of Russia in French Travel Literature of the XIXth century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43, Iss. 1, P. 59-67.

Chudnovskaya I. N., Lipatova M. E. Impact of media on shaping ethno-cultural stereotypes in British and Russian young people // *Media Watch*. 2018. Vol. 9, Iss. 3. P. 426-436.

Curanović A. Russia's Mission in the World // *Problems of Post-Communism*. 2018.

Hall E. T. The Power of Hidden Dimensions // *Basic concepts of cultural communication*. Bennet M.J. (ed). Intercultural Press-Inc, 1998. P. 25-78.

Kabul O., Yesim G., Velikaya O. V. The development of culture influenced by religion and its connection with continuity as a philosophical notion // *European Journal of Science and Theology*. 2018. Vol. 14, №3. P. 95-104.

Popov N. P. Comparative analysis of social and political views of Russian and American youth // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. №1. P. 126-152.

References

Antonyuk, E. Yu. and Trunev, S. I. (2014), "Transformation of the national image of Russia in the system of intercultural communication", *Vestnik PAGS*, (5), 63-71. (In Russian).

Gachev, M. G. (1994), *National images of the world*, Moscow, Russia. (In Russian).

Gladkaya, O. M. (2018), "Russia and Orthodoxy in the eyes of foreigners", *Hleb zhizni*, (9), 28-35. (In Russian).

Kasatkin, P. I. (2010), "The Russian Orthodox Church as an actor in contemporary global politics", *Vestnik MGIMO*, (6), 141-151. (In Russian).

Obdalova, O. A. and Odegova, O. V. (2018), "Intercultural and interlanguage communication as a new reality in the context of globali-

zation", *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, (44), 70-81. (In Russian).

Odegova, O. V. (2009), "Contact with foreign language culture through conflict in the context of intercultural communication", *Bulletin of Tomsk State University*, (324), 136-138. (In Russian).

Prot. Nicholas Florinsky (2006), "Influence of the Russian Orthodox Church on the culture of the people", *Rusin*, 2, 130-135. (In Russian).

Sadokhin, A. P. (2004), *Theory and practice of intercultural communication*, YUNITI-DANA, Moscow, Russia. (In Russian).

Dvorkin, A. (2019), "The modern Orthodox Church (reference)", *Pravmir.ru* [Online], available at: <https://www.pravmir.ru/sovremennye-pravoslavnye-cerkvi-spravka> (Accessed 12 April 2019). (In Russian).

Aroutiounova, J. M., Linkova, E. V. and Arslanov, R. A. (2017), "The Image of Russia in French Travel Literature of the XIXth century", *Bylye Gody*, 43 (1), 59-67.

Chudnovskaya, I. N. and Lipatova, M. E. (2018), "Impact of media on shaping ethno-cultural stereotypes in British and Russian young people", *Media Watch*, 9 (3), 426-436.

Curanović, A. (2018), "Russia's Mission in the World", in *Problems of Post-Communism*.

Hall, E. T. (1998), "The Power of Hidden Dimensions", in Bennet, M.J. (ed.), *Basic concepts of cultural communication*, Intercultural Press-Inc, 25-78.

Kabul, O., Yesim, G. and Velikaya, O. V. (2018), "The development of culture influenced by religion and its connection with continuity as a philosophical notion", *European Journal of Science and Theology*, 14 (3), 95-104.

Popov, N. P. (2019), "Comparative analysis of social and political views of Russian and American youth", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 126-152.

Анкета участника

Исследование посвящено изучению взгляда иностранных граждан на Россию и Православие. Заполнение анкеты займет у Вас 15-20 минут времени.

При публикации результатов исследования Ваши данные будут использоваться только в обобщенном виде без указания ФИО. Если Вы разрешаете указывать при публикации Ваши ФИО, то укажите здесь (разрешаю) или (анонимно)

Расскажите, пожалуйста, о себе:

1. Фамилия Имя (Отчество) (Псевдоним).
2. Возраст (полных лет).
3. Страна рождения и Национальность.
4. Страна проживания и Гражданство.
5. Вероисповедание (указать по желанию).
6. Какими языками Вы владеете?
7. Когда Вы бывали в России?
8. Как много времени Вы провели в России?
9. Чем Вы здесь занимались? Учеба/Туризм/Работа/Другое (Подчеркнуть)
10. Каков Ваш род деятельности сейчас?

Далее последуют вопросы о России и о Православии:

1. Что Вы сейчас думаете о России? (3-12 предложений).
2. Какие у Вас были представления о России до визита, и что изменилось после него? (3-12 предложений).
3. Какие города России Вы посетили?
4. Бывали ли в Русской деревне?
5. Напишите, что Вас удивило позитивно в России (2-5).
6. Напишите, что Вас удивило негативно в России (2-5).
7. Что Вы знаете о Православии (3-12 предложений) Желателен подробный ответ.
8. Заметили ли Вы, что русские люди религиозны? Что для них важна духовная жизнь?
9. Бывали ли Вы в храмах в России?
10. Принимали ли Вы участие в православных богослужениях? Хотели бы поучаствовать в православных богослужениях? Почему?
11. Знаете ли Вы, кто является Патриархом в Русской Православной Церкви?
12. Что Вы думаете об архитектуре храмов в России? Как Вы относитесь к пожертвованиям в Церкви?
13. Что Вас удивляет в русском Православии? Вы сами считаете себя религиозным человеком? Что делает Вас таковым?
14. Посещаете ли Вы религиозные мероприятия в своей стране? Какие?
15. Ваш контактный e-mail.
16. Здесь Вы можете написать свои впечатления или оставить дополнительные комментарии по теме.
17. Желаете ли Вы участвовать в дальнейших исследованиях по теме (Да/Нет).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гладкая Ольга Михайловна, аспирант кафедры внешних церковных связей и общественных наук Общецерковной аспирантуры и

докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Olga M. Gladkaya, Post-Graduate Student, Ss. Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-2

Ekaterina I. Grishaeva

**Conservative Criticism of Europe in Russian Public Sphere:
from Orthodox Anti-Westernism to Political Mistrust in Europe**

Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620075, Russia
grisha-eva@list.ru

*Received on April 29, 2019; Accepted on May 30, 2019;
Published June 30, 2019*

Abstract. This paper analyses how the Orthodox discourse colonised political discourse. To clarify what role the Russian Orthodox Church played in the creation of conservatism hegemony in Russian politics during 2006-2015, we analyse references to the Orthodox discourse found in the official political speeches, especially in discussions of economic, political, social and cultural issues that dominate the domestic and international agenda. Since national ideology is constructed in opposition to other nations, we restrict our analysis to criticism of Europe only since it is one of the core elements of Russian conservatism. Critical discourse analysis was used as a methodological and theoretical framework for studying materials. As a result, we have identified three dichotomies in the criticism of European values: (1) religion vs secularism, (2) collectivism (sobornost') vs individualism, (3) collective morality vs liberal moral pluralism. Within the period of 2006-2012, the Orthodox discourse has been appropriated in domestic agenda. After 2013, the Russian political discourse featured conservative rhetoric in the evaluation of European modernity through the two dichotomies: secularism vs. Orthodoxy and individualism vs. sobornost'.

Keywords: postsecularism; Russian Orthodox Church; conservatism; geopolitics; discourse analysis.

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Scientific Foundation under Grant Religious Majority/Minority in Public Space in Russia and Northern Europe: Historical-Cultural Analysis, number 17-18-01194.

Information for citation: Grishaeva E. I. (2019), "Conservative Criticism of Europe in Russian Public Sphere: from Orthodox Anti-Westernism to Political Mistrust in Europe", *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 16-24, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-2

Гришаева Е. И.

**Консервативная критика Европы в российской публичной
сфере: от православного антизападничества
до политического недоверия к Европе**

Уральский Федеральный университет
ул. Ленина, 51, Екатеринбург, 620075, Россия
grisha-eva@list.ru

*Статья поступила 29 апреля 2019 г.; Принята 30 мая 2019 г.;
Опубликована 30 июня 2019 г.*

Аннотация. В статье анализируется «колонизация» политического дискурса православным. Для того, чтобы выяснить, какую роль сыграла Русская Православная Церковь в создании гегемонии консерватизма в российской политике в 2006-2015 годах, мы анализируем ссылки на православный дискурс, встречающийся в официальных политических выступлениях, особенно в контексте обсуждения экономических, политических, социальных и культурных эта линия является одним из основных элементов русского консерватизма. Критический дискурс анализ использовался в качестве методологической и теоретической рамки изучения материалов. В результате мы выявили три дихотомии в критике европейских ценностей: (1) религия и секуляризм, (2) коллективизм (соборность) и индивидуализм, (3) коллективная мораль и либеральный моральный плюрализм. Было установлено, что в период с 2006 по 2012 православная риторика использовалась политиками для обсуждения внутренней политики. После 2013 года в российском политическом дискурсе использовалась консервативная риторика в оценке Европы с помощью двух дихотомий: секуляризм и православие; индивидуализм и соборность.

Ключевые слова: постсекулярность; Русская православная церковь; консерватизм; геополитика; дискурс-анализ.

Информация для цитирования: Гришаева Е. И. Консервативная критика Европы в российской публичной сфере: от православного антизападничества до политического недоверия к Европе // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 2. С. 16-22. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-2

Introduction. After the end of the Cold War, religion started to be increasingly visible both publicly and politically, which attracted much scholarly attention (Beckford, 2012; Habermas, 2006). Political and international relations studies focused on religion as 'linked' to 'civilizational' and 'cultural identities' (Hallward, 2008: 1). The emerging regional centres of power (Brazil, India, South Africa, China, Arab countries, etc.) participate in global norm-making and impose their values, which are often hostile to neoliberal ones (Neuman, 1996). In these cases, religions be-

come an important element of anti-Western criticism and often play the key role in fostering the national identity. Being a part of this trend, Russia questions the neoliberal order by using conservative ideology as a means of cultural and political revolt against the Western domination (Petito, 2016). Given the fact that since the 1990s, the Russian Orthodox Church (ROC) has been collaborating with political elites and social groups in ideology construction and national identity building (Mitrofanova and Knox, 2014; Curanovic, 2012), the Russian Orthodox Church has be-

come one of the core conservative ideologues. Penetration of the Orthodox discourse into political debates can be interpreted as a sign of conservatism in politics.

A large body of research focuses primarily on how the state employs Orthodoxy and the ROC to pursue national interests on the domestic and international arena (Curanovic, 2012; Blitt, 2011). However, few studies describe how and which conservative ideas were developed inside the ROC and how they later penetrated the political stage. This paper addresses this lacuna by analysing in what ways the official political discourses recontextualize the discourses of Orthodox conservatism aimed to criticize European policy in the period between 2006 and 2015. As national Russian ideology is constructed through the opposition with other nations (Neuman, 1996), we focus our analysis to the criticism of Europe as one of the core elements of Russian conservatism. Firstly, we consider the key tendencies of the state-ROC institutional rapprochement. We see the development of the ROC-state collaboration and the political context as two intertwined factors that eventually caused the integration of the religious and political discourses. Secondly, we analyse the main points of the criticism of Europe in the Orthodox conservative discourse. Thirdly, we examine how these Orthodox nodal discourses are recontextualized in the official political discourse, for example, in official speeches and institutional practices.

Methodology and methods. The critical discourse analysis (CDA) is used as a methodological framework to examine conservative criticism of Europe as an ideology. We consider criticism of European modernity as an 'interdiscursive event' (Fairclough, 2005) that connects political and religious discourses within the conservative ideology. In this case interdiscursivity means that Orthodox criticism of Europe is recontextualized in the political discourses in a frame of "colonization-appropriation dialectic" (Fairclough, 2005: 65). The conservative ideology fits well into the current political agenda and seen by politicians as the instrument of self-

legitimation (appropriation), and at the same time, the ROC gains to achieve political power for itself (colonization).

In our study, we compare only official political and official religious speeches and texts, which are prepared in advance, and thus do not include the elements of spontaneous non-verbal communication, unlike other types of communication (Gee, 2005). With the view to our goal, we define both discourses as a corpus of written texts, which are "globally coherent ... form a meaning unit, and not only a physical unit of continuous expression" (van Dijk, 1998: 195). Context is crucial for production or interpretation of an utterance. It is necessary to consider international affairs and domestic political contexts in order to understand the process of creating meanings and receivers' interpretation of utterances.

The analysis of interviews, speeches and sermons of the main ROC representatives (Patriarch Alexei, Patriarch Kirill, Metropolitan Illarion (Alfeev), Archpriest Vsevolod Chaplin) brings to light the conservative criticism of Europe in the official Orthodox discourse. All materials were taken from the official web-site of the ROC – *patriarchia.ru*. Out of various political discourses we have chosen only the official political discourse as it is presented on the website *kremlin.ru*. Our analysis also included the materials of The State of the Nation Addresses (between 2006 and 2015), Putin and Medvedev's speeches at the Valdai Forum as well as the Concepts of Foreign Policy (2008, 2013). We look at both discourses as structured by the authority of the religious institution (Moscow Patriarchate) or political power while the positions and authorship of subordinated subjects are not important, because they mainly follow and express the dominant ideology.

The fragments of the text containing references to Europe, liberalism, secularism, and conservatism were collected from web-site *patriarchia.ru* and saved in separate files; the same procedure was applied to web-site *kremlin.ru* with the key words 'Europe', 'civilization', 'conservatism', and 'traditional values'. Then we defined and studied the nodal

discourses and the contexts in which they have emerged.

Research results and discussion.

State-ROC institutional rapprochement.

The Russians had to deal with the fact that their country had lost its superpower status (Smith, 1999) and sought to restore this status in particular through the concept of a special path. Moreover, in the situation of ideological vacuum, the juxtaposition of communist and moral Orthodox agenda allowed the former Soviet citizens to obtain a new clear-defined identity by resorting to conservative rhetoric and supporting the ROC (Agadjanian, 2011). In its turn, the state focused on the role of tradition in the construction of the national identity as an efficient way to consolidate the nation (Dubin, 2004). Analysing the ROC-society-state cooperation, we can point out the three overlapping factors that contributed to the process of penetration of Orthodox conservatism into the public sphere and politics: (1) the ROC's aspired to influence politics and public morality, (2) the state used Orthodoxy and conservative ideology as instruments of self-legitimation and nation building; and (3) the society saw the ROC as the guardian of moral values and Orthodoxy as a bearer of the new national identity.

The development of the ROC-state cooperation went through two stages and resulted in the promotion of conservative values in the public sphere. After the collapse of the USSR and during the early 2000s, the ROC charged itself with the task of guarding the moral foundations of the society and tried to distance itself from politics (Mitrofanova 2014). In 2000, the working group headed by the Metropolitan Kirill developed *'The Bases of the Social Concept of the ROC'*. The document reveals the paradoxical contradiction within the ROC-state relation in this period. Although the Church highlights its separation from the state and politics, it also emphasizes the importance of the nation's moral upbringing in Orthodoxy. Adhering to this dualism, Patriarch Alexey carefully kept the ROC from being involved into politics but supported its

social activities. In line with this policy, in 2006, the ROC started training priests for the Army; in 2012 the mandatory course *'The Bases of Religious Culture and Secular Ethics'* was introduced at Russian schools.

After his enthronement in February, 2009, Patriarch Kirill consolidated the ROC and put parishes under strict administrative control; he enhanced collaboration between the ROC and secular institutions (state, society, and mass media). In 2011-2012, before and after the presidential election, the ROC used this opportunity to act as a political force, because both opposition leaders and state officials sought the ROC's support (Filatov, 2014; Knorre, 2014). As the ROC chose to stay loyal to the government, it obtained financial and social benefits, strong legal protection; as a result, the visibility of Orthodoxy in the public sphere increased. As a part of this trend, the document *'The Core Values as the Basis of National Identity'*, adopted at the XV WRPC meeting in 2011, listed "traditional values" as crucial for the prosperity of Russian society. These values included the following: Orthodoxy and faith, *sobornost'*, morality, family values, patriotism, asceticism and readiness for self-sacrifice, justice, freedom, and mercy (Bazisnye cennosti – osnova obshchenacional'noj identichnosti 2011). This document is a key milestone of the ROC participation in the nation-building process.

Anti-Westernism in the Orthodox Discourse.

As the analysis of publications on the web-site of the Moscow Patriarchate from 2006 to 2015 shows, the Orthodox criticism of Europe is based on the dichotomy of traditionalist and post-modern values. There are three dichotomies that correspond to the three main lines of the criticism: (1) religion (Orthodoxy) vs secularism; (2) collectivism (*sobornost'*) vs individualism; and (3) morality vs liberal moral pluralism. Religion, collectivism and morality thus become the nodal discourses within which Europe is judged. The discourse is constructed in a way to demonstrate the weakness of Europe and to highlight the advantages of the Russian historical past; it

emphasizes only the drawbacks of the latter, and the virtues of the former.

The Orthodox conservatives describe religion as a necessary basis for the successful development of any society, Orthodoxy as a carrier of traditions and values is important for the prosperity of Russia and necessary for nation building. Secularism causes most of the European problems. The 'crisis of civilizational identity' in Europe happened because Europe had adopted the secular paradigm and rejected Christianity. This is the moral or spiritual crisis, the crisis of the 'Godless society', which in the future can lead to the destruction of Europe since Europe, renouncing Christianity, is not immune to external expansion. The official Orthodox discourse recognizes only Christian Europe, which is the desired or 'imaginary Europe' of the Soviet intellectuals (Yurchak, 2006). Christians of different denominations should collaborate *'to save the Europe that we know as a unique and original civilizational region that has equal relations with the other centres in the world'* (Patriarch Kirill, 2010).

The concept of *sobornost'* as the social and spiritual unity of people in the church or/and in a secular community is used to criticize individualism in European society. The essence and at the same time the main drawback of individualism is that a person is instinctively driven by 'natural and unnatural aspirations and desires', 'passions and vices', which cannot be controlled by the society. Individualism implies that high importance is attached to material goods, comfort and consumerism while spiritual and religious values or ideals are meaningless for individual citizens. According to the ROC, instinctive behaviour, consumerism and inability to commit to spiritual values are incompatible with sustainable development and lead to degradation and disintegration of society. Non-religious individualistic society is opposed to *sobornoe* society, which is moral, religious and stable.

Conservative morality and the concept of traditional values underlie the moral criticism of liberalism. According to the Orthodox conservatives, commitment to traditional

moral values leads to prosperity and sustainable social development. *'In the public sphere, society and the state should support and encourage morality, acceptable to the majority of citizens'* (Patriarch Alexey, 2007). Traditional values could be preserved and successfully transmitted from generation to generation only by means of tradition. The main argument for visibility of religion in the public sphere is that religion is one of the most effective ways to provide the continuity of tradition and preserve morality in the society.

The main drawback of liberalism is its principle of religious neutrality in the public sphere. Liberalism rejects the Orthodox concept of sin: 'not God but the man is the measure of absolute truth, the human him- or herself is holy and pure' (Patriarch Alexey, 2007). According to liberalism, human dignity is the ability to act freely and to realize individual desires. The conservative criticism tends to show that people's dignity and freedom, the way they are understood by the liberals, in fact mean quite the opposite: the loss of freedom and human dignity. Liberal freedom is freedom given to sinful human nature; it is 'the freedom of expression of every desire, uncontrollable consumerism, the propaganda of permissiveness and of sexual immorality' (Obrashchenie Vysshego Cerkovnogo Soveta Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2012). Thus, liberal morality produces weak-willed citizens, incapable of self-sacrifice, not taking into account the public good; liberal pluralism lead to moral crisis and degradation of society.

According to the logic of the conservative discourse, *sobornost'* and traditional moral values will enable Russia to overcome its social and economic crisis; they are the pillars of sustainable development of any society. From this perspective, European modernity, which relies on secularism, individualism and liberalism, is in deep spiritual crisis. The Orthodox intellectuals look at Europe through the lens of the Russian historical and cultural experience; their criticism of Europe is rooted in the Soviet past and in the post-Soviet trauma and stems from the misunderstanding of the logic of European modernism (Stoeckl,

2011). The ROC perceives Russian future through its imperial past; the nineteenth-century concepts of Christian theology and Russian religious philosophy serve as the departure points for the ROC's interpretation of European modernity. Russia's historical isolation in the twentieth century and the 'Iron Curtain' made it difficult for the Orthodox intellectuals to understand the path that Europe took after the Second World War.

Orthodox conservatism in politics: from Orthodox Anti-Westernism to geopolitical confrontation.

The Russian political elite pays special attention to 'the identity of Russia and its place in the world after the collapse of the Soviet homeland and the loss of great power status' (Smith, 1999:481). Identity discourse emphasizes Russia's independence on the international arena and explains Russia's confrontation with the West (Bruning, 2012). In particular, politicians elaborate identity discourse by appropriating Orthodox anti-Westernism. In this paragraph we demonstrate how this appropriation unfolds within two periods of the political discourse development:

(1) 2006-2012: the beginning of the period was marked by Vladimir Putin's speech in Munich (May, 2007), continued with the presidency of Dmitry Medvedev (2008-2012) and ended with the anti-Putin opposition rallies in 2011-2012;

(2) 2013-2015: the conflict between Russia and the EU caused by the war in Eastern Ukraine.

The period of 2006-2007 became a turning point in the country's foreign policy, when political leaders for the first time referred to the Orthodox discourse in the national identity discourse. The change coincided with the increasing global geopolitical confrontation caused by the intervention of the EU and US intervention into the domestic policy of the Third World countries: 'the excessive usage of power in international affairs', 'the whole legal system of one state ... has transgressed its national borders in all the spheres: economic, political and humanitari-

an' (Putin, 2007). The other external factors included the confrontation between East and West, the regional destabilization in the Middle East, distrust in the international organizations, global inequality and the lack of justice in international relations.

In a situation of tension of EU-Russian relations, Putin turned to the conservative rhetoric in the domestic agenda in order to stress the uniqueness of the Russian national identity. He turned to the concept that religion (especially Orthodoxy) initially played a core role in the history of Russia: 'Russia has always been a patriarchal country; a very religious country ... The Church has always played a significant role in Russia' (Meeting of the International Discussion Club in Valdai, 2006). Following the official Orthodox discourse, Putin stressed that the ROC is one of the key social institutions that brings strict moral norms into the public sphere; thus, morality could not be separated from religion and spirituality (*dukhvnost'*). According to Putin, morality and religion are the key elements of the nation's civil unity. Both the Orthodox clergy and Putin made references to the Russian history to prove the role of religion in the development of the country.

Between 2007 to 2012, Dmitry Medvedev and Putin emphasized that conservative values were essential for the sovereignty of the country and its international status. In 2010, 'Edinaya Rossiya' ('United Russia'), a political party headed by Putin and Medvedev, asserted that Russian modernization should be based on Orthodox faith (Blitt, 2011). The following concepts of Orthodox discourses were recontextualized: 'traditional values', 'strengthening of the spiritual and moral basis of society' (President's Annual Address to the Federal Assembly 2008, 2012). In political discourses this concepts make the chain of equivalence with the concept of national sovereignty. For example, '*Russia should be a sovereign and influential country. Apart from sustainable development, we should ensure that our national and spiritual identity be preserved and save ourselves as a nation. To be and to remain Russia*'

(President's Annual Address to the Federal Assembly, 2012).

'The Concept of the Russian Foreign Policy of 2008' introduced the idea of civilizational confrontation based on the difference of values (Concept of Foreign Policy, 2008). Discussions about Russia's unique civilizational path implicitly refer to Europe as a threat to the Russian national identity, but in this period politicians did not expand on this idea yet. Moreover, despite the geopolitical confrontation and references to conservative rhetoric, the political discourse presented Europe as the role model: it was declared that Russia had inherited the European standards of social policy, human rights, civil society, and democracy (Putin, 2008; Putin, 2011).

During the Ukrainian conflict, in 2013-2015, the EU-Russian relations were in a deep crisis similar to the Cold War situation. Therefore, in 2013-2014 the Kremlin started to resort to conservative Orthodox ideology in the domestic and international agenda more intensively. In discourse of national identity, there were following references to the official Orthodox discourse in order to highlight special path of Russian civilization: the ideas were expressed that traditional religions are a universal key to the welfare of society; that religion has to be visible in the public sphere; and that Orthodoxy, traditional values and morality are crucial for the Russian civilization. Putin contrasted Russian readiness for self-sacrifice, collectivism, patriotism, with European individualism (Question-and-Answer Session with Vladimir Putin, 2014).

In 2013, Putin for the first time use conservative discourse about religion to criticize openly European modernity. Firstly, he referred to 'Europe's abandonment of its Christian roots' and Orthodox criticism of the secularism, which leads to 'degradation, primitivism, a severe demographic and moral crisis' (Meeting of the International Discussion Club Valdai 2013). The Concept of Foreign Policy of 2013 also underlines the importance of religious, spiritual and moral factors in international relations (Concept of Foreign Policy, 2013). In 2015, Putin stressed that the con-

frontation between Russia and Europe is essentially a civilizational conflict (Meeting of the International Discussion Club Valdai, 2015).

In May, 2013, at the meeting with Patriarch Kirill, Sergey Lavrov, the Minister of Foreign Affairs, pointed out the increasing importance of civilizational identity as a factor of international relations, mentioned 'militant secularism', which does not recognize religious values, and stressed the role of Orthodoxy in the national development (Lavrov, 2013). At the meeting with the members of the Russian International Affairs Council on June, 4 2014, Lavrov said that Europe, which lost its Christian roots, does not recognize 'the new Russia coming back to its traditional values rooted in Orthodoxy' (Lavrov, 2104).

Our analysis has shown that there are few examples of recontextualization of Orthodox discourses in politics; political discourses remains secular and is mainly constituted by political and socio-economic issues. Since 2007, politicians have been recontextualized Orthodox conservative ideas to speak of the domestic agenda, in discourses of national identity, and national sovereignty. For instance, presence of Orthodoxy in the public sphere, adherence to traditional values, and morality were supposed to help Russia reclaim its status of the superpower. The discourses of national identity, and national sovereignty have become the ground for the emergence of discourse of anti-European criticism, when political context changed after the Ukrainian crisis of 2013. Conservative rhetoric appeared in the evaluation of Europe through the two narratives, built on dichotomy, borrowed from the Orthodox discourse: secularism – Orthodoxy, individualism – *sobornost*'.

Conclusion. After Patriarch Kirill's enthronization in 2009 and the rallies of 2011-2012, the ROC obtained significant political power and strengthened its collaboration with the state and society. Metropolitan Kirill adopted a policy targeted at close collaboration of the state and the Church, which involved the penetration of Orthodox conserva-

tism into the political discourse. In the Orthodox conservative discourse, the anti-Western criticism is constituted by the three dichotomies: religion – secularism; individualism – collectivism; collective morality – liberal moral pluralism. Until 2012, the conservative rhetoric had prevailed in the domestic policy and had been mainly used to define the Russian national identity. Later it was turned into a means to reclaim Russia's status of a superpower on the international arena. In 2013 – 2015, when the Cold War tension between Russia and the EU escalated, the official political discourse referred to the Orthodox criticism of European modernity by reproducing the 'religion – secularism', 'individualism – collectivism' dichotomies. Politicians pointed out the role of the Orthodox values as the core of the Russian national identity and referred to them to present the EU-Russian conflict as a conflict of civilizations.

References to Orthodox conservatism do not prevail in the official political discourse, which has a secular nature. We assume that conservative ideology is deeply embedded into Russian politics not on discursive level but on the level of social practices. Russian politicians distinguish between words and actions and, therefore, use soft power such as religious diplomacy and public institutions ('*Russkii Mir*') to promote Orthodox conservatism. This can be a subject for further studies.

References

Agadjanian, A. (2011), "Exploring Russian Religiosity as a Source of Morality Today", in Zigon, J. (ed.), *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia*, Berghahn Books, New York, USA, 16-24.

"Appeal of the Supreme Church Council of the Russian Orthodox Church" (2012), Recourses of the Moscow Patriarchate, April 3 [Online], available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/301775.html> (Accessed 14 June 2019).

"Basic Values as the Basis of a National Identity", Document was adopted at the XV World Russian People Council, Official Internet Recourses of the Moscow Patriarchate [Online], available at:

<http://www.patriarchia.ru/db/text/1496038.html> (Accessed 14 June 2019).

Beckford, A. J. (2012), "Public Religion and the Postsecular: Critical Reflections", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 51(1), 1-19.

Blitt, R. C. (2011), "Russia's Orthodox Foreign Policy: the Growing Influence of the Russian Orthodox Church in Shaping Russia's Policies Abroad", *Journal of International Law*, 33 (2), 364-456.

Bruning, A. (2012). "'Freedom' vs. 'Morality' – On Orthodox Anti-Westernism and Human Rights", in Bruning, A. and Zweerde, E. (eds.), *Orthodox Christianity and Human Rights*, Peetersleuven-Paris-Walpole, MA, USA, 125-155.

"Concept of Foreign Policy of Russian Federation" (2008), Security Council of Russian Federation [Online], available at: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (Accessed 14 June 2019).

"Concept of Foreign Policy of Russian Federation" (2013), Security Council of Russian Federation [Online], available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (Accessed 14 June 2019).

Curanovic, A. (2012), "The Religious Diplomacy of the Russian Federation", *Russie.Nei.Reports*, (12) [Online], available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirnr12curanovicreligiousdiplomacyjune2012.pdf> (Accessed 14 June 2019).

Van Dijk, T. (1998), *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, SAGE Publications, London, UK.

Dubin, B. (2004), "Mass religious culture in Russia", *Vestnik obshchestvennogo mneniia: Dannye. Analiz. Diskussii*, 3 (71), 35-44.

Fairclough, N. (2005), "Critical Discourse Analysis in Transdisciplinary Research", in Wodak, R. and Chilton, P. (eds.), *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia, 53-71.

Filatov, S. (2014), "Russian Orthodox Church, society and the authorities in times of political turbulence", in Malashenko, A. and Filatov, S. (eds.), *Montaz I Demontaz Sekularnogo Mira*, Karnegy Centre, Moscow, Russia, 9-42.

Gee, J. P. J. (2005), *An Introduction to Discourse Analysis*, Routledge, London and New York.

Habermas, J. (2005), "Religion in the Public Sphere", *European Journal of Philosophy*, 14 (1), 1-25.

Hallward, M. C. (2008), "Situating the 'Secular': Negotiating the Boundary between Religion and Politics", *International Political Sociology*, (2), 1-16.

Illarion (Alfeev), Metropolitan of Volokolam (2015), "Report at the Round Table Legacy of Saint Russia and Challenges of the Modern World", Official Internet Recourses of the Moscow Patriarchate, January 22 [Online], Available at:

<http://www.mospat.ru/ru/2015/01/22/news114516/> (Accessed 14 June 2019).

Knorre, B. (2014), "Russian Orthodoxy. Post-secular Institutionalization in the Realm of Power, Politics and the Law", in Malashenko, A. and Filatov, S. (eds.), *Montaz I Demontaz Sekularnogo Mira*, Karnegy Centre, Moscow, Russia, 42-103.

Lavrov, S. (2013), "Christianity has had an enormous influence on the formation of Russian statehood", *Russkaya narodnaya liniya*, May 22 [Online], available at: http://ruskline.ru/news_rl/2013/05/22/sergej_lavrov_pravoslavie_okazalo_kolossalnoe_vliyanie_na_stanovlenie_rossijskoj_gosudarstvennosti/ (Accessed 14 June. 2019).

Lavrov, S. (2014), "Speech at a meeting with members of the Russian Council on International Affairs", Official Internet Recourses of the Ministry of International Affairs of Russian Federation, June 4 [Online], available at: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/412C7BA2A5A1E66544257CED0059D4DF (Accessed 14 June 2019).

"Meeting of the International Discussion Club Valdai" (2006, 2013, 2014, 2015), Official Internet Recourses of the President of Russia, September 13 [Online], available at: <http://www.kremlin.ru> (Accessed 14 June 2019).

Mitrofanova, A. and Knox, Z. (2014), "The Russian Orthodox Church", in Leustean, N. L. (ed.), *Eastern Christianity and Politics in the XXI Century*, Routledge, London, New York, 38-67.

Neumann, I. (1996), *Russia and the Idea of Europe: A Study In Identity and International Relations*, Routledge, London, UK.

"Patriarch Alexey Speech at the PACE Session" (2007), Official Internet Recourses of the Moscow Patriarchate, October 2 [Online], available at:

<http://www.patriarchia.ru/db/text/301775.html> (Accessed 14 June 2019).

Patriarch Kirill (2010), "Russian Church and European culture", Official Internet Recourses of the Moscow Patriarchate, February 3 [Online], available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1062197.html> (Accessed 14 June 2019).

Petito, F. (2016), "Dialog of Civilizations in Multipolar World: Toward a Multicivilizational-Multiplex World Complex", *International Studies Review*, 18 (1), 78-91.

President's Annual Address to the Federal Assembly (2006, 2008, 2011, 2012), Official Internet Resources of the President of Russia, December 12 [Online], available at: <http://kremlin.ru> (Accessed 14 June 2019)].

"Question-and-answer Session with Vladimir Putin" (2014), Internet Recourses of the President of Russia, April 17 [Online], available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/20796> (Accessed 14 June 2019).

Smith, G. (1999), "The Mask of Proteus: Russia, Geopolitical Shift and the New Eurasianism", *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, 24 (4), 481-494.

"Speech of Vladimir Putin at Munich Security Conference" (2007), Official Internet Recourses of the President of Russia, February 10 [Online], available at: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (Accessed 14 June 2019).

Yurchak, A. (2006), *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гришаева Екатерина Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Уральского Федерального университета.

Ekaterina I. Grishaeva, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-3

Лебедев С. Д.¹
Склярова В. А.²

**Социальный запрос на знание о религии
в современном российском обществе в оценках экспертов**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

¹⁾ serg_ka2001-dar@mail.ru

²⁾ vika.sklyarova.95@mail.ru

Статья поступила 30 января 2019 г.; Принята 15 мая 2019 г.;

Опубликована 30 июня 2019 г.

Аннотация. В статье представлены избранные результаты экспертного анализа запроса на изучение религии в сегодняшнем российском обществе. Согласно оценкам экспертов, предварительно выявлены высокий уровень социального запроса на изучение религии, качественная разнородность интереса общества к религии выделены основные группы и институты, выражающие и удовлетворяющие социальный интерес к знаниям о религии. Проанализирован характер субъективной и объективной востребованности знаний о религии со стороны общества. Устанавливается, что в современном российском обществе присутствует интерес к знаниям о религии, он качественно разнороден и представлен в обществе неравномерно. Среди основных групп – носителей и выразителей такого интереса выделяется молодёжь с акцентом на её студенческую составляющую. В части трансляции знаний о религии экспертами констатируется определяющая функциональная роль культуры и массовых коммуникаций; в качестве важнейших институтов – субъектов такой трансляции отмечаются государство, семья, церковь (РПЦ МП) и конфессиональная система образования. Качество массового повседневного знания о религии оценивается как невысокое, находящееся на элементарном уровне, при этом светские и конфессиональные аспекты такого знания слабо дифференцированы. Также отмечаются более «продвинутые» запросы на знания об истории и культуре религий; собственно «духовный» (смыслжизненный) запрос; запросы на знания о религиозном законодательстве, традиционных религиях. Объективная потребность российского общества в знаниях о религии связывается с необходимостью просвещения на уровне элементарных религиозных знаний (как светского, так и конфессионального характера); основной контекст такого знания связывается с вопросами морали и воспитания. Трансляция знания о религии в соответствующем качестве связывается с «задействованием» широкого круга светских и конфессиональных институтов, с акцентом на образовательные учреждения со специально подготовленными высококвалифицированными педагогами. Констатируется наличие общественного запроса на преподавание/получение знаний о религии в рамках средней общеобразовательной школы. При этом в качестве наиболее значимых условий его успешного удовлетворения отмечается качественная подготовка профессиональных учителей и учёт установок родителей обучающихся – как в части их отношения к религии,

так и в части их ценностной позиции по отношению к самому изучению религии в школе.

Ключевые слова: отношение к религии; социальная рефлексия; знания о религии; общественный запрос на знания о религии; трансляция знаний о религии.

Информация для цитирования: Лебедев С. Д., СклЯрова В. А. Социальный запрос на знание о религии в современном российском обществе в оценках экспертов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 2. С. 25-36. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-3

Sergey D. Lebedev¹
Victoria A. Sklyarova²

Social request for the study of religion in the modern russian society in the evaluation of experts

Belgorod State National Research University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia

¹⁾ *serg_ka2001-dar@mail.ru*

²⁾ *vika.sklyarova.95@mail.ru*

Received on January 31, 2019; Accepted on May 15, 2019;

Published June 30, 2019

Abstract. The article presents some results of an expert analysis based on a public request for the study of religion in today's Russian society. According to expert estimates, a high level of social demand for the study of religion has been tentatively revealed, the qualitative heterogeneity of public interest in religion has been allocated to the main groups and institutions expressing and satisfying social interest in knowledge about religion. The main groups and institutions that express and satisfy the social interest in the knowledge about religion are highlighted. The nature of the subjective and objective demand for knowledge about religion on the part of society is analyzed. It is established that today in Russian society there is an interest in the knowledge of religion, it is qualitatively heterogeneous and is represented unevenly in society. Among the main groups – carriers and spokesmen of such interest – young people, mainly students, stand out. In terms of the transmission of knowledge about religion, the experts state the determining functional role of culture and mass communications; the state, family, church (the Russian Orthodox Church) and the confessional education system are noted as the most important institutions – the subjects of this transmission. The quality of mass everyday knowledge about religion is assessed as low, being at an elementary level, while the secular and confessional aspects of such knowledge are poorly differentiated. There are also more “advanced” requests for knowledge about the history and culture of religions; proper “spiritual” (life-sense) request; requests for knowledge about religious legislation, traditional religions. The objective need of the Russian society for knowledge about religion is associated with the need for enlightenment at the level of elementary religious knowledge (both secular and confessional); the main context of such knowledge is associated with questions of morality and education. Transmission of knowledge about religion in an appropriate quality is associated with the “engagement” of a wide range of secular and religious institutions, with an emphasis on educational institutions with specially trained highly qualified teachers. It is stated that there is a

public request for teaching /learning about religion in secondary school. At the same time, the most significant conditions for its successful satisfaction are high-quality training of professional teachers and the attitudes of students' parents – both to religion and in terms of their value position in relation to the very study of religion in school.

Keywords: attitude to religion; social reflection, knowledge about religion; public request for knowledge about religion; translation of knowledge about religion.

Information for citation: Lebedev S. D., Sklyarova V. A. (2019), "Social request for the study of religion in the modern russian society in the evaluation of experts", *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 25-36, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-3

Введение (Introduction). Современный мир переживает период ревитализации и социальной активизации религии, что происходит и в нашей стране. Многообразные религиозные институты и структуры наращивают свой ресурсный потенциал и вступают в интенсивные, сложные по своему характеру и неоднозначные по своим последствиям взаимодействия со всеми основными институтами модернизированного общества. Указанным процессам сопутствует активная медиатизация религии (Hjarvard, 2008; Лебедев, Помельникова, 2016; Матецкая, 2015). Вследствие всего этого, религия в различных её проявлениях и интерпретативных контекстах становится стабильным элементом повседневности современного человека, независимо от его мировоззренческих предпочтений, отношения к религиозной вере и от принадлежности / не принадлежности его к какой-либо конфессии.

Данное обстоятельство вызывает повышенную потребность общества в рефлексии разнообразных сторон и проявлений религиозной жизни как фактора общественной жизни в целом, широкого спектра связанных с ними перспектив и рисков, возможностей и угроз. Возникающие здесь вопросы для своего решения требуют адекватного отображения уровня значимости, функционального и предметно-содержательного характера наиболее важных аспектов религиозной ситуации, как на институциональных, так и на индивидуально-повседневных уровнях социальной

субъектности. Однако реальное качество такой рефлексии существенно зависит от характеристик того предметного знания, которое, находясь «в распоряжении» субъектов, выступает инструментом осмысления реальности. Качественные параметры соответствующих представлений и оценок будут определять как направленность и эффективность управленческих решений в плане религиозной политики, так и контексты тематических массовых умонастроений.

Сегодня в России наблюдается дефицит знания об этой стороне религиозной ситуации. По большому счёту, остаётся невыясненным, насколько современное масштабное «возвращение» религии стимулирует возрастание спроса на знание о ней; как распределяется этот спрос в обществе в отношении количественном и качественном; каково соотношение его как субъективного интереса индивида с объективными институциональными потребностями общества в таком знании. От уровня и характера такого спроса зависит обоснование и регулирование предложения, определяющего, в частности, присутствие религии в образовании и культурно-просветительских практиках.

Методология и методы (Methodology and methods). В основе методологического подхода к исследованию лежит ключевой постулат «понимающей социологии» Макса Вебера, согласно которому в основе всякого социального действия (деятельности) лежит его (её) субъективный

смысл; вследствие этого, социология как наука «ориентирована на интерпретативное понимание социальных действий и причинное объяснение предпосылок и последствий» (Weber, 1978: 4). Исходя из данного положения, понимание того, в каком содержательном ключе и какой мере знания о религии востребованы сегодня в российском обществе, концентрированно выраженные экспертами, рассматривается как важная предпосылка для адекватного прогноза развития общественно-религиозных отношений.

Указанный постулат развивается и уточняется в положениях символического интеракционизма. Согласно формулировке Н. К. Дензина, «Во-первых, социальная реальность – это социальный продукт чувств, знаний и понимания... Во-вторых, люди способны через саморефлексию присваивать нужные им значения» (Denzin, 1970: 5). В соответствии с этим предполагается, что эксперты выражают концентрированное рефлексивное видение востребованности знания о религии в соответствии с теми значениями, которые присваиваются ей в обществе и исходя из которых социальные субъекты формируют свои представления о религии и ожидания от неё.

В рамках инициативного исследовательского проекта «Религия в образовании» лабораторией «Социология религии и культуры» (руководитель С. Д. Лебедев) Международного центра социологических исследований кафедры социологии и организации работы с молодёжью Белгородского государственного национального исследовательского университета (директор Центра И. С. Шаповалова) в 2016-2019 гг. была проведена серия количественных и качественных исследований. Одним из методов сбора эмпирических данных на качественном этапе было экспертное интервью. На момент публикации обработаны интервью 13 экспертов. В их числе: 9 учёных (6 социологов, 1 антрополог, 1 философ-религиовед, 1 юрист и деятель просвещения), активно исследующих или ис-

следовавших длительное время соответствующий круг вопросов; 4 руководителя образовательных программ (высшая и средняя школа). Семь участников исследования занимают внеконфессиональную, шесть – проконфессиональную позиции.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Ниже представлены материалы анализа и интерпретации ответов экспертов на вопросы первого блока интервью, посвящённые общему запросу населения на знание о религии.

Исходный постулат исследования – «парадоксальность» современной социокультурной ситуации, сочетающей дистанцированность, автономность от религии основных социальных институтов и в целом жизненного мира типичного человека с актуализацией и активизацией религиозных акторов, концептов и символов. С одной стороны, по словам А. В. Матецкой, «секуляризация создает отдельный мир религии, отличный от мира повседневности. Религия изымается из повседневности, повседневность профанизируется, для понимания себя и мира всё больше людей не нуждается в религиозных символах» (Матецкая, 2015: 94). С другой стороны, этот религиозный мир в последние десятилетия снова активно «штурмует» сегодняшнюю повседневность, проникая в неё через самые современные каналы – медиа и массовую культуру (Hjarvard, 2008). Возникающий эффект когнитивного напряжения, «разности потенциалов» порождает у светских субъектов потребность в осмыслении религии и её соотношения с привычным секулярным жизненным миром. Необходимым медиатором и «инструментом» такого осмысления является знание о религии, которое, в процессе рефлексии, становится в той или иной мере самостоятельным объектом внимания, отбора и реинтерпретации.

Все без исключения опрошенные эксперты отмечают как факт интерес к религии в сегодняшнем российском обществе. Его рост в постсоветский период свя-

зан с общим изменением отношения к религии, с её политическим участием, с деятельностью СМИ. Особо отмечается влияние политического аспекта: «Вера входит в официальные, абсолютно светские мероприятия. В мероприятиях участвуют люди из администрации президента, международные профессуры, консулы. То есть запрос на религию очень высокий» (О. М.); «Он [интерес – С. Л., В.С.] связан не столько с интересом к знаниям о религии, сколько с тем, что сегодня различные мероприятия политические, общественные сопровождаются значительным влиянием религиозных объединений, особенно православных» (Н. Б.).

Ряд экспертов подчёркивают качественное различие интереса к религии у различных социальных субъектов, что связано с неравномерностью его социального распределения. «Так однозначно сказать, что очень высокий, или же очень низкий, или средний, я бы не решилась, потому что в разных местах и в разных ситуациях я соприкасалась с совершенно диаметрально противоположными мнениями» (С. А.). «Отдельные группы, отдельные категории людей могут проявлять повышенный интерес к религии, причем как с практической точки зрения вовлечения, вхождения в религию, так и интерес исследовательский, интерес познавательный. Но опять же... людей, которые действительно испытывают осознанный, достаточно серьезный интерес к религии – их меньшая часть» (С. Д.). В этой связи в отношении характера и качества знания о религии отмечается, как значимый, фактор конфессиональной вовлечённости и религиозной активности: «...я бы сказала, что с точки зрения интереса к знаниям о религии, можно было бы общество разделить на две составляющие. Это практикующие верующие, то есть собственно верующие люди. У них будет один интерес к религии, так мне кажется довольно серьезный, глубокий. Этот интерес не уходит с возрастом. Вторая часть общества (большая его часть) – это люди, которые фор-

мально принадлежат к какой-то конфессии. Я так полагаю, что интерес к знанию о религии у этих людей находится в латентном состоянии. Я не могу сказать, что у них нет этого интереса, интерес есть латентный, скрытый» (Е. И.); «Можно здесь выделить группы людей собственно уже верующих, уже вовлечённых в религию, которые заинтересованы больше узнать о своей традиции религиозной, об истории, о внутренних правилах. Это один тип такого заинтересованного субъекта. Другой тип более расплывчатый, более размытый. Это массовый, светский человек, который не вовлечен в религию, не является религиозным, но которому что-то в религии интересно. Я уже говорил, что таких людей в обществе в целом сравнительно немного, заметно меньше половины. Но, тем не менее, вот есть такие люди, которым религия интересна, но без вовлечения. Они хотели бы что-то о ней знать, обычно о какой-то конкретной стороне религии» (С. Д.).

Среди социальных групп, выражающих повышенный интерес к знаниям о религии, эксперты, помимо собственно конфессиональных групп и научного сообщества, выделяют молодёжь, в особенности её студенческую часть. В этой связи отмечается её коммуникационная активность, то, что молодым людям интересно получать и обсуждать полученные знания о религии: «Среди студенчества сто процентов запрос есть... Потребность живого общения – она настолько насущна» (Е. В.). При этом уточняется, что молодежи интересны, прежде всего, акции, мероприятия, события религиозной направленности: «У молодежи существует интерес, когда религиозные мероприятия, события» (Н. Б.). Отмечается тенденция к переходу такого интереса на новый уровень с возрастом, взрослением, становлением личности: «Сейчас очень активизировалось среди молодежи желание... (среди) тех, которые окончили уже образовательное учреждение. Они очень активны в мировом сообществе, я имею в виду мировое сообще-

ство как Скайп, Интернет. ... Они стремятся узнать и приблизиться к религии, светские ребята. Именно светские, они не были религиозными. Они к этому приходят через свою жизнь» (С. А.).

Из числа социальных институций, выражающих и легитимирующих этот интерес, экспертами выделялись: семья; религиозные организации; светские (университеты) и конфессиональные (воскресные школы) образовательные институции; правоохранительные органы; средства массовой информации; государство в целом. Отдельные эксперты в качестве приоритетного или даже единственным выразителем интереса к знаниям о религии называют Русскую Православную Церковь: «Единственный двигатель – РПЦ. Нет социального заказа, родители или группы какие-то социальные просто реагируют протестом или согласием. Социальная группа только одна – РПЦ» (А. А.). «Первым интересантом, заинтересантом является, конечно, РПЦ. Государство во вторую очередь» (М. А.).

Трансляция знаний о религии в российском обществе, по мнению экспертов, происходит сегодня в основном через массовые коммуникации, культуру, как в светском, так и в религиозном их сегменте (Лебедев, Помельникова, 2016: 125-127), что соответствует тезису о современной «медиатизации религии». «Очень много сейчас в Интернете порталов специализированных о религии. Есть очень много на телевидении передач, есть газеты, журналы профильные. ... в научном сообществе это востребовано» (Н. Н.); «Они [молодежь – С. Л., В. С.] очень активны в мировом сообществе, я имею в виду мировое сообщество как Скайп, Интернет. Они очень активны, у них формы есть. Они стремятся узнать и приблизиться к религии, светские ребята. И вот эта тяга, причем она происходит через песни, через стихи. Они мне предоставили огромное количество авторов, которых они читают, друг другу передают. Религия проникает через культуру. Это уди-

вительно, это очень интересно, потому что это какой-то такой феномен очищения через культуру идет» (С. А.). Среди институций, транслирующих такие знания, участники исследования выделяют: государство, семью, конфессиональное образование (высшие и средние учебные заведения религиозных организаций); большинство экспертов отмечают Русскую православную церковь.

В результате транслируемое в обществе по различным каналам знание о религии закономерно является собой нечто «разнообразное, сложное, парадоксальное»: «...в целом, если брать общество, эти знания очень поверхностны, то есть это не систематическое какое-то знание о религии, а это именно такое фрагментарное знание, которое транслируется обычно через СМИ. А если говорить о конкретных группах, скажем, группа верующей интеллигенции и группа верующей не интеллигенции, группе профессиональных религиоведов, то понятное дело, что их интересует знание системное, такое знание более углубленное, продвинутое. Но они в меньшинстве; в основном то, что Дубин [Б. В. Дубин, известный российский социолог, исследовавший религиозные и культурные проблемы в постсоветском обществе – С. Л., В. С.] называл массовой религиозной культурой. То есть поверхностное, сильно фрагментированное, не всегда достоверное знание» (С. Д.). Островки системно организованных представлений ограничены их репрезентацией в рамках отдельных, сравнительно небольших групп с повышенным профессиональным или мировоззренческим интересом к религиозной тематике. В основном люди в плане знаний о религии довольствуются поверхностным, стереотипным, «мозаичным» материалом невысокого качества.

Мнения экспертов о характере востребованных знаний о религии со стороны общества разделились. Участники исследования отмечают в сегодняшнем российском обществе запрос на следующие

предметно-тематические контексты таких знаний.

В первую очередь, это элементарные знания о религии, которые на данном уровне слабо разделяются на религиозные и собственно культово-вероучительные. *«В первую очередь, что нужно делать в церкви. ... курсы богословские... Очень много участников, желающих. То есть какие-то простые вещи и понимание. ... основные законы, кто основные лидеры в том или ином вероучении, важно знать основные молитвы и важно понимать суть всего этого, в чем едины все наши традиционные российские религии» (О. М.); «Религиозный катехизис, потому что элементарные вещи надо знать, и без них ты не можешь понять, о чем идет речь, когда проповеди идут» (С. А.).* Отдельные эксперты подчёркивают востребованность бытовых, повседневных аспектов знаний о религиозной традиции, в противовес знаниям «абстрактным», предполагающим высокую степень обобщения и рефлексии: *«На мой взгляд, это просто разные формы культурных проекций религии, то есть у нас огромное количество материала, посвященного, допустим, каким-то бытовым её сторонам, посвящённого религиозному искусству, но не в возвышенном каком-то его представлении, а в самом таком тоже бытовом, если речь идет о православии, огромное количество изданий, посвящённых иконам, материалов о том, как поститься, как креститься, разного рода культурный шлейф в виде стихов, песен, произведений изобразительного искусства и так далее. А что касается каких-то абстрактных форм религии, то, конечно, это те знания, которые пользуются наименьшим спросом. И совершенно, так сказать, не пользуются спросом, кроме, может быть, узких кругов мотивированных к этому интеллектуалов, знания о богословских доктринах, представления о религии как о форме интеллектуальной жизни. Это, конечно, популярно меньше всего» (Д. М.).* При этом отмечается «фоновый» массовый интерес к

мистике, экзотике, сенсациям: *«Во многом это формируется СМИ, и прежде всего Интернетом. Знания, прежде всего, об эмоционально выделяющихся моментах религии, как позитивных, так и негативных. Говоря грубо и несколько однобоко, то есть «жареные» какие-то факты, сенсационные, может быть. Вот такого рода знания, наверно, интересуют большинство людей» (С. Д.); «Интерес просто ко всему мистическому, который подогревается СМИ» (Е. И.).* В этом контексте светски ориентированные эксперты делают акцент на восприятие и приятие различий между людьми различных культур и мировоззренческих ориентаций; конфессионально ориентированные эксперты, не отрицая этого, склонны делать акцент на формировании в личностном становлении «традиционных ценностей».

Среди более «продвинутых», специализированных предметно-тематических аспектов знания о религии, запрос на которые сформирован в российском обществе, экспертами выделяются знания об истории и культуре религий, с акцентом на академически-религиоведческий характер: *«Скорее то, что относится к истории религии, то, к чему пришла религия на современном этапе, в процессе своего исторического развития» (А. А.); «Это научное знание о религии, потому что нужно изучать феномен религиозного бума, взрыва после 90-х годов, и наука должна понять причины и обосновать, почему вдруг после секулярного советского времени такой религиозный всплеск» (Н. Н.); «Интерес к религии, как культурному феномену с его особенностями, традициями, праздниками» (Е. И.).*

Часть экспертов выделяет запрос на смысложизненный момент, традиционно связываемый с религией – «поиски смысла, которые выходят за пределы ограниченного пространства эмпирического мира» (Синелина, 2014: 137): *«Я думаю, что часть людей интересуют смыслообразующие темы, содержание» (Е. И.); «Востребованы знания об истине, о смысле*

существования конкретного человека, народа. (Е. В.). Часть экспертов отмечает востребованность в российском обществе знаний о традиционных конфессиях, главным образом, о православном христианстве: «Мне кажется, что с каждым годом более глубокие знания дети получают, школьники наши получают, студенты... основ православной культуры, это дало свои определенные результаты» (Т. И.); «На мой взгляд, в Российской Федерации прежде всего интерес к православию» (Е. В.); «Сейчас есть запрос на позитивную информацию о церкви» (О. М.). Отдельными экспертами так же отмечается востребованность знаний в области законодательства о религии: «...как должны развиваться отношения государства, общества, религиозных организаций в контексте закона, в контексте права, и как при этом учитывать очень довольно такую сложную сферу и очень чувствительную сферу, которой являются религиозные верования» (Е. М.).

Среди социальных институций, удовлетворяющих в российском обществе соответствующий спрос на данный момент, эксперты выделяют: СМИ, светское образование, религиозное (конфессиональное) образование, науку.

В том, что касается оценки характера знаний о религии, которые сегодня объективно требуются российскому обществу в массовом масштабе, большинство участников исследования отмечают те же элементарные знания о религии, которые можно охарактеризовать как «религиоведческий ликбез». «Элементарная религиоведческая грамотность, потому что у нас население религиоведчески неграмотно. Если люди исповедуют какую-то религию, они должны быть религиозно грамотными, а основная часть населения должна быть хотя бы религиоведчески грамотна» (Е. И.). При этом в части оценки характера и предназначения таких знаний – светского или конфессионального – позиции экспертов разделились. С одной стороны, отмечается, что «В массовом масштабе да-

вать людям азы религиоведческой грамотности, то есть не религиозной, а именно религиоведческой. О том, что из себя представляет религия, что она вносит в культуру и чего не вносит» (С. Д.); «Знания об основных догматах и нормах религиозных, тем более нормативная составляющая религии повторяет и общечеловеческую нормативную составляющую» (Н. Б.). С другой стороны, высказываются мнения наподобие следующих: «Об основах православной культуры – это надо всем знать, иначе, если человек с детства это не познает, он не сможет глубоко знакомиться с православием. Я бы вернула в школы Закон Божий» (Е. В.).

В содержательном плане большая часть опрошенных экспертов отмечает важность морального аспекта знания о религии: «...вопрос нравственности, морали. Мне кажется, религия здесь – площадка, которая поднимает вопросы о нравственности, это необходимо для личностного становления» (Е. И.). В этом вопросе оказались едины эксперты как светской, так и конфессиональной ориентации. В то же время прослеживается как частичное совпадение, так и различие содержательных акцентов, выделяемых теми и другими. Согласно первым, «цель присутствия религии в школе не в том, чтобы академические знания сообщить, а там программы, направленные на решение социальных проблем, более практические. Эти все курсы появились как реакция на то, что если не изучать это в школе, то проблемы будут только усиливаться. Это концепция, основанная на правах человека. Есть точка зрения, что нет ничего лучше академического подхода, потому что он основан на научных знаниях; другие говорят, что задача не знаниями наполнить людей о религиях, а научить их понимать друг друга. Есть сейчас интересные программы, особенно для детей для маленьких, чтобы они понимали, что они разные, чтобы их разность не возводила им границы. Идея благородная, вопрос, как ее реализовать» (А. А.); «В государственных школах это

должен быть объективный предмет. Ни коим образом не конфессиональный. Эти знания более эффективны в достижении цели сосуществования нас как граждан нашего государства, но исповедующих разные верования. Это возможно осуществить в контексте понимания религии как культуры и преподавания, передачу знаний о религии в контексте культуры, мировой культуры, локальной, конкретной культуры, национальной культуры» (Е. М.). По мнению вторых, «Необходимо воспитание. ... И если человек приходит в церковь, там есть определенный устав, там есть определенный порядок. ... На мой взгляд, очень важно развеивать стереотипы. Из объективных знаний – это понимание того, что другой – не значит плохой» (О. М.); «Как можно больше и больше расширять знания в области теологии формирования традиционных ценностей. Сейчас в современной жизни это очень важный аспект, особенно для молодых людей» (Т. И.). В этом контексте прослеживается значимое расхождение, которое на практике может быть доведено до поляризации: светски ориентированные эксперты делают акцент на восприятие и приятие различий между людьми различных культур и мировоззренческих ориентаций; конфессионально ориентированные эксперты, не отрицая этого, склонны делать акцент на формировании в личностном становлении «традиционных ценностей».

Отдельные эксперты ставят вопрос системно: «я бы говорил о необходимости базовой религиозоведческой подготовки широких масс. Под религиозоведческой подготовкой имеется в виду такие вот... некий набор знаний, который связан с основными разделами религиоведения, дисциплина эта у нас комплексная, использует она подходы, материал наиболее важных и популярных гуманитарных дисциплин – истории, социологии и так далее. Соответственно, в рамках вообще, как говорится, возрастания, скажем так, знаний по основным гуманитарным дисциплинам

определенную роль должны играть и темы, связанные с религией. Ну а базовый – это означает, что, по крайней мере, те явления, связанные с религией, проявление религиозности, с которыми человек встречается в быту, – они должны находить определенные объяснения, встречаться с определенным родом, скажем так, «знаниевой накачкой» (Д. М.).

Вопрос о том, какие институты могли бы транслировать такие знания, выявил разброс экспертных мнений: назывались, в первую очередь, образовательные учреждения, в которых обязательно должны быть подготовленные высококвалифицированные педагоги; также упоминались просветительские структуры и группы; СМИ; культурная сфера в целом; научное сообщество; «объединения, существующие при храме» (воскресные школы, клубы и т.д. – в целом, те же институты, которые занимаются этим сейчас. Некоторые эксперты из числа занимающих светскую позицию подчеркнули, что институций, готовых и способных к должному уровню и качеству трансляции знания о религии в современном российском обществе они «не видят».

Далее, следует отдельно сказать в этой связи о роли системы образования, в стратегической перспективе играющей ключевую роль в формировании социальной и культурной рефлексии религии (Лебедев, 2014). Практически все эксперты, участвовавшие в исследовании, отмечают наличие общественного запроса на преподавание/получение знаний о религии в рамках средней общеобразовательной школы – как среди родителей, так и среди самих обучающихся (у последних, по мнению некоторых экспертов, запрос меньше в силу недостаточного понимания общественной важности таких дисциплин). Вместе с тем многими из них сразу же делаются важные оговорки в части сопутствующих условий и факторов такой образовательной деятельности.

Ряд экспертов делает акцент на значимости профессиональной подготовки

преподавателей: «Запрос однозначно есть, вводить религиозное образование необходимо, но мне очень не нравится, когда религию преподают так, что она отворачивает от себя, не должно быть никакого фанатизма и не должно быть негативизма. Мне кажется, что должен быть тест для педагогов, не только на проставление галочек, но и на отношение, то есть, чтобы отношение было, как минимум, нейтральное» (О. М.); «Этот запрос есть в обществе, может, на базовом уровне, но для начала, на уровне начального обучения, мы должны все-таки иметь религиозную составляющую и виденье, но тут другой вопрос – а кто преподает эти азы, эту базу? Мы проводили исследование в школах, которое показало, что в ... около 70% школ не пользуется профессионалами, теологами в преподавании основ православной культуры. Вы думаете, учитель физкультуры может научить основам православной культуры? Нет, конечно, это большая проблема» (Т. И.).

Другие эксперты отмечают, как определяюще значимый, фактор религиозности или нерелигиозности родителей, обучающихся при выборе/отказе от получения знаний о религии. «Это зависит, опять же, от степени понимания родителями необходимости знания, и больше всего это востребовано в семьях, которые религиозные. А в нерелигиозных, они считают, что это им не нужно. Некоторые индифферентны в этом плане. А некоторые принимают все как есть, если в рамках базы это положено, они принимают как норму это и все» (Н. Н.); «Вот эта вот духовная составляющая, которую приносит религия, этого... этот тип родителей... в основном светские родители, это их не заботит. Почему? Потому что, если ребенок живет в религиозной семье, вроде бы, как бы, все нормально, и семья сама справится с этим, но, если мы хотим поговорить о поколении ... то, конечно, это будет в плане родителей... Нет такого мощного ощущения у самих родителей, что это надо. Я этого не наблюдаю,

честно скажу. И очень часто, в основном, они говорят о том, что это будет, подрастет и выберет сам» (С. А.). В качестве возможных причин того, что родители выступают против изучения их детьми религии в школе, отмечаются фактор неприятия ими идеологического подхода в преподавании религии и общий ценностный фактор: «Про родителей сложно сказать, потому что они понимают, что это не просто изучение религии, что это некая идеологическая программа. Всем понятно, что это не просто знакомство с религией, поэтому здесь уже сложно» (А. А.); «Трудно мне сказать. Есть родители, которые вообще против этого. Может быть, неправильная подача была. К сожалению, в современном обществе, когда вот эта жажда потребления возведена к культу, задумываться о смысле жизни не модно» (Е. В.).

Заключение (Conclusions). По оценкам всех опрошенных экспертов, в современном российском обществе присутствует интерес к знаниям о религии. Его рост в постсоветский период связывается, главным образом, с политическим фактором. Этот интерес качественно разнороден и представлен в обществе неравномерно. Среди основных групп – носителей и выразителей такого интереса экспертами выделяются, помимо научного сообщества и собственно конфессиональных сообществ с акцентом на категорию активных верующих, молодёжь, с акцентом на её студенческую составляющую.

В части трансляции знаний о религии экспертами подчёркивается определяющая функциональная роль культуры и массовых коммуникаций; в качестве важнейших институций – субъектов такой трансляции отмечаются государство, семья, церковь (РПЦ МП) и конфессиональная система образования.

Качество транслируемого и получаемого населением предметно-тематического контента на массовом уровне оценивается экспертами как невысокое, за исключением специализированных анклавов знания о

религии, репрезентируемых исследовательскими и мировоззренческими (конфессиональными) сообществами. Субъективно в современном российском обществе, по оценкам экспертов, знания о религии востребуются в основном на элементарном уровне, при этом светские и конфессиональные аспекты такого знания слабо дифференцированы. Заметна связь массового интереса к религии с интересом к мистике и сенсациям. Также отмечаются более «продвинутые» запросы: на знания об истории и культуре религий; собственно «духовный» (смыслжизненный) запрос; запросы на знания о религиозном законодательстве, традиционных религиях.

Объективную потребность российского общества в знаниях о религии эксперты связывают с необходимостью просвещения на уровне элементарных религиозоведческих знаний (как светского, так и конфессионального характера). Основным контекст такого знания связывается ими с вопросами морали и воспитания; в этом контексте светски ориентированные эксперты делают акцент на восприятие и приятие различий между людьми различных культур и мировоззренческих ориентаций; конфессионально ориентированные эксперты, не отрицая этого, склонны делать акцент на формировании в личностном становлении «традиционных ценностей».

Трансляция знания о религии в соответствующем качестве связывается экспертами с «задействованием» широкого круга светских и конфессиональных институций, с акцентом на образовательные учреждения со специально подготовленными высококвалифицированными педагогами. Экспертами консолидированно отмечается наличие общественного запроса на преподавание/получение знаний о религии в рамках средней общеобразовательной школы. При этом в качестве наиболее значимых условий успешного удовлетворения этого запроса отмечается качественная подготовка профессиональных учителей и учёт установок родителей обучающихся – как в части их отношения

к религии, так и в части их ценностной позиции по отношению к самому изучению религии в школе.

Список литературы

Denzin N. K. *The Research Act. Theoretical Introduction to Sociological methods*. New Jersey, 1970.

Weber M. *Economy and Society*. Berkely: University of California Press, 1978.

Hjarvard S. *The Mediatization of Religion. A Theory of the Media as an Agent of Religious Change* // *Northern Lights*. 2008. Vol. 6, № 1. P. 9-26.

Лебедев С. Д. Особенности рефлексии религиозной культуры в современном российском образовании // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2014. Том 2, № 4. С. 201-212.

Лебедев С. Д., Помельникова И. П. Репрезентация православного христианства в российских средствах массовой информации начала XXI в. // *Социокультурные процессы в условиях глобализации: вызовы современности. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Г. А. Котельникова*. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2016. С. 124-128.

Матецкая А. В. Медиа и процесс десекуляризации // *Сборник статей по материалам Пятой Юбилейной Международной научной конференции «Социология религии в обществе позднего модерна»*. НИУ «БелГУ», 25-26 сентября 2015 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. С. 91-96.

Синелина Ю. Ю. Религия и современное общество // *Памяти Юлии Юрьевны Синелиной. Научные труды, воспоминания*. М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 120-137.

References

Denzin, N. K. (1970), *The Research Act. Theoretical Introduction to Sociological methods*, New Jersey, USA.

Weber, M. (1978), *Economy and Society*, University of California Press, Berkely, USA.

Hjarvard, S. (2008), "The Mediatization of Religion, A Theory of the Media as an Agent of Religious Change", *Northern Lights*, 6 (1), 9-26.

Lebedev, S. D. (2014), "Features of the reflection of religious culture in modern Russian education", *Vestnik Leningradskogo gosudar-*

stvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 2 (4), 201-212. (In Russian).

Lebedev, S. D. and Pomel'nikova, I. P. (2016), "Representation of Orthodox Christianity in the Russian mass media at the beginning of the XXI century", *Socio-cultural processes in the context of globalization: the challenges of our time. Proc. of the international scientific-practical conference dedicated to the 85th anniversary of G. A. Kotelnikov*, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russia, 124-128. (In Russian).

Matetskaya, A. V. (2015), "Media and the process of desecularization", *Proc. of the conference «The Sociology of Religion in the Society of Late Modernity»*, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, 91-96. (In Russian).

Sinelina, Ju. Ju. (2014), "Religion and Modern Society", *Proc. of the 2014 Scientific works, memories. In memory of Julia Yurievna Sinelina*, Moscow, Russia, 120-137. (In Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Лебедев Сергей Дмитриевич, доцент кафедры социологии и организации работы с молодёжью Института общественных наук и массовых коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук, доцент.

Склярова Виктория Андреевна, магистрант кафедры социологии и организации работы с молодёжью Института общественных наук и массовых коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Sergey D. Lebedev, Candidate of Sociological Science, Associate Professor, Professor; Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communication, Belgorod State National Research University.

Victoria A. Sklyarova, Master's Degree Student; Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communication, Belgorod State National Research University.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-4

Мчедлова Е. М.

Состояние духовности москвичей различной конфессиональной направленности

Центр социологии религии и социокультурных процессов
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-политических исследований Российской академии наук
ул. Фотиевой, д. 6, кор. 1, Москва, 119333, Россия
HMtchedlova@mail.ru

Статья поступила 31 октября 2018 г.; Принята 7 мая 2019 г.;

Опубликована 30 июня 2019 г.

Аннотация. В статье приводятся первые результаты недавнего авторского социологического исследования, которое было проведено Центром социологии религии и социокультурных процессов Института социально-политических исследований РАН в мае-июне 2018 г. среди жителей округов города Москвы. Вопросы, анализируемые в социокультурном аспекте, касаются прежде всего духовности, нравственности в некотором соотношении с религиозностью. В частности, показывается, что духовно-нравственные ценности составляют основу духовности, а религиозность определенной части населения способствует их сохранению и развитию в обществе. Чтобы увидеть соотношение ответов тех, кто способствует сохранению духовно-нравственных ценностей, рассматривается, с каким направлением идентифицируют себя респонденты, далее – как на протяжении жизни изменилось их отношение к религии. Интересно также, как и почему они участвуют в религиозных практиках. Мы полагаем, что приобщение к новой культуре бытия насыщает жизнь новым мировоззрением, новыми ценностями и традициями (они могут совпадать и с прежними), иным социальным поведением. Исследование предполагало и ответы на некоторые вопросы, касающиеся добрачно-брачных взаимоотношений, поскольку они представляют группу семейных и общечеловеческих ценностей. В частности, как москвичи относятся к тому, что кто-то из родственников хочет вступить в брак с человеком иного вероисповедания. Объектом данного социологического исследования являются также ценности, носящие социально-политический характер. Например, права и свободы человека, патриотизм (любовь к родине), социальная справедливость, социалистические ценности, национальная гордость и др. Подобные ценности оказались в центре внимания жителей столичного мегаполиса. Они могли бы стать даже национальной идеей, основой сплочения народа. В статье речь идет и о том, как достигнуть единства конфессий на духовной основе. Пока это невозможно, особенно мешают геополитические причины и раскол в православии. В заключении отмечается, что, несмотря на трансформации в ряде социальных сфер, в том числе социокультурной, духовно-нравственные принципы остаются устойчивыми, а ценности, присущие разным конфессиям, хотя тоже изменяются, но сохраняются и передаются новому поколению. Определенная мотивация ведет народ к необходимости консолидироваться перед лицом опасности. В таком случае, духовно-

нравственные приоритеты и ценности проявляются, и идет их дальнейшая реализация.

Ключевые слова: духовность; вероисповедание; конфессии; ценности; духовно-нравственное единство.

Информация для цитирования: Мchedлова Е. М. Состояние духовности москвичей различной конфессиональной направленности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 2. С. 37-46. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-4

Elena M. Mchedlova | The state of spirituality of Muscovites of various denominations

Center for Sociology of Religion and Socio-cultural Processes
Institute of Socio-political Researches
Russian Academy of Sciences
6-1 Fotievoy St., Moscow, 119333, Russia
HMtchedlova@mail.ru

*Received on October 31, 2018; Accepted on May 7, 2019;
Published June 30, 2019*

Abstract. In the article, we show certain results of the authors sociological research among citizens of Moscow, conducted by the Center for Sociology of Religion and Socio-cultural Processes of the Institute of Socio-political Researches of the RAS in May-June 2018. The issues analyzed in the sociocultural aspect relate primarily to spirituality, morality and, in some respect, to religiosity. In particular, it is shown that spiritual and moral values form the basis of spirituality, and the religiosity of a certain part of the population contributes to their preservation and development in society. To see the correlation of the answers of those who contribute to the preservation of spiritual and moral values, we consider the direction with which the respondents identify themselves, then how their attitude towards religion changed over the course of their lives. It is also interesting how and why they participate in religious practices. We believe that the introduction to the new culture of being fills the life with a new world outlook, new values and traditions (they may coincide with the old ones), different social behavior. The study also included answers to some questions concerning premarital relationships, since they represent a group of family and human values. In particular, how do Muscovites relate to the fact that one of the relatives wants to marry a person of a different religion. The object of this sociological study also included the values that are socio-political in nature. For example, human rights and freedoms, patriotism (love of country), social justice, socialist values, national pride, etc. Such values were in the center of attention of residents of the metropolis. They could even become a national idea, the basis of the unity of the people. The article also discusses how to achieve unity of confessions on a spiritual basis. While this is impossible, geopolitical reasons and a split in Orthodoxy are especially hindering. In conclusion, the author notes that, despite the transformations in a number of social spheres, including sociocultural, spiritual and moral principles remain stable, and the values inherent in different faiths, although they also change, but remain and are transmitted to the new generation. A certain motivation leads people to the need

to consolidate in the face of danger. In this case, spiritual and moral priorities and values are manifested, and their further implementation is underway.

Key words: spirituality; faith; confessions; values; spiritual-moral unity.

Information for citation: Mchedlova E. M. (2019), "The state of spirituality of Muscovites of various denominations", *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 37-46, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4

Введение (Introduction). Сегодня ведутся дискуссии о том, идет ли в стране ценностно-мотивационный кризис. По нашему мнению, значительная часть населения, не исключая и молодежь, принадлежащая к каким-либо этноконфессиональным группам, по-прежнему придерживается традиционных ценностей. Картина мира у верующих любой конфессиональной принадлежности, в том числе ее духовная и нравственная составляющая также остается прежней и неизменной. Отличие начинается тогда, когда речь идет о количестве приверженцев того или иного направления, об отношении и участии к тем или иным догматам, традициям, обычаям, в целом к религиозным практикам. Так, мусульмане и иудеи наиболее следуют устоям конкретно своей религиозной конфессии, нежели православные и некоторые иные. Буддисты тоже в своей повседневной жизни следуют традициям, основанным на философии буддизма – такие как вера в завтрашний день, несущий благо или благополучие, почет и уважение, подлинная толерантность и т.п. Тем более, что происходящий в мире процесс глобализации накладывает серьезный отпечаток на генезис культуры толерантности. Необходимо отметить, что прежде, исторически различные цивилизации, культуры, религии так или иначе взаимодействовали между собой, но при этом нередко возникали и нетерпимость, и вражда (правда, исключительно по территориальному принципу). Тем не менее, цивилизационное развитие идет дальше, и глобализация показывает все многообразие социокультурных традиций и форм межличностного взаимодействия, ценностных ориентаций. Нынешний этап общественного развития

характеризуется и повышенной долей социальной ответственности, которая с необходимостью предполагает терпимость, особенно в условиях, когда назрела кооперация усилий во имя общего блага. Мы согласны с точкой зрения, носящей философский смысл, что толерантность «служит своего рода мостом, соединяющим частности и общее, различия и единство» (Толерантность..., 2004: 277).

Представляется, что толерантности и взаимному уважению учат и основы традиционного религиозного образования, которое весьма подобно правовому просвещению (Мchedlova E, 2005: 57-67; Толерантность..., 2004: 277). И то, и другое – знание и умение жить в обществе, социализация. То же можно сказать и про духовные ценности, точнее, их сохранение: ведь мы исходим из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека определяют основной смысл и содержание человеческой деятельности. Никто не может оказывать предпочтения какой-либо профессиональной, или социальной, или религиозной группе, а должен быть независимым от влияния отдельных граждан или такой группы. В межличностных взаимоотношениях рекомендуется проявлять корректность и внимательность, терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России и других стран и регионов мира. Необходимо учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствуя межнациональному и межконфессиональному согласию; и при этом воздерживаться от недостойного поведения, избегать конфликтных ситуаций, чтобы не нанести ущерб репутации или авторитету.

Методология и методы (Methodology and methods). В русле заданной темы следовало бы отметить грандиозное социологическое исследование Института социологии РАН 2016 г., посвященное европейским ценностям, их распространению в новых глобальных условиях, вызовах и рисках современного цивилизационного развития. В частности, измерялась дифференциация ценностных предпочтений, отношение к «индивидуализму» и коллективизму», традициям и прошлому, а также мировоззренческие ориентации и жизненные установки россиян и др. (Российское общество и вызовы времени..., 2016). Аналогичной тематикой, касающейся непосредственно молодежи, а также вопросам семьи и семейных ценностей существенным образом занималась, в частности, российский социолог Т. К. Ростовская (Российская молодежь..., 2017) и др. Кроме того, Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН подверг социологическому анализу ценности, свойственные социалистическому и капиталистическому укладам жизни (Левашов, Афанасьев, Новоженкина, Шушпанова, 2016-2018).

Методологически полезными оказались некоторые аналогичные исследования зарубежных ученых, в частности, бывших республик Югославии и др., посвященные соблюдению и распространению ценностей в молодежной, студенческой среде, образованию, той же воцерковленности и т.п. (Faith and reason..., 2016). Можно отметить исследования американских социологов о человеческом капитале, духовности и ее предполагаемом кризисе (Ali, Gibbs, Camp, 2000); конкретное исследование Р. Бланкарта в Латинской Америке, посвященное характеристике самой популярной религии – католицизму, его духовной составляющей (Blancarte, 2000); английских и французских ученых, (например, П. Н. Дэй-Йукумсинга о постколониальном, мультикультурном обществе, Х. Сэн-Бланката о месте и роли исламских диаспор, Д. Эрвье-Леже о религии

и религиозном пространстве), С. Бертьер о духовно-нравственных и религиозных ценностях, обычаях и традициях, и ряд др. (Day-Yookoomsing, 2000; Saint-Blancat, 2002; Harvieu-Lelger, 2002; Yousef, 2000; Bertière, 2013). Ценности изучает практически весь научный мир⁸.

Недавно, по исследуемой теме, (точнее, в мае-июне 2018 г.) Центр социологии религии и социокультурных процессов Института социально-политических исследований РАН провел социологическое исследование среди жителей всех округов города Москвы, на основе репрезентативной квотной выборки со связанными половозрастными параметрами (N=726). Оно представляет собой очередной этап мониторинга «Как живешь, Москва?» по различным проблемам духовной, социальной и политической жизни москвичей. При этом были опрошены лица разных возрастных групп, пола, национальности, вероисповедания. Затронуты, в частности, следующие блоки вопросов: мировоззренческие, степень воцерковленности; гражданские позиции верующих, отношение к проводимым в стране реформам, участие в политических акциях и протестах, степень доверия к власти, политическим и общественным институтам, включая церковь, и т.д.; традиционные и нетрадиционные верования; место религии в обществе; вопросы духовно-нравственного единства и т.д. (Кублицкая, 2018; Мchedлова Трансформации в духовно-нравственной в сфере, 2018; Мchedлова Ценностные установки..., 2018).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Ценностно-мировоззренческие ориентации россиян (Value-ideological orientations of Russians). Одно из центральных мест занимало отношение к религии и ее духовному ядру – вере; в условиях социальных трансформаций, в том числе в сфере культуры, и соответствующих модифи-

⁸World values survey: 2010-2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>. 2016. (дата обращения: 20.04.2019).

каций индивидуального и массового сознания верующего населения, в данном случае, Москвы. Конечно, Москва – не совсем репрезентативный показатель. Относительно полную картину дадут другие регионы. Однако, Москва – это столица многоконфессиональной, полиэтнической страны, и в ней представлена достаточная диверсификация народностей и вероисповеданий.

Так, православных оказалось больше всего. Из тех, кто подверглись опросу, исповедуют: православие – 62% ответивших, буддизм – 8%, ислам – 6%, иудаизм – также 6%, протестантизм – 4%, какое-либо другое направление – тоже 6%. При этом считают себя действительно верующими – примерно половина, 51%; колеблющимися между верой и неверием – при мерно четверть опрошенных, 23%; неверующими – 12%; атеистами – 9%; и конкретно не ответили – 5%. От того, с каким направлением идентифицируют себя респонденты, зависит соотношение ответов, чтобы увидеть тех, кто способствует сохранению духовно-нравственных ценностей (для наглядной картины на сегодняшний день). Между делом заметим, что бывают случаи, когда традиции, нормы и культура мировых религий не помогают в жизни. Разочаро-

вавшись, бывшие верующие начинают следовать нетрадиционным воззрениям и исследованиям. Вместе с тем, отношение опрошенных к подобному действию по большей части отрицательное. Считают, что не следует этого делать – 26%; что нужно так и поступить – 17%; не дали ответа – тоже довольно много, 14%. Значит, это не выход. Лучше все-таки следовать устоявшимся традициям.

Примерно половина респондентов, даже чуть больше, считают себя верующими. Но что это значит, во что они верят? В Бога-создателя, либо в какие-то еще силы? Следующие суждения демонстрируют сложившееся мнение:

- верю в Бога, создавшего мир и управляющего им – 30%;
- верю в Бога в существование другой сверхъестественной силы – 20%;
- верю не в бога, а в другие сверхъестественные или мистические силы – 3%;
- допускаю существование Бога или некой сверхъестественной силы, но не убежден в этом – 28%;
- не верю в Бога – 15%.

Небольшой сравнительный анализ показал, как на протяжении жизни изменилось их отношение к религии (Кублицкая, 2015; 2016) (табл. 1):

Таблица 1
(в % от числа опрошенных)
Table 1
(% of respondents)

Изменилось ли Ваше отношение к религии на протяжении жизни	2016	2018
Был и остаюсь верующим	61	51
Стал верующим	11	9
Остался неверующим	18	18
Был верующим, стал неверующим	5	13

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН

Из таблицы видно, что, по сравнению с позапрошлым годом, сегодня тех, кто остался верен своим принципам, довольно существенно (на 10%) меньше, ушло же из веры тоже прилично – 13% против прежних 5%. Представляется, что, если человек как был истинно верующим, да так им и

остался – значит, сопутствующие ему ценности и традиции (религиозные) сохраняются. Если стал верующим – они стали для него новыми, т.е. как бы даже приумножились. То же самое в отношении неверующих – либо они исповедуют свои прежние ценности, либо переходят к новому укладу

жизни и, соответственно, новым ценностям. Здесь-то и проступает социокультурность. Приобщение к новой культуре бытия насыщает жизнь новым мировоззрением, новыми ценностями и традициями (они могут совпадать и с прежними), иным социальным поведением. Вопросы, которые нас интересуют в социокультурном аспекте, касаются прежде всего духовности, нравственности в некотором соотношении с религиозностью.

Таким образом, на первом месте у идентифицирующих себя как верующих находится по-прежнему вера в Бога, единого и неделимого, а это – главный смысл, главная ценность, впрочем, и главная черта их духовности. Мы приходим к тому, что духовно-нравственные ценности у религиозно настроенных людей в целом сохраняются. Следующие показатели дадут дальнейшее подтверждение этому (табл. 2).

Таблица 2
в % от числа опрошенных, Москва
Table 2
(% of respondents in Moscow)

Придерживаются ли москвичи традиционных ценностей, связанных с их религиозной принадлежностью, то есть:	Часто	иногда	Никогда
Участвуют в обрядах	8	48	45
Участвуют в праздниках	18	61	22
Молятся	12	61	25
Соблюдают религиозные посты	7	22	69

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН

Видно, что значительная часть опрошенных хоть иногда, но все-таки участвуют так или иначе в религиозной жизни (в частности в праздниках и посещении церкви по разным поводам; только посты не очень хотят соблюдать – видимо, современные условия, изменяющаяся социальная реальность не особенно позволяют это делать, – тем самым действительно сохраняя и приумножая существующие традиции и ценности. Это свидетельствует о духовности, как раз в силу их религиозности, как мы предполагаем.

Еще интересные данные: если религиозно настроенные люди принимают участие в праздниках, обрядах и т.д., то именно исходя из того, что так принято в семье, у родственников по традиции – около половины респондентов (47%). Кроме того, считают необходимым выполнять религиозные предписания – 18%; потому что эти обряды являются и национальными традициями – чуть ли не треть (29%). Кстати, в определенных религиозных праздниках, ставших практически общенародными,

участвуют не только истинно верующие – Рождество, Пасха, Масленица.

Наряду с праздниками и обрядами, сохранению духовно-нравственных ценностей и приоритетов способствуют и современные добрачно-брачные отношения, которые в условиях трансформирующейся социальной реальности также изменились. Подобные межличностные взаимоотношения относятся к разряду семейных и общечеловеческих ценностей, в связи с чем хотелось бы привести данные, демонстрирующие их генезис и развитие. В частности, как москвичи относятся к тому, что кто-то из родственников хочет вступить в брак с человеком иного вероисповедания. Итак, безразлично – 33%, т.е. треть опрошенных; все зависит от вероисповедания партнера – 19%; положительно, но с условием, что все религиозные обычаи и традиции будут всегда соблюдаться – 17%. Положительно относятся к подобному всего лишь 7%; противоположного мнения придерживаются больше – 16%. Каждый десятый не смог ничего сказать по этому поводу. Конкрети-

зируем, что браки с иноверцами почти в третьей части случаев не одобряются родителями или другими родственниками, но и положительно (правда, с определенными условиями) – почти столько же. Можно сказать, что в данном вопросе прослеживается и толерантность. Отметим также, что в семьях с различной конфессиональной направленностью соблюдаются собственные традиционные религиозные ценности и установки, и они незыблемы, независимо от окружения, политических и экономических условий и т.п.

Демократические ценности – показатель духовности россиян (Democratic values – indicator of spirituality of Russians). В ряду условных ценностей, являющихся объектом нашего исследования, есть и те, которые носят своего рода социально-политический характер. Характеристике

так называемых демократических ценностей, а также социалистическим и капиталистическим ценностям и их преемственности достаточно пристальное внимание уделялось в трудах ряда отечественных социологов (Левашов, 2017; О чем мечтают россияне..., 2013). По нашему мнению, они могли бы стать даже национальной идеей, основой сплочения народа. Мы имеем в виду такие, как, например, права и свободы человека, патриотизм (любовь к родине), социальная справедливость, социалистические ценности, национальная гордость и др. Так вот, подобные ценности оказались в центре внимания жителей столичного мегаполиса. Они оказываются ближе всего более чем для половины опрошенных. Подробнее это отражается в столбце (табл. 3):

Таблица 3
в % от числа опрошенных, Москва
Table 3
(% of respondents in Moscow)

Ценности	да
Права и свободы человека	57
Патриотизм	52
Социальная справедливость	51
Национальная гордость	39
Духовность	27
Религия, религиозные традиции	15

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН

Результаты исследования показывают, что социально-политические ценности преобладают в сознании верующих людей. Религиозные же традиционные ценности, да и сама духовность, по оценкам москвичей, стоят практически на последних местах, что свидетельствует, по всей вероятности, о прагматичности. Несмотря на это, обладающие и следующие всем означенным позициям, заслуживают уважительно-го к себе отношения. Однако, чуть более половины (точнее, 56%) респондентов отметили, что им приходилось сталкиваться с неуважительным отношением к нормам, традициям московской культуры, особенно со стороны приезжих – в частности, ми-

грантов. В таком случае, можно сказать о попрании той же национальной гордости (как жителей России), некоторых личных прав и свобод человека, определенных чувств верующих etc. И всех это возмущает. Думается, что при возникновении опасности верующие, как граждане и патриоты, явно независимо от своей конфессиональной принадлежности, все же объединятся и встанут на защиту своих прав и свобод или. своей Родины.

На сегодняшний день существует мнение, будто бы некоторым народам нашей страны становится все труднее сохранять свои обычаи и традиции, очевидно, в силу ряда объективных, в том числе

геополитических, причин. С подобной точкой зрения согласились довольно много – 65%, не поддержали – 23%, и 13% – не смогли определенно высказаться.

Между тем, мы не только не отказываемся говорить о сохранении в том числе духовно-нравственных ценностей, но го-

ворим даже об их развитии, несмотря на то и дело возникающие трудности. Возможно, свою роль в этом социальном процессе играет религия, в какой-то степени являющаяся объединяющим фактором, что заметно из следующей небольшой таблицы (табл. 4):

Таблица 4
в % от числа опрошенных, Москва
Table 4
(% of respondents in Moscow)

Согласны ли Вы со следующими суждениями:	Да	Нет	Затрудн. ответить
религия способствует сохранению национальной культуры и традиций	73	15	12.
религия духовно обогащает человека	65	17	18
религия воспитывает нравственность, удерживает от аморальных поступков	65	20	15
религия разъединяет и способствует разжиганию религиозной и национальной розни	28	51	21
религия не способствует укреплению нравственности	17	65	18

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН

Мы видим, что процентное соотношение примерно одинаковое, то есть мнение приблизительно двух третей жителей Москвы практически совпадает. Что отличает российский народ, независимо от той или иной конфессиональной направленности, так это стремление к духовному единению, оставляя во главе угла прежде всего демократические ценности, которые сегодня в приоритете. Полагаем, что единства народа стоит ожидать именно на этой почве.

Заключение (Conclusion). Несмотря на трансформации в ряде социальных сфер, в том числе социокультурной, духовно-нравственные принципы остаются устойчивыми. Те же ценности, которые присущи различным конфессиям, сохраняются и передаются новому поколению, хотя и претерпевают определенные изменения. Не будь люди духовно и нравственно зрелыми, вряд ли можно говорить о каких-либо позитивных преобразованиях в обществе. Народу необходимо консолидироваться перед лицом опасности, тогда в

ход вступает определенная мотивация, соответствующая проявлению духовно-нравственных приоритетов и ценностей и их дальнейшей реализации. Социальное самочувствие, в таком случае, также трансформируется.

Стремление представителей ведущих мировых конфессий к сохранению своих мировоззренческих и демократических ценностей, а также к духовно-нравственному единству неоспоримо. Однако, это своего рода экуменическое движение в настоящее время не может идти вперед. Причиной тому могут стать как геополитические столкновения, так и, в частности, «идейные разногласия» у ряда автокефальных церквей (как, например, Украинская или Константинопольская). Так, политическая деятельность раскольнической церкви в Украине, включающая активную поддержку сект и провокацию радикальных погромов, имитация религиозной деятельности практически попрала духовные основы и религиозные каноны. К тому же, Русская зарубежная церковь в

сентябре 2018 года разорвала отношения с константинопольскими иерархами. Таким образом, вместо того, чтобы идти к объединению, произошедший раскол в среде православия негативно повлиял на ситуацию и практически поставил православный мир на порог религиозной войны.

Список литературы

Кублицкая Е. А. Духовно-нравственные основы мировых религий: сравнительный анализ // Секуляризация в контексте измерения религиозных трансформаций современного общества; под ред. С. Ю. Глазьева, С. В. Рязанцева, Е. А. Кублицкой). М.: Изд-во «Экон-информ», 2018, Т. 4, № 4. С. 19-32.

Кублицкая Е. А. Развитие процесса десекуляризации в регионах России (мониторинговые исследования) // Центр и регионы. М.: ИСПИ РАН, 2015. Вып. 25. С. 153-175.

Кублицкая Е. А. Изучение процесса десекуляризации (мониторинговые исследования в мегаполисе) // Наука. Культура. Общество. М., 2016. № 3. С. 104-124.

Левашов В. К. Российское государство и общество в период либеральных реформ: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

Левашов В. К., Афанасьев В. А., Новоженина О. П., Шушпанова И. С. Экспресс-информация «Как живешь, Россия?». М., 2016-2018.

Мчедлова Е. М. Трансформации в духовно-нравственной сфере // Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Колл. моногр. М., 2018. С. 568-577.

Мчедлова Е. М. Ценностные установки у религиозных представителей: социально-гуманитарный аспект // Социально-гуманитарные знания. М., 2018. № 5. С. 234-244.

Мчедлова Е. М. Права человека в свете социологической науки. М., ИСПИ РАН, 2005.

О чем мечтают россияне: идеал или реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крум-ма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013.

Российское общество и вызовы времени / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова). М., 2016. Кн. 4.

Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства. Колл. моногр. / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М., 2017.

Толерантность. Колл. моногр. М., Рес-публика, 2004.

Faith and reason (international scientific meeting almanac). Belgrade, 2016.

Ali A. J., Gibbs M., Camp R. C. Human resource strategy: The ten commandments perspective // International Journal of Sociology and Social Policy. 2000. Vol. 20, № 5/6.

Bertièrre S. Le procès Fouquet. Paris, 2013.

Blancarte R. J. Popular religion, Catholicism and socioreligious dissent in Latin America: Facing the modernity paradigm // International sociology. London, 2000. Vol. 15, № 4.

Day-Yookoomsing P. N. Leadership training for improved quality in a post-colonial, multicultural society // International Journal of Sociology and Social Policy. 2000. Vol. 20, № 8. P. 23-32.

Saint-Blancat Ch. Islam in Diaspora: between reterritorialisation and extraterritoriality // International Journal of Urban and Regional Research. Oxford, 2002. Vol. 26, № 1.

Harvieu-Lelger D. Space and Religion: new approaches to religious spatiality in modernity // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26, № 1.

Yousef D. A. Organizational commitment as a mediator of the relationship between Islamic work ethic and attitudes toward organizational change // Human Relations. London, 2000. Vol. 53, № 4.

References

Kublitskaya, E. A. (2018), "Spiritual-moral bases of world's religions: comparative analysis", in Glaziev, S. U., Riazantsev, S. V. and Kublitskaya, E. A. (eds.), *Secularization in a context of measurement of transformations in modern society*, "Econ-inform", Moscow, Russia, 4 (4), 19-32. (In Russian).

Kublitskaya, E. A. (2016), "Development of the process of desecularization in regions of Russia (monitoring researches)", *Center and regions*, ISPR RAS, Moscow, Russia, Issue 25, 153-175. (In Russian).

Kublitskaya, E. A. (2016), "Study of the process of desecularization (monitoring researches in megapolis)", *Science. Culture. Society*, (3), 104-124. (In Russian).

Levashov, V. K. (2017), "Russian state and society in the period of liberal reforms. Monograph", 2 ed., Moscow, Russia. (In Russian).

Levashov, V. K., Afanasiev, V. A., Novozhenina, O. P. and Shushpanova, I. S. (2016), *Ex-*

press-information "How do you live, Russia?", Moscow, Russia. (In Russian).

Mchedlova, E. M. (2018), "Transformations in the spiritual-moral field", in *Challengers of the digital future and sustainable development of Russia. Coll. Monograph*, Moscow, Russia. (In Russian).

Mchedlova, E. M. (2018), "Value attitudes of religious advisors: socio-humanitarian aspect", *Socio-humanitarian knowledge*, (5), 234-244. (In Russian).

Mchedlova, E. M. (2005), *Human rights in light of sociological science*, ISPR RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

What do Russians dream about: ideal and reality (2013), in Gorshkov, M. K., Krumm, R. and Tihonova, N. E. (eds.), *Ves Mir*, Moscow, Russia. (In Russian).

Russian society and time challengers (2016), in Gorshkov, M. K. and Petuhov, V. V. (eds.), *Book 4*, Moscow, Russia. (In Russian).

Russian young-people: socio-demographic portrait and system of values in context of multinational base of Russian state. Coll. Monograph (2017), in Riazantsev, S. V. and Rostovskaya, T. K. (eds.), Moscow, Russia. (In Russian).

Tolerance. Coll. Monograph (2004), Respublika, Moscow, Russia. (In Russian).

Faith and reason (international scientific meeting almanac) (2016), Belgrade, Serbia.

Ali, A. J., Gibbs, M. and Camp, R. C. (2000), "Human resource strategy: The ten commandments perspective", *International Journal of Sociology and Social Policy*, 20 (5/6).

Berti re, S. (2013), *Le proc s Fouquet*, Paris, France.

Blancarte, R. J. (2000), "Popular religion, Catholicism and socioreligious dissent in Latin

America: Facing the modernity paradigm", *International sociology*, 15 (4).

Day-Yookoomsing, P. N. (2000), "Leadership training for improved quality in a post-colonial, multicultural society", *International Journal of Sociology and Social Policy*, 20 (8), 23-32.

Saint-Blancat, Ch. (2002), "Islam in Diaspora: between reterritorialisation and extraterritoriality", *International Journal of Urban and Regional Research*, 26 (1).

Harvieu-Lelger, D. (2002), "Space and Religion: new approaches to religious spatiality in modernity", *International Journal of Urban and Regional Research*, 26 (1).

Yousef, D. A. (2000), Organizational commitment as a mediator of the relationship between Islamic work ethnic and attitudes toward organizational change, *Human Relations*, 53 (4).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Мchedlova Елена Мирановна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии религии и социокультурных процессов Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института социально-политических исследований Российской академии наук.

Elena M. Mchedlova, Doctor of Sociology, Principal Researcher, Center for Sociology of Religion and Socio-cultural Processes, Institute of Socio-political Researches, Russian Academy of Sciences.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 37.068(470)

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5

Проказина Н. В.¹
Бобылева Н. Ю.²
Хатнюк Н. Н.³

Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала
в России

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Среднерусский институт управления – филиал
ул. Бульвар Победы, 5А, г. Орел, 302028, Россия

¹⁾ nvprokazina@mail.ru

²⁾ nataliya.bobyleva24@yandex.ru

³⁾ oragssoc@mail.ru

Статья поступила 4 апреля 2019 г.; Принята 4 мая 2019 г.;

Опубликована 30 июня 2019 г.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению развития потенциала добровольчества (волонтерства) в России. В работе представлен теоретический обзор понятия «волонтерство». Особое внимание уделено описанию феномена волонтерства с позиций зарубежных и отечественных ученых. Сделан акцент на отрасли социологии, социологические теории и подходы, занимающиеся изучением добровольческой деятельности. В методологическом плане изучение реализации волонтерского потенциала определяется с позиций теории структуризации Э. Гидденса, теории социального действия А. Турена, деятельностно-активистского подхода В. А. Ядова. Выделены ключевые направления волонтерской деятельности. Проведено сравнение результатов регионального авторского социологического исследования и всероссийских опросов общественного мнения по тематике волонтерства. Проведенный анализ позволил: определить наиболее популярные виды волонтерской деятельности у различных социальных групп; выделить мотивы, побуждающие к добровольческой деятельности; обозначить основные препятствия к осуществлению волонтерской деятельности и отметить дополнительные стимулы к добровольческой деятельности.

Ключевые слова: волонтерская деятельность; добровольчество; россияне; мотивы; стимулы; препятствия; результаты исследований; молодежь.

Информация для цитирования: Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 2. С. 47-56. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5

Natalya V. Prokazina¹
Natalia Yu. Bobyleva²
Natalya N. Hatnyuk³

Realization of voluntary (volunteer) capacity in Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Central Russian Institute of Management (branch)
5A Pobedy Blvd., Orel, 302028, Russia

¹⁾ nvprokazina@mail.ru

²⁾ nataliya.bobyleva24@yandex.ru

³⁾ oragsoc@mail.ru

Received on April 4, 2019; Accepted on May 4, 2019;

Published June 30, 2019

Abstract. The article is devoted to the development of potential of voluntary capacity (volunteering) in Russia. The authors provide a theoretical review of the concept “volunteering”. Special attention is paid to the description of the phenomenon of volunteering from the standpoint of foreign and domestic scientists. The emphasis is placed on the field of sociology, sociological theories and approaches involved in the study of volunteering. In terms of methodology, the study of the realization of volunteer potential is determined from the standpoint of the E. Giddens' structuration theory, A. Touraine's theory of social action, and V.A. Yadov's activity-activist approach. The authors reveal the key areas of volunteering and make a comparison of the results of the regional author's sociological research and all-Russian public opinion polls on the subject of volunteering. The analysis made it possible to: identify the most popular types of volunteering among various social groups; highlight motives for volunteering; identify the main obstacles to volunteering and highlight additional incentives for volunteering.

Keywords: volunteer activity; volunteering; Russians; motives; incentives; obstacles; results of researches; youth.

Information for citation: Prokazina N. V., Bobyleva N. Yu., Hatnyuk N. N. (2019), “Realization of voluntary (volunteer) capacity in Russia”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 47-56, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5

Введение (Introduction). В последнее десятилетие в современной России стремительно развивается волонтерское движение. Добровольческие инициативы граждан получают с каждым годом все больше поддержки со стороны государства, а волонтерская деятельность помогает в решении многих актуальных проблем современности и способствует формированию активной гражданской позиции у населения. Наиболее активно к волонтерству привлекается молодежь. Интерес к изучению волонтерства наблюдается во

многих науках, социология не является исключением и активно занимается изучением этого феномена.

Развитие волонтерского движения в Российской Федерации стремительно набирает обороты. 5 декабря 2017 г. в России впервые официально отмечался День добровольца (волонтера). Указом Президента РФ⁹ 2018-й год объявлен Годом доб-

⁹Указ Президента РФ от 06.12.2017 г. № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» // СПС Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725870>

ровольца (волонтера). Несмотря на возросший интерес к сфере волонтерства, можно отметить, что исследовательское поле этого феномена охватывается неравномерно, так как остается много спорных и неизученных моментов.

Актуальность социологического подхода к исследованию волонтерства в России обусловлена следующими факторами.

Во-первых, волонтерство является одним из важнейших социальных институтов, регулирующих добровольческий потенциал в пределах социальных отношений, складывающихся как в самой волонтерской общности, так и вне ее.

Во-вторых, волонтерство обеспечивает социальную интеграцию и устойчивость общественной жизни (в его рамках создаются условия для удовлетворения потребностей волонтеров и членов общества, которым оказывается помощь).

В-третьих, волонтерство способствует социализации индивидов и их включенности в общественные процессы и интеграции с социально-активными группами.

Целью данной статьи является анализ волонтерского/добровольческого потенциала в современной России.

Теоретический обзор (Theoretical review). Термин «волонтерство» появился в отечественных словарях ещё в дореволюционный период и со временем претерпел значительные изменения (Тарасова, 2012: 47). Одно из современных определений «волонтерства» было дано в «Большом толковом словаре официальных терминов». Согласно этому словарю под волонтерством понимается «добровольная, безвозмездная, социально значимая деятельность физических лиц – добровольцев, реализуемая от лица и/или по поручительству негосударственной некоммерческой организации» (Фединский, 2004: 211).

Н.В. Тарасова предлагает следующее определение волонтерства – это «форма гражданского участия в общественно полезных делах, способ коллективного взаимодействия, которая представляет собой

эффективный механизм решения актуальных социально-педагогических проблем» (Тарасова, 2012: 47). Ключевое в этом определении – общественная полезность и решение актуальных проблем.

Определение волонтерства можно найти и в трудах зарубежных авторов. М.С. Шераден определяет волонтерство как услуги, которые оказываются в организованной форме существенного участия и вклада в местном, национальном или мировом сообществе, которые признаются и ценятся обществом с минимальной денежной компенсацией для участников (Певная, 2013: 112). Следовательно, признаками волонтерства являются организованность, общественная полезность и добровольность (отсутствие вознаграждения).

Социологический подход к исследованию волонтерства предполагает акцент на таких компонентах волонтерства как мотивация волонтеров, что предполагает рассмотрение явления в рамках благотворительности или становления гражданского общества и т.д. (Певная, 2013: 111).

Г.Г. Алексеева и Г.Е. Зборовский предлагают изучение волонтерства в отдельную отрасль – социологию волонтерства. Г.Е. Зборовский говорит о том, что социология волонтерства – это «отрасль социологического знания, предмет которой составляет изучение реальных волонтерских практик конкретных социальных общностей, особенности их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов поведения в связи с добровольческой деятельностью, взаимодействием волонтеров в рамках ее различных способов и видов, в том числе с различными институтами и организациями государства и гражданского общества» (Зборовский, 2017: 10-14). Кроме того, Г.Е. Зборовский отмечает, что для социологии волонтерства характерна специальная социологическая теория (Зборовский, 2017: 10-12). Согласно этой теории, волонтерство, является социальной общностью.

На данный момент нет единой социологической теории волонтерства. Спе-

/ (дата обращения: 12.12.2018).

циалисты объясняют это явление по-разному (Зборовский, 2017: 10-12).

Некоторые социологи отдельно рассматривают волонтерскую деятельность в своих работах. Например, канадский ученый Р. Стеббинс называет волонтерство серьезным досугом. В таком случае волонтерский потенциал реализуется на регулярной основе, а само действие приносит волонтерам различные преимущества – самовыражение, чувство принадлежности к общности, духовный рост и т.д. (Певная, 2013: 114).

Британский социолог К. Бидерман, как и другие зарубежные социологи, указывает, что реализовываться волонтерский потенциал теперь может при помощи мотивации самих волонтеров. Волонтерство приобретает для людей большую ценность (Певная, 2013: 114).

Российские же социологи часто сводят волонтерство исключительно к социальной работе. Например, Л.Е. Сикорская говорит о том, что реализация волонтерского потенциала направлена на оказание социальных услуг людям (Сикорская, 2007: 53). Иной подход содержится в труде Н. В. Мерсияновой, в котором волонтерство понимается как труд. Однако, подобный подход к изучению явления спорен (Мерсиянова, 2009).

Подходы российских и зарубежных социологов сильно различаются. Волонтерство в западных исследованиях в первую очередь важно для самих волонтеров, а в российских – для общества. У зарубежных авторов область реализации волонтерского потенциала широкая – от культуры до спорта и политики; российские же авторы часто трактуют волонтерство лишь как помощь людям (Певная, 2013, 115).

Методология и методы (Methodology and methods). Волонтерская деятельность рассматривается социологами с точки зрения различных методологических подходов.

Теория структуризации английского социолога Э. Гидденса рассматривает че-

ловеческое поведение как действие, акцентирующее внимание на структурных компонентах социальных систем (Giddens, 1992: 29). Теория позволяет рассматривать волонтерскую деятельность как один из способов организации социальных практик, обязательно при этом взаимодействие с другими структурами (государством, обществом и т.д.). Волонтер является социальным агентом с определенной мотивацией (к действию волонтеров обычно побуждают внутренние причины), рационализацией (большая часть действий волонтеров повторяется, то есть является рутинной) рефлексивного мониторинга (в ходе деятельности волонтеры наблюдают за действиями других людей).

А. Турен является одним из приверженцев так называемой теории «социологии действия». Главным понятием в теории французского социолога является такая категория как «социальное действие» (Турен, 1998: 19), одним из таких действий и будет выступать волонтерство. Подход А. Турана нацелен на изучение волонтерства как совокупности социальных отношений индивида. Кроме того, важно рассматривать волонтерскую деятельность в её историческом развитии; проследить как волонтерство стало одной из ценностей и ориентаций общества (Турен, 1998: 92).

Деятельностно-активистский подход, который применяется российским социологом В.А. Ядовым, позволяет рассматривать волонтерство как деятельность индивидов, направленную на создание изменений в социальной среде. Волонтерский потенциал реализуется членами общества самостоятельно (Оберемко, 2005: 10-44).

Типологический подход применяется для типологии волонтерской деятельности, а именно типологии добровольцев и типологии самого волонтерства. Согласно этому подходу можно выделить различные направления реализации волонтерского потенциала – помощь бездомным животным, помощь в организации мероприятий, охрана общественного порядка и т.д. (Певная, 2013: 16-17).

Волонтерская деятельность рассматривается социологами с точки зрения различных методологических подходов. Например, с точки зрения общностного подхода волонтерство воспринимается как социальная общность со своей структурой (например, настоящие волонтеры, потенциально активные волонтеры, потенциально пассивные волонтеры, полуволонтеры) (Певная, 2013: 115-116).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Эмпирическая база статьи включает в себя пять групп источников.

Данные авторского социологического исследования «Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала молодежи в Орловской области». Метод исследования: интервью по месту жительства. Опрошено 400 жителей г. Орла в возрасте от 14 до 60 лет. Октябрь 2018 г.

Данные исследования «Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в муниципальных образованиях Свердловской области» (Певная, 2017). Метод исследования: анкетирование. Опрошено 600 человек в возрасте от 14 до 60 лет. Июнь – декабрь 2017 г.

Всероссийские исследования:

–«Добровольчество и волонтерство: как мы помогаем друг другу?»¹⁰. Опрос «ВЦИОМ-Спутник». Метод исследования: Опрошено 1600 россиян в возрасте от 18-ти лет. Октябрь 2018 г.

–«Волонтерство в России: сегодня и завтра»¹¹. Опрос «ВЦИОМ-Спутник». Метод исследования: Опрошено 2000 респондентов. Март 2018 г.

–«Что вдохновляет волонтеров?»¹².

¹⁰Добровольчество и волонтерство: как мы помогаем друг другу? // ВЦИОМ. 22.10.2018. № 3796. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9380> (дата обращения: 11.12.2018).

¹¹Волонтерство в России: сегодня и завтра // ВЦИОМ. 03.04.2018. №3623. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9020> (дата обращения: 11.12.2018).

¹²Что вдохновляет волонтеров? // ВЦИОМ. 01.09.2017. №3455. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116375> (дата

Опрос ВЦИОМ. Метод исследования: Июль – август 2017 г. Опрошено 5687 волонтеров.

Согласно результатам региональных исследований «Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала молодежи в Орловской области» и «Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в муниципальных образованиях Свердловской области» более половины россиян (2017 – 63%; 2018 – 60,7%) занимались добровольческой работой.

Наиболее популярные виды волонтерской деятельности. Согласно опросам «ВЦИОМ-Спутник» от 28-29 марта и 22 октября 2018 г., наиболее популярные виды добровольческой деятельности среди россиян распределились следующим образом:

— на первом месте – участие в субботниках и мероприятиях по благоустройству (72% и 36% соответственно);

— второе место в опросе от 28-29 марта 2018 практически разделили такие виды добровольческой деятельности, как перечисление средств нуждающимся в лечении (51%) и участие в сборе пожертвований (47%); в опросе от 22 октября 2018 г.: сбор средств и вещей для людей, попавших в тяжелое положение (21%), и перечисление денежных средств в общественные организации (19%), в которых принял участие практически каждый пятый опрошенный.

Примечательно то, что если среди молодежи приоритетными являются экологические проекты (26%, тогда как социальные – 23,7%), то в разновозрастной выборке на первом месте оказывается социальное волонтерство (30% против 26%).

Мотивация волонтеров. Мотивацией респондентов, принимающих участие в волонтерской деятельности, являются альтруистические мотивы.

Данные опроса в Свердловской области показывают, что в 2014 г. в мотивации добровольчества лидировали карьерные мотивы; на втором месте находилась груп-

обращения: 12.12.2018).

па мотивов расширения социальных контактов; и только за ними следовал альтруистический мотив – возможность помогать людям. В 2017 г., по мнению 83% экспертов, волонтеры участвуют в добровольческих проектах с целью помочь людям.

В качестве условий, при которых молодежь Орловской области согласилась бы участвовать (продолжать принимать участие) в добровольческой деятельности (2018 г.), наибольшее количество голосов было отдано за ответы «если бы я точно знал, что моя помощь приносит конкретную пользу обществу» (37,9%) и «если бы я точно знал, что моя помощь нужна каким-то конкретным людям» (37,2%); более пятой части респондентов ответили «если бы я знал, что это будет интересно и хорошо организовано» (21,9%) и «если бы это помогло бы мне в работе или учебе» (20,9%).

На вопрос «Что дает Вам участие в волонтерской деятельности почти половина опрошенных молодых людей Орловской области (44,1%) ответили «помощь людям». Более четверти респондентов (25,2%) – «общение с интересными людьми». Таким образом, социальная потребность – это ключевая потребность, стимулирующая развитие волонтерства.

Среди разновозрастной группы в Свердловской области «помощь людям» отметили уже 55%, а более трети россиян (39%) отметили «возможность улучшить в своем доме, улице, районе, городе.

Женщинам свойственны, в основном, альтруистические мотивы. Мужчины в работе волонтера чаще обращают внимание

на возможность получить опыт работы и общественно-политической деятельности, завести полезные знакомства, продвинуть какие-либо собственные идеи.

Подавляющее большинство россиян (91%) отметили, что при отсутствии каких-либо поощрений все равно бы продолжили волонтерскую деятельность. При этом три четверти опрошенных (77%) подчеркнули, что за свою работу они зачастую получали определенное поощрение в виде сувениров либо благодарности, поощрение не являлось целью их участия в добровольческой деятельности.

Планируют продолжать волонтерскую деятельность более половины респондентов (58% – по результатам опроса в Свердловской области; 51,7% – по результатам опроса в Орловской области).

Затруднились ответить на этот вопрос более трети респондентов (40% – по результатам опроса в Свердловской области; 36,2% – по результатам опроса в Орловской области).

Препятствия к осуществлению волонтерской деятельности. В качестве основных препятствий, мешающих осуществлению волонтерской деятельности в России, выделяются следующие наиболее значимые факторы:

— в разновозрастной выборке лидируют ответы: отсутствие необходимой информации (42%); несовершенство законодательства (33%); лень (31%); разобщенность добровольческого сообщества (29%); потребительское отношение к жизни (27%) и сомнительное отношение окружающих к добровольцам и их деятельности (27%);

Таблица 1

Факторы, мешающие заниматься добровольчеством
(результаты опроса Свердловской области)

Table 1

Factors impeding volunteering (results of a survey in the Sverdlovsk region)

№ п/п	Факторы, мешающие заниматься добровольчеством	Процент, %	Ранг
1.	Отсутствие информации	42,0	1
2.	Несовершенство законодательства	33,0	2
3.	Лень	31,0	3
4.	Разобщенность добровольческого сообщества	29,0	4

5.	Потребительское отношение к жизни	27,0	5
6.	Сомнительное отношение окружающих к добровольцам и их деятельности	27,0	5
7.	Недоверие в обществе в целом	26,0	6
8.	«Озлобленность» людей	24,0	7
9.	Отсутствие государственной поддержки волонтеров	22,0	8
10.	Социальная апатия	21,0	9
11.	Отсутствие государственной поддержки волонтеров	15,0	10
12.	Недоверие к некоммерческим организациям	11,0	11
13.	Низкий уровень жизни	9,0	12

— молодые люди чаще всего называют: социальную апатию, отсутствие гражданской позиции, интереса к другим людям, безразличие (33,5%); «озлоблен-

ность» людей (27,4%); отсутствие государственной поддержки волонтера (25,7%), недоверие в обществе в целом (25,1%), низкий уровень жизни (22,7%).

Таблица 2

Факторы, мешающие заниматься добровольчеством (результаты опроса Орловской области)

Table 2

The impeding volunteering (results of a survey in the Orel region)

№ п/п	Факторы, мешающие заниматься добровольчеством	Процент, %	Ранг
1.	Социальная апатия	33,5	1
2.	«Озлобленность» людей	27,4	2
3.	Отсутствие государственной поддержки волонтеров	25,7	3
4.	Недоверие в обществе в целом	25,1	4
5.	Низкий уровень жизни	22,7	5
6.	Отсутствие информации	22,4	6
7.	Сомнительное отношение окружающих к добровольцам и их деятельности	21,0	7
8.	Потребительское отношение к жизни	15,2	8
9.	Недоверие к некоммерческим организациям	7,6	9
10.	Несовершенство законодательства	4,7	10

Таким образом, со стороны общества и государства необходима, в первую очередь, просветительская деятельность по повышению уровня информированности о волонтерстве (добровольческом движении). Это снизит недоверие и будет способствовать формированию активной гражданской позиции.

Можно выделить различные препятствия к волонтерской деятельности, как внешние, так и внутренние. Одним из главных внешних препятствий служит неразвитость законодательной базы — деятельность волонтеров никак не регламентируется и не защищается (Бочанов, 2015: 70-75).

К внутренним препятствиям для занятий волонтерской деятельностью относятся недостаток свободного времени, отсутствие интереса к подобной деятельности, и недостаточную информированность населения о существующих волонтерских организациях (Бочанов, 2015: 73).

Волонтерству присущ ряд субъективных и объективных характеристик. К основным субъективным характеристикам можно отнести добровольность участия, отсутствие стремления к вознаграждению за деятельность и желание принести пользу обществу. К объективным характеристикам волонтерского движения можно отнести как организованность (например,

деятельность в рамках общественных организаций), так и неорганизованность (например, индивидуальная деятельность) (Тарасова, 2012: 48-49).

Дополнительные стимулы к добровольческой деятельности. Важно отметить, что значительная часть опрошенных считают, что наличие мер поддержки могло бы увеличить их вовлеченность.

Более трети респондентов Орловской и Свердловской области считают, что в качестве стимулов к добровольческой деятельности поощрения не нужны.

В качестве стимулов к волонтерской деятельности, со стороны общества и государства россияне (разновозрастная группа) выделяют: возможность посещать культурные и спортивные мероприятия (19%); учет отработанных волонтерских часов в качестве практики либо учитывались в трудовом стаже (17%); дополнительное медицинское обслуживание и страховку (15%).

Несколько иные результаты выявило исследование, проведенное в молодежной среде: здесь на первое место, выходит учет отработанных волонтерских часов в трудовом стаже или в качестве практики (28%); возможность посещать спортивные и культурные мероприятия (19,7%); и замыкает тройку лидеров такая мера, как дополнительные дни к ежегодному оплачиваемому отпуску, отгулу (14%). Таким образом, отчетливо прослеживаются возрастные особенности.

Результаты оценки вознаграждений за добровольческую деятельность разными возрастными группами показали, что в группе респондентов в возрасте 15-17 лет на первый план в качестве поощрения выдвигается возможность посещать культурные и спортивные мероприятия (37,5%); в возрастных группах 18-19 лет, 20-24 года и 25-29 лет — учет отработанных волонтерских часов в трудовом стаже или в качестве практики (33,3%; 30% и 27,5% соответственно).

Волонтерство с точки зрения социологии рассматривается как социальный

феномен или социальный институт.

В качестве общих закономерностей можно отметить, что волонтерство на западе понимается более широко и реализовываться волонтерский потенциал может не только в помощи людям, но и в устройстве каких-либо мероприятий, проведении политических компаний и т.д. В России же волонтерство нередко обозначает только добровольную социальную работу. Кроме того, российские социологи считают одной из важнейших характеристик волонтерства его социальную значимость, решение актуальных общественных проблем. Зарубежные социологи же говорят о том, что волонтерский потенциал реализуется прежде всего по желанию самих волонтеров, социальная значимость отходит на второй план.

Закключение (Conclusions). Основываясь на анализе, сопоставлении и обобщении результатов социологических исследований, можно сделать следующие выводы:

— добровольческое движение поддерживают более половины россиян. Оно охватывает практически все социальные и возрастные группы;

— наиболее распространенными направлениями добровольческой деятельности являются: социальное волонтерство (помощь нуждающимся старикам, детям, инвалидам; помощь больным людям; сбор средств на благотворительность) и экологические проекты (участие в субботниках, благоустройстве и очистке территории своего населенного пункта). В таких видах волонтерства принимают участие около четверти опрошенных россиян;

— лидирующими мотивами добровольческой деятельности являются: желание помочь людям; возможность благоустроить свой дом, улицу, город, район; возможность общения с интересными людьми;

— объективными препятствиями, встающими на пути к добровольчеству, относятся отсутствие необходимой информации, несовершенство законодатель-

ства, а к субъективным – лень, социальная апатия, отсутствие гражданской позиции, интереса к другим людям, безразличие, «озлобленность» людей, недоверие в обществе в целом, сомнительное отношение окружающих к добровольцам и их деятельности;

— более трети опрошенных уверены, что поощрения за волонтерский труд не нужны; вместе с тем, многие считают, что поощрения повысили бы волонтерскую активность и привлекли новых людей;

— среди приоритетных стимулов к волонтерской деятельности лидирующие позиции занимают такие меры, как учет отработанных волонтерских часов в трудовом стаже или в качестве практики и возможность посещать культурные и спортивные мероприятия;

— наиболее эффективными мерами, способствующими реализации волонтерского потенциала, являются: информированность населения о роли волонтерской деятельности, о способах ее осуществления, организационных моментах, результатах деятельности; пропаганда волонтерства в средствах массовой информации; совершенствование законодательства в этой сфере; адресность волонтерства.

Список литературы

Алексеева Г. Г. Методологические подходы к исследованию волонтерства. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2018/8/sociology/alekseeva.pdf. (дата обращения: 05.02.2019).

Большой толковый словарь официальных терминов: более 8000 терминов / сост. Ю.И. Фединский. М.: Астрель, 2004. 1165 с.

Бронзино Л. Ю. «Антисоциология» Алена Турена // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2008. №1. С. 87-95.

Зборовский Г. Е. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. №3. С. 8-23.

Керимова Л. М. Теория структуризации Э. Гидденса: методологические аспекты // Со-

циологические исследования. 1997. №3. С. 37-47.

Кудринская Л. А. Генезис добровольческого труда в контексте исторического подхода // ОНВ. 2006. №4 (38). С. 33-36.

Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М.: Изд. дом Гос. ун-та ВШЭ, 2009. 201 с.

Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: Учебное пособие / Под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 10-44.

Отчет по результатам социологического исследования «Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала молодежи в Орловской области» // Отчет кафедры социологии и информационных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС. 2018. 9 с.

Певная М. В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. №2. С. 110-119.

Певная М. В. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в муниципальных образованиях Свердловской области: аналитический отчет о результатах исследования. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 67 с.

Сикорская Л. Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. 2007. №9. С. 52-58.

Тарасова Н. В. Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен // Педагогическое образование в России. 2012. №4. С. 46-51.

Турен А. Возвращение человека действующего // Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

Giddens A. Power, the dialectic of control and class structuration // Social class and the division of labour. Cambridge, 1992. P. 29-45.

References

Alekseeva, G. G. *Methodological approaches to the study of volunteering* [Online], available at: http://home-horse.ru/Rus/files/arhiv_zhurnala/SPP/2018/8/sociology/Alekseeva.PDF. (Accessed 05 February 2019). (In Russian).

Large explanatory dictionary of official terms: more than 8000 terms (2004), comp. by

Vedenski, Y. I., Astrel, Moscow, Russia. (In Russian).

Bronzino, L. Yu. (2008), "'Antisociology' of Alain Touraine", *Vestnik RUDN, Series: Sociology*, (1), 87-95. (In Russian).

Zborovsky, G. E. (2017), "The Problem of volunteering in the structure of sociological knowledge", *Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, (3), 8-23. (In Russian).

Kerimova, L. M. (1997), "The Theory of structuration by E. Giddens: methodological aspects", *Sociological Studies*, (3), 37-47. (In Russian).

Kudrinskaya, L. A. (2006), "Genesis of volunteer work in the context of the historical approach", *ONV*, (4), 33-36. (In Russian).

Mersianova, I. V. and Jacobson L. I. (2009), *Practices of philanthropy in Russia: involvement and attitude of the population*, Izd. dom Gos. un-ta VSHE, Moscow, Russia. (In Russian).

Oberemko, O. A. and Yadov, V. A. (2005), "General theoretical approaches to the analysis of social development and social changes", in Yadov, V. A. (ed.), *Social transformations in Russia: theories, practices, comparative analysis: a Textbook*, Flinta, Moscow, Russia, 10-44. (In Russian).

"Report on the results of the sociological research 'Implementation of voluntary (volunteer) potential of young people in the Orel region'" (2018), in *Report of the Central Russian Institute of management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*, Orel, Russia. (In Russian).

Pevnaya, M. V. (2013), "Volunteering as a sociological problem", *Sociological Studies*, (2), 110-119. (In Russian).

Pevnaya, M. V. (2017), *Implementation of voluntary (volunteer) potential in municipalities of the Sverdlovsk region: analytical report on the results of the study*, Urfu, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Sikorskaya, L. E. (2007), "Tolerance to the views of young Russian and German volunteers in social work", *Sociological Studies*, (9), 52-58. (In Russian).

Tarasova, N. V. (2012), "Volunteer activity as a historical and pedagogical phenomenon", *Pedagogical education in Russia*, (4), 46-51. (In Russian).

Touraine, A. (1998), "The Return of a person acting", in *Essay of sociology*, Scientific world, Moscow, Russia. (In Russian).

Giddens, A. (1992), "Power, the dialectic of control and class structure", in *Social class and the division of labor*, Cambridge, UK, 29-45.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Проказина Наталья Васильевна, заведующий кафедрой социологии и информационных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления-филиал, доктор социологических наук, профессор.

Бобылева Наталья Юрьевна, студентка направления подготовки 39.04.01 Социология (уровень магистратуры) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления-филиал.

Хатнюк Наталья Николаевна, аспирант 3 курса направления подготовки 39.06.01 Социологические науки Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления-филиал.

Natalya V. Prokazina, Head of the Department of sociology and Information Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management (branch), Doctor of Sociological Sciences, Professor.

Natalia Yu. Bobyliova, Student of Training Programme 39.04.01 Sociology (Master's degree level), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management (branch).

Natalya N. Hatnyuk, 3d-year Graduate Student of Training Programme 39.06.01 Sociological sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management (branch).

УДК 316.356.2

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-6

Ростовская Т. К.¹
Карповская Е. Е.²

**Изучение особенностей семейно-демографической политики
как фактора изменений молодой семьи: социологический анализ**

¹) Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, г. Москва, 119333, Россия
Российский государственный социальный университет
ул. Вильгельма Пика, д. 4, г. Москва, 1129226, Россия
rostovskaya.tamara@mail.ru

²) Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, г. Москва, 119333, Россия
e.karpovskaya@gmail.com

*Статья поступила 2 апреля 2019 г.; Принята 30 мая 2019 г.;
Опубликована 30 июня 2019 г.*

Аннотация. В статье представлен авторский анализ изучения особенностей семейно-демографической политики в контексте изменений жизнедеятельности молодой семьи.

В целях решения демографических задач в современном российском обществе, особое внимание уделяется государственной программе стимулирования рождаемости, включающая в себя комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи.

В этой связи актуальным является обобщение авторского экспертного опроса сотрудников государственных структур, занимающихся поддержкой молодой семьи г. Москвы и Московской области, проведенного в 2016-2017 годах. Авторы особое внимание обратили на вопросы доступности жилья для молодых семей и повышения выплат по пособиям и программам, направленных на государственную поддержку молодых семей.

Для эффективной семейной политики именно эти направления необходимо сделать ключевыми, разрабатывая новые программы и совершенствуя уже существующие.

Ключевые слова: семейно-демографическая политика; молодая семья; государственная поддержка молодых семей; программа стимулирования рождаемости; материнский (семейный) капитал.

Информация для цитирования: Ростовская Т. К., Карповская Е. Е. Изучение особенностей семейно-демографической политики как фактора изменений молодой семьи: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 2. С. 57-66. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-6

Tamara K. Rostovskaya¹ | **Studying the features of family and demographic policy**
Ekaterina E. Karpovskaya² | **as a factor of changes in a young family: a sociological analysis**

¹⁾ Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences
6-1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
Russian State Social University
Bld. 1, 4 Wilhelm Pieck St., Moscow, 129226, Russia
rostovskaya.tamara@mail.ru

²⁾ Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences
6-1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
e.karpovskaya@gmail.com

*Received on April 2, 2019; Accepted on May 30, 2019;
Published June 30, 2019*

Abstract. The article presents the author's analysis of the study of family and demographic policy in the context of changes in the life of a young family. In order to solve demographic problems in modern Russian society, special attention is paid to the state program of fertility stimulation, which includes a set of measures of administrative, financial, and social support for a young family.

In this regard, it is important to summarize the expert survey of employees of government agencies involved in the support of the young family of Moscow and the Moscow region, conducted by the authors in 2017. The authors paid special attention to the issues of housing affordability for young families and increase of benefits and programs aimed at state support of young families.

For an effective family policy, these areas should be made crucial, developing new programs and improving existing ones.

Keywords: family and demographic policy; young family; state support of young families; the program of stimulation of birth rate; maternal (family) capital.

Information for citation: Rostovskaya T. K., Karpovskaya E. E. (2019), "Studying the features of family and demographic policy as a factor of changes in a young family: a sociological analysis", *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 57-66, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-6

Введение (Introduction). В рамках решения задач, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», одним из ключевых направлений в современных социальных исследованиях является изучение особенностей семейно-демографической политики как фактора изменений молодой семьи.

Одной из самых острых социальных проблем современной России является демографическая проблема, для решения которой была предложена программа стимулирования рождаемости, включающая в себя комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи.

В отечественной литературе существуют разные точки зрения на проблему низкой рождаемости. Подход В. А. Борова, А. И. Антонова и др. акцентирован на

устранение депопуляции через 30-40 лет лишь посредством резкого увеличения среднедетных семей (3-4 ребенка). По мнению других демографов – Л. Е. Дарский, А. Г. Волков, А. Г. Вишневский, снижение рождаемости является естественным процессом, имеющим свой предел, при этом снижение рождаемости и депопуляция рассматриваются как позитивное средство избавления от «перенаселенности». Ведущие демографы Л. Л. Рыбаковский, С. В. Рязанцев, В. В. Елизаров и др. считают необходимым незначительное повышение рождений за счет реализации имеющейся у населения потребности в 2-3-х детях и частичном снижении смертности. Но все демографы единодушны в том, что распространение ориентации на одного ребенка в семье для воспроизводства населения – нежелательное явление, предпочтительней иметь 2-3-детную семью (Чернышов, 2013).

Демографическая ситуация в стране во многом определяется не только ухудшением экономической ситуации, социальной политикой, степенью заботы о материнстве и охраны детства, но и отношением молодежи к семье. Исследование процесса воспроизводства населения неразрывно связано с изучением отношения молодежи к институту брака и семьи, к своей предстоящей и реализуемой на практике родительской роли. Несмотря на то, что современная молодежь делает выбор в пользу индивидуалистических стратегий жизненного успеха, ценность семьи все же занимает приоритетное место среди ценностных ориентаций новых поколений (Чернышов, 2013).

Система ценностных ориентаций современной молодёжи, является одним из наиболее важных компонентов в системе развития личности, которые позволяют определить линии поведения человека в достижении каких-либо результатов. Система ценностных ориентаций молодёжи определяется как комплекс личностных предпочтений молодого человека в выборе своего социального поведения и достиже-

нии личностных целей (Ростовская, Кучмаева, 2017).

Следует подчеркнуть, что в настоящее время на государственном уровне взят курс на пропаганду всеобщего семейного благополучия, ответственного родительства и поддержания социальной устойчивости молодой семьи. В частности, в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года подчёркивается необходимость пропаганды традиционных семейных ценностей, стабильного, зарегистрированного брака, рождения и воспитания детей в семье; в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве стратегической цели обозначены «сохранение и преумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей», включая «семью, нормы морали и нравственности». Согласно п. 109 Указа, все положения Стратегии национальной безопасности России – «обязательны для выполнения всеми органами государственной власти и органами местного самоуправления»¹³.

Таким образом, основной целью проводимой государственной семейной и молодежной политики является укрепление и развитие социального института семьи, возрождение семейных ценностей и семейного образа жизни, создание и обеспечение условий для наилучшего выполнения семьей своих основных функций (Ростовская, Кучмаева, 2017).

В этой связи является актуальным анализ проведенных авторами в 2016-2017 годах экспертного опроса сотрудников государственных структур, занимающихся поддержкой молодой семьи г. Москвы и Московской области, который позволили выявить отношение молодых семей к государственным программам.

Методология и методы (Methodology and methods). Методологическую ос-

¹³Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

нову исследования составили концептуальные положения, изложенные в программных документах, связанных с реализацией государственной семейной, демографической политики в части решения проблем молодых семей.

Основные использованные в работе методы – общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и специальные (анкетирование, опрос, контент-анализ).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Экспертный опрос. В 2016-2017 годах Е.Е. Карповской был проведён экспертный опрос методом анкетирования сотрудников государственных структур, занимающихся поддержкой молодой семьи и информированием о них г. Москвы и Московской области. Количество – 43 человека. Были выбраны данные респонденты, т.к. они занимаются реализацией программы М(С)К на территории России и г. Москвы и Московской области. Это сотрудники Пенсионного Фонда Российской Федерации, Отделения Пенсионного фонда РФ по г. Москве и Московской области, клиентских служб ПФ РФ, сотрудники из департамента социальных выплат и департамента по связям с общественностью и СМИ. Соответственно, вопрос о выборке социологического исследования был сделан следующим образом: были опрошены все специалисты, работающие в отделах и департаментах по связям с общественностью и занимающиеся социальными программами, а также, был проведен опрос среди сотрудников, работающих непосредственно по приёму и выдаче документов гражданам, в рамках государственных проектов для молодых семей.

Примечательно, что для проведения данного исследования, было необходимо обратиться в Клиентские службы ПФ РФ, собственно, это тот орган, который занимается работой непосредственно с населением. Клиентские службы ПФ РФ не идут на контакт даже с официальным разрешением от вышестоящего управления. Руководство централизованной клиентской

службы не было готово продуктивно сотрудничать в части проведения исследования, а сотрудники отказывались от заполнения анкет, те, кто всё же заполнили, ответили во всех строках «не знаю». Таким образом, можно сделать вывод либо о низкой квалификации сотрудников в клиентских службах ПФ РФ, либо о низкой мотивации к работе или отсутствии заинтересованности в ней.

Остальные ответы 43 респондентов ПФ РФ и Отделения по г. Москве и Московской области работающих в департаментах по социальным выплатам и связям с общественностью показали в некоторых вопросах неожиданные результаты.

Большинство государственных служащих, реализующих программу «Материнский (семейный) капитал» – далее «М(С)К» уверены, что программа помогает увеличению рождаемости в стране (53%). Это говорит, прежде всего, о том, что более половины опрошенных верят в свое дело и имеют мотивацию к работе.

На вопрос «Нуждаются ли молодые семьи в поддержке от государства в виде специальных программ для них? (в %, закрытый вопрос, несколько вариантов ответа)» – 64% государственных служащих ответили: «Да, обязательно» – молодые семьи нуждаются в поддержке от государства, что подтверждает уверенность в результативности и популярности программы М(С)К. Государственные служащие, отметившие вариант «Другое», добавляли, что в некоторых случаях помощь действительно нужна, поэтому она, скорее, должна быть адресной.

Интересные результаты были получены в результате экспертного опроса на вопрос «Мотивирует ли «Материнский капитал» молодые семьи на принятие решения о рождении второго (последующего) ребенка? (в %, закрытый вопрос, несколько вариантов ответа)»:

Вариант «Да, значительно» – 26%, они подтверждали ростом обращений за сертификатом М(С)К;

Вариант «Да, но незначительно» – 56%. При этом эксперты понимают, что у молодых пар могут быть разные мотивации, разные причины и факторы к появлению второго (последующего) ребенка.

Респонденты, отметившие, что у молодежи другие мотивации к рождению, имели в виду следующее: «В большинстве случаев само рождение ребенка является мотивацией» или «Мотивы могут быть разные, например, религиозные».

Наиболее популярным ответом среди чиновников разного уровня на вопрос «На какие цели, по-вашему, мнению можно было бы направить средства «материнского (семейного) капитала» (кроме, покупки жилья, образования детей, пенсионных накоплений матери)? (в %, закрытый вопрос, несколько вариантов ответа)» стал ответ расширить направления средств М(С)К на заботу государства о «Здоровье родителей или детей» – 26%. А также важным, по мнению экспертов, и решающим в появлении второго ребенка и использованию М(С)К стало «Обеспечение жизнедеятельности ребенка в первый год жизни» – 16% и «Покупка земли», кажется 15% государственных служащих важным вопросом для молодых семей.

На вопрос: «Какие Вы могли бы выявить особенности (недостатки) программы в процессе ее реализации: а) для молодых семей; б) для государственных органов, участвующих в программе?» (открытый вопрос), наиболее интересным мнением среди опрошенных было следующее: «Мало направлений использования М(С)К. Основное – покупка квартиры, но нужно выделять доли на детей, чтобы в последствии эту квартиру нельзя было продать или обменять за погашение ипотеки». 5% чиновников дали ответ, что минусов для молодых семей в программе нет. Наиболее интересное мнение: «Государство делает молодым семьям подарок, и все достаточно просто». Также 7% государственных служащих сделали вывод, что необходимо предоставить большой пакет документов в органы ПФ РФ, что усложняет процесс ре-

ализации программы. Еще 9% полагают, что недостаток программы в том, что молодым семьям не дают самостоятельно распоряжаться средствами М(С)К по их усмотрению. Например, один из опрошенных отметил: «Невозможно сразу направить средства на покупку недвижимости». А его коллега поделился мнением о том, что «невозможно использование М(С)К до 3-летнего возраста ребенка (кроме ипотеки)». Самое интересное мнение было сотрудников, которые считают, что необходимо дать возможность молодым родителям распоряжаться самостоятельно выплатами, т.к. некоторые чиновники понимают бесполезность направлений для большинства. Один из ярких примеров: «Не все могут купить квартиру. Некоторым ещё далеко до оплаты образования, а пенсия мамы просто бессмысленна. Это означает, что некоторые семьи не могут эффективно реализовать средства М(С)К». 2% главным недостатком программы видят в мошенничестве со стороны участников программы: «Много случаев мошенничества. К сожалению, молодые семьи в стремлении получить М(С)К наличными поддаются на уловки аферистов, не осознавая, что обналичивание материнского капитала – уголовное преступление». Еще 2% чиновников уверены, что выдавать сертификат нужно не всем гражданам, проживающим даже за границей, а только тем, кто постоянно проживает на территории РФ. Также 2% государственных служащих понимают проблему в неоднозначности толкования Федеральных законов, как молодыми семьями, так и чиновниками на местном уровне. А остальные 2% считают программу хорошо сформулированной и сформированной, полностью отвечающей интересам ребенка в молодой семье. Затруднились ответить на вопрос – 60%.

Для 12% чиновников, участвующих в реализации программы М(С)К, недостатки её, прежде всего, в сложности отследить незаконность использования (обналичивания) средств по сертификату. Основное, на что сделали акцент респонденты, отражает

следующее мнение: «Это создает проблемы для государственных органов, т.к. нужно дополнительно вкладываться в кампании, разъясняющие незаконность данных действий». Еще одним интересным мнением является: «Жестче наказывать тех родителей, которые незаконно хотят обналичить М(С)К и тех, кто не выделяет доли детям. Ввел бы отчетность для предоставления в ПФ РФ о потраченных семьей средствах». 2% опрошенных уверены, что в программе для чиновников минусов нет. Например, один из респондентов ответил: «Из плюсов – повышение имиджа, а минусов – нет». Также 5% экспертов считают главным недостатком избыточную «забюрокраченность» программы. Например, один из государственных служащих отметил: «Серьезное «обюрокрачивание» процесса, ненужные дополнительные условия». Однако 2% полагают, что главный недостаток программы – в высокой нагрузке на чиновников. Возможно, ввиду большого количества документов, которые заполняют семьи. Еще 2% высказались в необходимости отслеживать ущемления прав детей в семье молодыми родителями по использованию денежных средств от программы. Примечательно было замечание 2% сотрудников ПФ РФ, реализующих М(С)К, по поводу необходимости налаживания координации совместных действий с другими органами с целью эффективной реализации программы. Еще 2% респондентов уверены, что необходимо внести поправку о выплате М(С)К только постоянно проживающим на территории России. Кроме этого, важным недостатком программы для 7% государственных служащих является то, что не все ситуации прописаны в законе и требуют индивидуального подхода. Такие ситуации зачастую бывают спорными и требуют времени для принятия решения. Затруднились ответить на вопрос – 63%.

Отвечая на вопрос «Какие каналы коммуникации по связям с общественностью используются наиболее часто по информированию и разъяснению о програм-

ме «Материнский капитал» (до 5-ти ответов) (в %, закрытый вопрос, несколько вариантов ответа), эксперты уверены, что самыми эффективными источниками коммуникации для молодых семей являются: телевидение – 18%, сайт Пенсионного фонда – 18%, брошюры, листовки, лифлеты Пенсионного фонда – 15%.

В вопросе о групповых консультациях с будущими матерями 33% чиновников ответили, что только иногда проводят их, 19% указывают, что редко проводят, а 16% знают только о тех мероприятиях, когда сотрудников ПФ РФ приглашают другие организации провести консультации.

Важным моментом в опросе экспертов было выяснить, в какой помощи, по их мнению, нуждаются молодые семьи сегодня, кроме тех, на которые направлены уже существующие программы. 28% уверены, что необходимо сделать доступное жилье; 21% – повысить выплаты декретных и пособий по материнству и детству, а 20% считают, что необходимо решить проблемы с дошкольными образовательными учреждениями.

Экспертам был задан вопрос: «На какие особенности (или недостатки) программы Вы хотели бы обратить особое внимание с целью ее эффективной реализации в будущем?». 7% уверены, что необходимо больше контроля со стороны государства. Сам по себе факт отсутствия механизма контроля над расходованием бюджетных средств является главным недостатком программы. Для этого эксперты предлагали, чтобы семьи, желающие получить сертификат М(С)К, нотариально заверяли все документы, предоставляемые в ПФ РФ. В свою очередь, от молодых семей предлагалось требовать предоставлять дополнительные документы. 5% респондентов считают, что эффективность программы повысит только увеличение суммы по сертификату. Например, один из экспертов высказался по этому поводу следующим образом: «Для Московского региона сумма М(С)К недостаточна для улучшения жилищных условий». Еще 5% уверены, что

для улучшения программы необходимо осуществлять выплаты по сертификату только гражданам, постоянно проживающим на территории РФ. А также 7% высказались в пользу расширения направлений использования М(С)К. Например, в области образования: «Необходимо дать возможность образования по сертификату М(С)К и детям-инвалидам». Кроме этого, 7% экспертов обратили внимание на несовершенство законодательства, поэтому необходимо четко прописывать в законе вопросы, связанные с жилищными условиями, т.к. возникают противоречивые ситуации. К тому же, необходимо расширить использование программ для некоторых групп граждан, например, для многодетных отцов-одиночек. Более того, по их мнению, необходимо в общем упростить реализацию программы. Однако 5% уверены в том, что с программой все хорошо, и она не нуждается в доработке: «На данный момент в программе все соответствует». 2% государственных служащих уверены, что повысить эффективность программы позволит выдача сертификатов М(С)К после рождения первого ребенка. Затруднились ответить на вопрос – 63% экспертов.

Экспертный опрос проведен методом анкетирования сотрудников Пенсионного Фонда Российской Федерации и Отделения Пенсионного фонда РФ по г. Москве и Московской области, работающих в департаментах по социальным выплатам и связям с общественностью в 2016-2017 гг., опрошено 43 человека.

Экспертов спросили: «Нуждаются ли молодые семьи в поддержке от государства в виде специальных программ для них?» Более половины уверены, что молодые семьи нуждаются (64%), а отметив другое (7%), добавляли, что помощь от государства должна быть индивидуальной.

Большинство государственных служащих, реализующих программу «М(С)К» уверены, что программа помогает увеличению рождаемости в стране (53%). Это говорит о том, что эксперты уверены в эффективности программы М(С)К.

Затем экспертов спросили: «На какие цели, по-вашему мнению, можно было бы направить средства «М(С)К» (кроме покупки жилья, образования детей, пенсионных накоплений матери)?» Чиновники в большинстве ответили, что необходимо расширить направления средств М(С)К на заботу государства о здоровье родителей или детей (26 %). Кроме этого, по мнению экспертов, необходимо «Обеспечение жизнедеятельности ребенка в первый год жизни» – 16%; «Покупка земли» тоже кажется государственным служащим важным вопросом для молодых семей – 15%.

Экспертам был задан вопрос: «Какие, по вашему мнению, выявились недостатки при использовании программы «М(С)К»: а) для молодых семей недостаток: мало направлений использования средств (части) М(С)К; большой пакет документов; молодым семьям не дают самостоятельно распоряжаться средствами М(С)К по их усмотрению; мошенничество со стороны участников программы; выдавать сертификат нужно только тем, кто постоянно проживает на территории РФ; неоднозначность толкования Федеральных законов. Правда, среди экспертов были и те, кто считают программу хорошо сформулированной и сформированной, и минусов для молодых семей в программе нет. Более половины (60%) затруднились ответить на этот вопрос. б) для государственных служащих недостатки программы чиновники определили в следующем: сложно отследить незаконность использования (обналичивание) средств М(С)К; излишняя «забюрокраченность» программы; высокая нагрузка на чиновников; отсутствие координации совместных действий с другими органами; не все ситуации прописаны в законе и требуют индивидуального подхода. Немногие из опрошенных чиновников считают: в программе отсутствуют минусы. А затруднились ответить на этот вопрос – 63% экспертов.

Примечательным был вопрос, заданный экспертам: самый эффективный источник коммуникации для молодых се-

мей), результаты были следующими: телевидение – 18%, сайт Пенсионного фонда – 18%, брошюры, листовки, лифлеты Пенсионного фонда – 15%.

Позже, эксперты ответили на вопрос: «Повлиял ли «материнский капитал» на принятие решения о рождении второго (последующего) ребенка: 26% дали противоположный ответ «да, значительно», они подтверждали это ростом обращений за сертификатом М(С)К. Однако большинство экспертов (56%) уверены: «да, но незначительно», т.к. они видят мотивацию к рождению детей у молодежи в другом. Таким образом, эксперты сошлись во мнении, что программа М(С)К не является основополагающим и мотивирующим фактором к рождению ребенка в семье.

Эксперты на вопрос «Какие рекомендации по совершенствованию программы «материнского капитала» Вы могли бы предложить?» ответили, что недостатки программы в следующем: мало контроля со стороны государства над выделяемыми средствами; необходимо повысить сумму по сертификату; осуществлять выплаты только гражданам, постоянно проживающим на территории России; расширить направления М(С)К; несовершенство законодательства; выдавать сертификат после рождения первого ребенка. Правда, 5% уверены, что с программой все хорошо. На данный вопрос затруднились ответить 63% экспертов.

Заключение (Conclusions). Ситуация с демографией в России остается серьезной, несмотря на рост рождаемости в последние годы, несмотря на введение программы М(С)К, у молодежи продолжают снижаться мотивации к созданию семьи и рождению детей. Таким образом, рождаемость зависит от внешних обстоятельств, в частности социально-экономической ситуации в стране, а также от репродуктивных установок молодежи.

Многие заработные платы меньше прожиточного уровня, поэтому рождение одного ребенка в молодой семье автоматически переводит ее в категорию бедных.

Однако, известно, что меры, в виде материальных выплат по стимулированию деторождения, предпринимаемые Правительствами разных стран, не способны изменить индикатор детности в сознании населения. В этой связи мы солидарны с С.В. Захаровым в том, что «активность государства должна быть направлена на то, чтобы как можно меньшая доля населения в своей жизнедеятельности опиралась на искусственные «подпорки» в виде пособий и льгот» (Захаров, 2004).

По мнению ведущего ученого в области социологии семьи А.И. Антонова, «только одна цель ведет к повышению рождаемости – рост потребности семьи в детях до уровня 3–4 детей». Но «опыта такого рода не было в нашей стране и нет нигде в мире» (Антонов, 2009).

О том же, но более конкретно, писал и В.А. Борисов: «Сегодня ученые уже знают, на что должна быть направлена демографическая политика. На повышение экономической полезности детей для семьи, чтобы иметь третьего и четвертого ребенка стало выгодно. Однако неизвестно, как этого можно достичь. Разработка социально-демографических механизмов «полезности детей» в нашей стране еще даже не начиналась» (Борисов, 2003).

Хотя именно М(С)К является наиболее интересной программой для российских молодых семей. В то же время, «ФОМ» подвел итог, что треть россиян полагают, что необходимо расширить сферы использования материнского капитала. К тому же программа несовершенна и обладает рядом барьеров для реализации: мало денежных средств, выделяемых по сертификату, чтобы семья могла реализовать одно из направлений; недостаточное информационное сопровождение; разная интерпретация нормативных актов чиновниками разного уровня и др.

Для эффективной семейно-демографической политики необходимо сделать доступным жилье для молодых семей, повысить выплаты декретных по материнству и пособий по детству и решить про-

блемы с дошкольными образовательными учреждениями.

Повышение рождаемости – это продолжительный проект, который не принесет быстрых результатов, но, главное здесь – сохранять последовательность мер, соблюдать четкую стратегию и продолжать работать в этом направлении.

Список литературы

Антонов А. И. О соответствии мер и средств демографической политики её долгосрочным целям (опыт демографической экспертизы) // Демографические исследования: сборник статей. М.: Университет, 2009. С. 148-161.

Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Кузнецов В. Н., Рыбаковский Л. Л., Рязанцев С. В. Стратегия демографического развития России. М.: ЦСП, 2005.

Борисов В. Парадокс обратной связи // Социальная защита. 2003. № 12. С. 3-7.

Быстров А. А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости? // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 91-96.

Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2.

Гольцова Е. В., Лещенко Я. А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125-130.

Дарский Л. Е. Изучение плодовитости браков // Вопросы демографии. М., 1970.

Захаров С. В. Перспективы изменения модели рождаемости // Народонаселение. 2004. № 3. С. 37-45.

Карповская Е. Е. Особенности реализации государственных программ в социальном институте семьи г. Москвы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Челябинск, 2015. Т. 15, № 3. С. 74-77.

Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства. Коллективная монография / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н., проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. 600 с.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья – важная составляющая ценностного ядра молодых россиян // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 121-134.

Рязанцев С. В., Ростовская Т. К. Социально-демографические характеристики российской молодежи // Государственный советник. 2015. № 2. С. 66-75.

Рыбаковский Л. Л. 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-информ, 2014.

Рыбаковский Л. Л., Рязанцев С. В., Безвербный В. А. Вопросы демографического развития России в президентских посланиях: влияние на эффективность демографической политики // Горизонты экономики: Научно-аналитический журнал. 2011. № 2.

Чернышов С. Общество. Русский полугодие // Эксперт Сибирь. 2013. № 1-4 (403). URL: <http://expert.ru/siberia/2014/04/russkij-polumesyats> (дата обращения: 20.05.2019).

References

Antonov, A. I. (2009), "On the compliance of measures and means of demographic policy with its long-term objectives (experience of demographic expertise)", *Demographic Research: collection of articles*, Moscow, Russia, 148-161. (In Russian).

Arkhangelskiy, V. N., Ivanova, A. E., Kuznetsov, V. N., Rybakovsky, L. L. and Ryazantsev, S. V. (2005), *The Strategy for demographic development of Russia*, TSSP, Moscow, Russia. (In Russian).

Borisov, V. (2003), "Feedback Paradox", *Social protection*, (12), 3-7.

Bystrov, A. A. (2008), "Maternal capital: stimulation of the birth rate?", *Sociological Studies*, (91), 12-96. (In Russian).

Volkov, V. N. (2014), "Postmodernity and its main characteristics", *Kulturnoe nasledie Rossii*, (2). (In Russian).

Goltsova, E. V. and Leshchenko, I. A. (2010), "The factors of social environment as determinants of marriage and fertility", *Sociological Studies*, (2), 125-130. (In Russian).

Darsky, L. E. (1970), "Study of fertility of marriages", in *Questions of demography*, Moscow, Russia. (In Russian).

Zakharov, S. V. (2004), "Prospects of changes in the model of fertility", *Narodonasele-nie*, (3), 37-45. (In Russian).

Karpovskaya, E. E. (2015), "Peculiarities of realization of state programs in the social institution of the family in Moscow", *Vestnik YUUrGU. Seriya «Socialno-gumanitarnye nauki»*, 15 (3), 74-77. (In Russian).

The Russian youth: the socio-demographic profile and values in the context of the multina-

tional foundations of the Russian state. A collective monograph (2017), in Ryazantsev, S. V. and Rostovskaya, K. T. (eds.), ITD «PERSPEKTIVA», Moscow, Russia. (In Russian).

Rostovskaya, T. K. and Kuchmaeva, O. V. (2017), "Family –as an important component of the value core of young Russians", *Cennosti i smysly*, (1), 121-134.

Ryazantsev, S. V. and Rostovskaya, T. K. (2015), "Socio-demographic characteristics of the Russian youth", *Gosudarstvenny sovetnik*, (2), 66-75. (In Russian).

Rybakovsky, L. L. (2014), *20 years of depopulation in Russia*, Ekon-inform, Moscow, Russia. (In Russian).

Rybakovsky, L. L., Ryazantsev, S. V. and Bezverbny, V. A. (2011), "The Issues of demographic development of Russia in the presidential messages: an impact on the efficiency of demographic policy", *Gorizonty ekonomiki: Nauchno-analitichesky zhurnal*, (2). (In Russian).

Chernyshov, S. (2013), "Society. Russian Crescent", *Ekspert Sibir'*, (1-4) [Online], available at: <http://expert.ru/siberia/2014/04/russkij-polumesyats> (Accessed 20 May 2019). (In Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Ростовская Тамара Керимовна, зам. директора Института социально-политических исследований РАН, зав. кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью РГСУ, доктор социологических наук, профессор.

Карповская Екатерина Евгеньевна, аспирант Института социально-политических исследований РАН.

Tamara K. Rostovskaya, Deputy Director of the Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Social Pedagogy and Organization Work with the youth, Russian State Social University, Doctor Of Sociology, Professor.

Ekaterina E. Karpovskaya, PhD Candidate, Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences.

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-7

Савинова А. В.

Успешность трудовых траекторий выпускников инженерных специальностей (на примере выпускников высших учебных заведений Поволжья)

Ульяновский государственный технический университет
ул. Северный Венец, д. 32, г. Ульяновск, 432027, Россия
savinova_91@mail.ru

*Статья поступила 29 апреля 2019 г.; Принята 30 мая 2019 г.;
Опубликована 30 июня 2019 г.*

Аннотация. Актуальность темы состоит в том, что стремительное развитие современных государств, перешедших к постиндустриальному информационному обществу, оказывает существенное влияние на рынок труда и профессиональные траектории молодых специалистов. Проблема заключается в том, что для стремительного прорыва, о котором много говорится в последнее время, необходима эффективная подготовка инженерных кадров новой формации, с другой, – существует рассогласованность между действиями государства, института инженерного образования и основных акторов в ходе подготовки и адаптации молодых специалистов на рынке труда. Целью статьи является выявление факторов, влияющих на успешность трудовых траекторий выпускников инженерных специальностей. Для достижения цели мы провели теоретический и эмпирический анализ текущего состояния института инженерного образования, условий, оказывающих влияние на его развитие; изучили динамику показателей эффективного образования; исследовали отношение ключевых игроков на рынке труда к подготовке инженеров. В статье определены основные группы факторов эффективной подготовки инженеров в условиях модернизации экономики, проблемы, приводящие к недостаточно качественной подготовке молодых специалистов, и пути их преодоления. **Выводы:** институт инженерного образования в России обладает существенным потенциалом для успешного функционирования в условиях модернизации экономики и преодоления структурно-профессиональных диспропорций. Наибольшее значение среди факторов эффективной подготовки инженеров имеют: создание благоприятных институциональных условий, объединение ресурсов института образования и рынка труда через создание базовых кафедр на предприятиях и в вузах. Для определения субъективной готовности основных акторов проведен анкетный опрос молодых инженеров, работающих на предприятиях Ульяновской и Самарской областей.

Ключевые слова: инженерное образование; трудовые траектории; рынок труда; востребованность молодых инженеров.

Информация для цитирования: Савинова А. В. Успешность трудовых траекторий выпускников инженерных специальностей (на примере выпускников высших учебных заведений Поволжья) // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 2. С. 67-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-7

Alina V. Savinova

The success of labor trajectories of graduates of engineering specialties (on the example of graduates of higher educational institutions of the Volga region)

Ulyanovsk State Technical University
32 Severny Venets St., 432027, Ulyanovsk, Russia
savinova_91@mail.ru

*Received on April 2, 2019; Accepted on May 30, 2019;
Published June 30, 2019*

Abstract. The relevance of the topic is that the rapid development of modern states that have switched to the post-industrial information society has a significant impact on the labor market and professional trajectories of young professionals. The problem is that for a rapid breakthrough, which has been talked about a lot lately, effective training of engineering personnel of a new formation is necessary, on the other hand, there is a mismatch between the actions of the state, the institute of engineering education and the main actors in the preparation and adaptation of young professionals in the labor market. The purpose of the article is to identify the factors affecting the success of labor trajectories of graduates of engineering specialties. To achieve the goal, we conducted a theoretical and empirical analysis of the current state of the institute of engineering education, the conditions affecting its development; studied the dynamics of indicators of effective education; investigated the attitude of key players in the labor market to the training of engineers. The article identifies the main groups of factors for effective training of engineers in the context of the modernization of the economy, problems leading to insufficient quality training of young specialists, and ways to overcome them. Conclusions: the institute of engineering education in Russia has significant potential for successful functioning in the context of the modernization of the economy and overcoming structural and professional imbalances. The most important factors among the effective training of engineers are: the creation of favorable institutional conditions, the pooling of resources from the institute of education and the labor market through the creation of basic departments in enterprises and in higher educational institutions. To determine the subjective readiness of the main actors, a questionnaire survey of young engineers working at enterprises of the Ulyanovsk and Samara regions was conducted.

Keywords: engineering education; labor trajectories; labor market; demand for young engineers.

Information for citation: Savinova A. V. (2019), "The success of labor trajectories of graduates of engineering specialties (on the example of graduates of higher educational institutions of the Volga region)", *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 67-78, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-7

Введение (Introduction). Стремительное развитие технологий и техники, внедрение инноваций оказывает значительное воздействие на социальные институты. Институт инженерного образования

больше других испытывает влияние научно-технологического роста. Главная задача института инженерного образования, обеспечивающая его функциональность, – подготовка квалифицированных инженер-

ных кадров, чьи знания и навыки соответствуют «вызовам современности».

В России на государственном уровне взят курс на «технологический прорыв». Способность российской экономики отвечать на «большие вызовы» напрямую зависит от уровня подготовки инженерных кадров. Достижение прорывных целей невозможно без совершенствования системы инженерного образования, подготовки квалифицированных инженеров, способных к инновационной деятельности. Кроме того, исследователи отмечают, что для инженеров новой формации, «помимо технических навыков, необходимы такие компетенции как работа в команде, публичные выступления, решения проблем, принятие решений» (Social Skills: A Key Factor for Engineering Students to Develop Interpersonal Skills, 2015: 405).

Одним из показателей эффективности подготовки является успешность социально-трудовых траекторий выпускников инженерных направлений. Выявление условий, влияющих на подготовку будущих инженеров в условиях модернизации российской экономики, и основных тенденций развития молодых инженеров после окончания вузов позволит выявить проблемные места в функционировании института инженерного образования и наметить пути их преодоления.

Методология и методы (Methodology and methods). Теоретико-методологическую базу данной статьи составили работы зарубежных и отечественных авторов.

Мировые тенденции развития инженерного образования, а также условия, влияющие на подготовку инженеров, в своих работах описывают А. Камп, Р. Грэм, Н. В. Латов, Ю. В. Латова, Г. Г. Родионова, Т. И. Турко, С. В. Дуквиц и др. Важную роль играют документы Национальной инженерной академии, федеральные концепции, прогнозы, указы Президента Российской Федерации и пр.

Изучением современных образовательных и профессиональных траекторий

выпускников российских вузов занимаются И. Д. Фрумин и Д. С. Попов в рамках проекта Высшей школы экономики «Мониторинг образовательных и трудовых траекторий выпускников школ и вузов», Г. А. Чередниченко, И. Н. Гарькин, Л. М. Медведева, Н. В. Агафонкина, Л. В. Темнова, О. А. Лизунова и др.

Эмпирическая база включает авторское социологическое исследование выпускников вузов технических направлений «Профессиональные траектории выпускников технических вузов»; выборка квотная по регионам с разным уровнем социально-экономического развития – Ульяновская и Самарская области (n=690). Исследование позволило выявить основные тенденции в построении социально-трудовых траекторий молодыми инженерами Поволжья, а также обобщить субъективные оценки успешности основных акторов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ и обобщение идей отечественных и зарубежных исследователей, а также регламентирующих государственных документов, позволил определить основные детерминанты, влияющие на развитие института инженерного образования.

Во-первых, стремительное развитие технологий. Зарубежные исследователи считают, что в современном мире происходит размытие границ между профессиями, промышленными разработками, между прикладной наукой и техникой. За счет развития цифровых технологий расстояние, пространство и время больше не являются границами для инженерии или инноваций (Camp, 2016: 12). Уровень технологического развития государств существенно влияет на их благосостояние, поэтому часто отражается в специальных документах. В России это указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития России на период до 2024 года». В качестве приоритетного направления выделено прорывное научно-технологическое разви-

тие экономики и всего общества. Президент подчеркнул необходимость роста организаций, занимающихся инновационной деятельностью, внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу, создания в базовых отраслях экономики высокопроизводительного сектора, использующего современные технологии и обеспеченного высококвалифицированными кадрами. Мировые тенденции усиления междисциплинарности и роботизации промышленности накладывают серьезный отпечаток на функционирование института инженерного образования. Основной его функцией становится подготовка высококвалифицированного инженера, способного, с одной стороны, к комплексному решению проблем, а с другой, – созданию множества новых технологий, которые изменят мир (Educating the Engineer of 2020, 2005: 11).

Такие глобальные процессы серьезным образом влияют на жизненные стратегии молодых специалистов, особенно на социально-трудовые траектории. С одной стороны, быстро меняющийся рынок труда с новыми требованиями к специалистам, с другой – отсутствие понятных требований со стороны работодателей, которые находили бы отражение в содержании образовательных программ высшего образования.

Эти явления нашли отражение в концепции структурно-профессиональных диспропорций функционирования института инженерного образования. Исследователи Н. В. Латов и Ю. В. Латова характеризуют ее как дисбаланс в системе «государство – население – институт постшкольного образования – производство» (Латова, 2014: 132). Суть концепции заключается в наличии противоречия между необходимыми профессиями для реального сектора экономики, реальной квалификацией инженеров, которых готовит российская образовательная система, и субъективными предпочтениями молодых людей в выборе профессии. Причины появления диспропорций вытекают из функцио-

нальных несоответствий деятельности основных акторов системы.

Указанные положения подтверждает Г. А. Чередниченко, которая исследовала трудовые траектории выпускников. Исследователь указывает на «инфляцию образования», которая выступает как «знак неблагополучия, прежде всего, самой экономической среды: вновь народившийся и быстро разраставшийся частный сектор еще не сумел сформировать и внятно сформулировать свои запросы к уровню компетенции и качеству подготовки необходимых ему кадров, а в бюджетных сферах деятельности кадровый дефицит оборачивался снижением требований к качеству заполняющих вакансии» (Чередниченко, 2014: 372).

Интересным является вывод Г. А. Чередниченко о том, что «переход молодежи от образования к труду перестал быть дискретным процессом, состоящим из двух этапов: получения определенного уровня образования и обретения на его основе социально-профессиональных позиций» (Чередниченко, 2013: 69). В современном мире образование и профессиональная деятельность часто идут параллельно или попеременно сменять друг друга. Второй вариант возникает при необходимости получения новых знаний во время профессиональной деятельности. Чередникова Г. А. считает, что большое значение для успешного построения профессиональных траекторий выпускников вузов имеет постоянная актуализация знаний и навыков, прежде всего, через дополнительное образование. Такие требования на современных специалистов накладывают трудоустройство на работу по смежному направлению, а также развитие технологий и инновации. Особенно сильно, по мнению исследователя, последний фактор выражен у представителей инженерных профессий (Чередниченко, 2014: 362).

Исследователи И. Н. Гарькин, Л. М. Медведева, Н. В. Агафонкина, изучив профессиональные траектории выпускников строительных вузов, пришли к

выводу, что «в настоящее время существует несоответствие профессиональных траекторий развития личности у молодёжи и запросов рынка труда» (Гарькин, Медведева, Агафонкина, 2018: 9). Успешность построения трудовых траекторий зависит от достаточных социальных и личных ресурсов, этот процесс нелинеен. Исследователи выделили четыре типа молодых работников – профессионалы, подвижные карьеристы, стабильные, несформировавшиеся. При этом наиболее успешно выстраивают профессиональные траектории только два первых благодаря ориентации на профессиональный рост, отношению к профессии как к неотъемлемой части жизни и личного развития, пониманию ценности качественного образования.

Л. В. Темнова и О. А. Лизунова проанализировали факторы формирования карьерных траекторий выпускников вузов и сформировали следующие группы: 1) институциональные (деятельность различных организаций, государственных институтов, центров занятости и профориентации, кадровых агентств, коучинговая практика, стажировки, гранты и др.); 2) личностные (степень осознанности, саморазвитие, эмоциональный интеллект, умение сотрудничать, критическое, проблемно-ориентированное мышление, финансовая и информационно-технологическая грамотность, способность к обучению); 3) социальные (полезность обществу, престиж профессии, мотивация, социальная мобильность) (Темнова, Лизунова, 2017: 95). Важную роль в разных группах факторов играет образование.

Типы образовательных траекторий изучали сотрудники Центра мониторинга качества образования Института развития

образования НИУ ВШЭ в рамках лонгитюдного исследования «Мониторинг образовательных и трудовых траекторий выпускников школ и вузов». Ученые утверждают, что образовательные траектории влияют на построение жизненных и профессиональных траекторий в будущем. Здесь можно говорить о функциональности инженерного образования, которая выражается в социально-экономической и профессиональной успешности выпускников вузов. Помимо макро-факторов и факторов среднего уровня, «к важной группе факторов, оказывающих влияние на функциональность высшего технического образования, относятся характеристики непосредственных субъектов высшего технического образования – профессиональные установки студентов» (Савинова, 2018: 68).

Для уточнения, что, по мнению молодых инженеров, влияет на построение ими успешных трудовых траекторий, и как на данный момент проходит этот процесс в регионах Поволжья, в 2018 году было проведено авторское исследование «Профессиональные траектории выпускников технических вузов». Оно позволило описать субъективные факторы, влияющие на успешность социально-трудовых траекторий выпускников инженерных направлений вузов Поволжья, а также субъективное мнение основных акторов относительно условий их реализации.

Наиболее важными причинами выбора места работы для молодых инженеров являются стабильный заработок (55%), профессиональное самосовершенствование (46%), карьерный рост (37%) и возможность видеть результат своего труда (35%) (рис. 1).

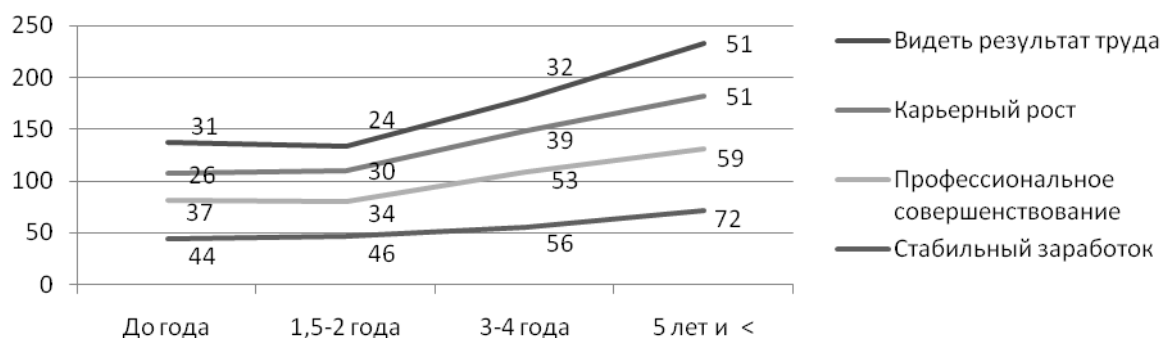

Рис. 1. Причины выбора места работы в зависимости от стажа, %

Fig. 1. Reasons for choosing a job depending on length of service, %

Исследование выявило региональные различия при выборе места работы: молодые инженеры Самарской области более ориентированы на профессиональное совершенствование, карьерный рост и значимый социальный статус, в то время как ульяновские – на стабильный заработок. При этом каждый 6 инженер из Ульяновской области ответил, что другой работы просто не было.

В ходе авторского исследования мы выявили три типа профессионального поведения молодых инженеров, которые оказывают влияние на их социально-трудовые траектории – *инициативный, консервативный и пассивный*.

Инициативный тип профессионального поведения способствует улучшению материального и профессионального положения. За последние пять лет каждый второй молодой инженер, относящийся к данному типу, повысил свое материальное положение, каждый третий повысил уровень образования или квалификации. Од-

нако влияние внешних факторов оказывает также сильное влияние на респондентов. Так, специалистам, не проявляющим инициативы, удалось получить повышение на работе или найти более подходящую работу, а также улучшить жилищные условия наравне с инициативным типом молодых инженеров.

По результатам исследования инициативный тип поведения чаще свойственен молодым инженерам, окончившим специалитет (80%), в то время как среди «бакалавров» преобладает безынициативный тип. Выявлена зависимость и от сферы полученного образования: так, наибольшую инициативу для построения собственных социально-трудовых траекторий проявляют представители ИТ-сферы, чаще других бездействуют инженеры-радиотехники. В целом проявление инициативы растет соразмерно получаемому опыту работы (рис. 2). Это говорит о более осознанном отношении инженеров к профессии и своему профессиональному развитию.

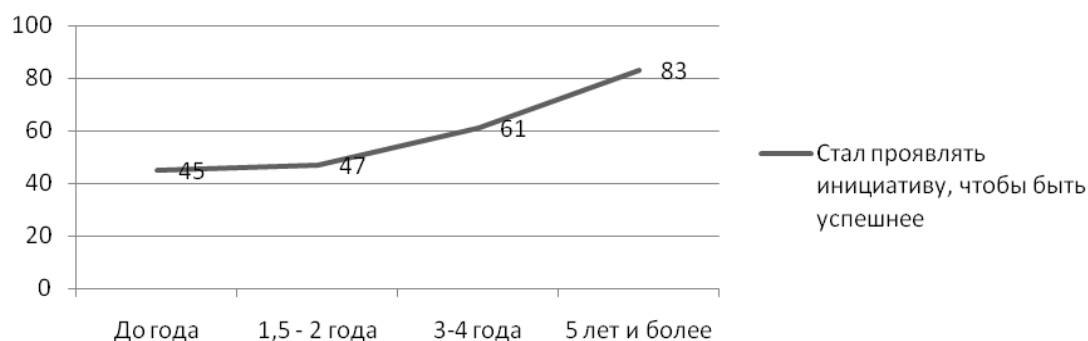

Рис. 2. Изменение типа профессионального поведения в зависимости от стажа работы, %

Fig. 2. Change in the type of professional behavior depending on the length of service, %

Интересная ситуация складывается в среде молодых машиностроителей: несмотря на то, что 65% из них заявляют о своей инициативности, каждый 5 говорит о том, что не сможет ничего изменить, а решающую роль играет экономическая обстановка и это самый высокий результат среди всех инженерных направлений.

Большое значение в процессе построения социально-трудовых траекторий оказывает социальная мобильность. На нее влияет образование, профессиональное движение, семья, география и другое. Исследование показало, что профессиональный тип поведения оказывает влияние на

семейную сферу. По результатам исследования инициативный тип инженеров чаще живет отдельно от родителей (70%) и заводит семью (38%). Это говорит об определенном типе социально-трудовых траекторий таких представителей молодых инженеров: они менее других типов зависят от внешних обстоятельств, способны брать на себя ответственность.

В смене работы молодые инженеры Самарской области более мобильны: 58% меняли работу 1-2 раза, в то время как 51% выпускников технических вузов Ульяновской области не меняли работу ни разу (рис. 3).

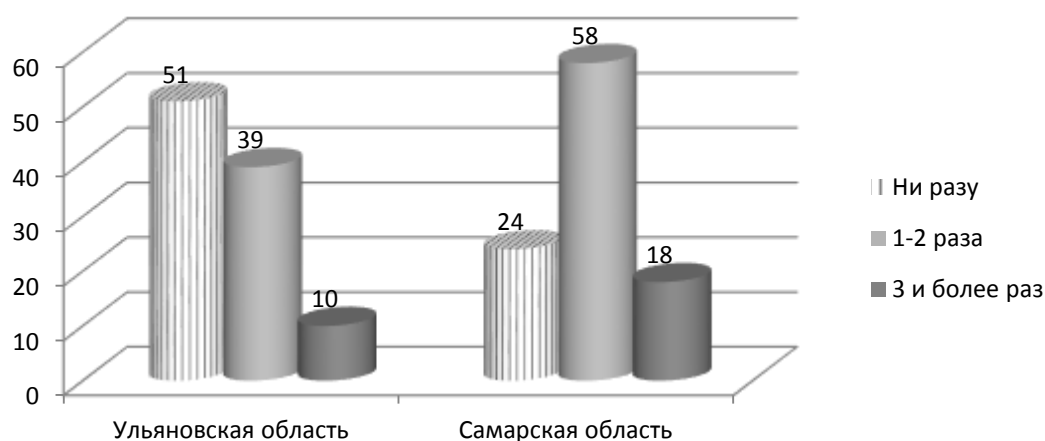

Рис. 3. Смена работы выпускниками вузов Ульяновской и Самарской областей, %
Fig. 3. Change of work by graduates of universities of the Ulyanovsk and Samara regions, %

Наибольшую стабильность показали выпускники машиностроительных профилей – 64% из них ни разу не меняли работу. Наибольшую мобильность проявили представители ИТ-специальностей: 53% из них меняли работу 1-2 раза, треть – более 3-х раз. Это говорит о возможностях, предоставляемых рынком труда в разных инженерных сферах, от чего в том числе зависит, насколько успешны будут социально-трудовые траектории молодых специалистов. Особое значение в этом процессе имеет востребованность кадров высшей квалификации. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, за последние 2 года среднее время поиска работы молодыми россияна-

ми увеличилось с четырех до восьми месяцев. Например, в Ульяновской области работодатели заявили о необходимости 9 тыс. сотрудников, из них 61% – рабочие вакансии, 39% – квалифицированные вакансии¹⁴. Исходя из этих данных, треть выпускников технических вузов с высокой квалификацией будет испытывать сложности в поиске места работы, искать места в

¹⁴ Интерактивный портал Агентства по развитию человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области: Статистические отчеты. URL: <https://ulyanovsk-zan.ru/reports/> (дата обращения: 01.10.2018)

других регионах или выберет работу в другой сфере. Это окажет негативный эффект на мобильность, выраженную в смене работы, поиске более подходящих профессиональных позиций внутри региона.

Данные опроса свидетельствуют, что большую мобильность показывают те выпускники, у кого есть опыт работы по специальности во время обучения в вузе. Исследование подтвердило, что мобильность также зависит от типа профессионального поведения: чем более инициативны молодые инженеры, тем чаще они меняют работу, повышают квалификацию.

Рассматривая потенциальную мобильность в трудовой сфере, мы выяснили: большинство респондентов хотели бы получить повышение в должности на текущем месте работы. Выпускники «специалитета» менее мобильны: каждый четвертый хотел бы остаться на текущем месте работы в той же должности, лишь 14% хо-

тели бы уйти к другому работодателю на похожую или более высокую должность. В то же время инженеры, окончившие бакалавриат и магистратуру, показывают более выраженное стремление как к горизонтальной, так и к вертикальной мобильности. Статистически значимые различия выявлены между представителями разных профессиональных сфер: чаще других сменить работу хотели бы энергетики и радиотехники, а остаться у работодателя и получить повышение – ИТ-специалисты и инженеры авиационной сферы (таблица).

Интересна зависимость предполагаемой трудовой траектории молодого специалиста от типа его поведения. Чаще других уйти на похожую или более высокую должность к другому работодателю хотели бы «инициативные» молодые специалисты; консервативный тип чаще хочет двигаться по карьерной лестнице на текущем месте работы.

Таблица

Планы молодых инженеров на ближайшие годы, %

Table

Plans of young engineers for the coming years, %

	всего	Уровень образования			Профиль образования						Тип профессионального поведения		
		Специал-т	Бакалав-т	Магистр-ра	Энергет.	Радиотех.	Строитель	Авиастроение	Машино-строение	Инф.тех-нологии	Пассивный	Консервативный	Инициативный
Остаться в текущей должности с тем же работодателем	18	25	13	15	11	17	20	15	18	25	20	13	20
Уйти на похожую должность к другому работодателю	24	14	30	36	31	31	19	21	22	22	19	33	12
Получить повышение в должности на текущем месте работы	36	35	32	41	35	31	34	46	33	36	37	40	36
Устроиться на более высокую должность у другого работодателя	15	14	21	3	17	16	17	13	18	7	14	13	26
Затрудняюсь ответить	7	12	4	5	6	5	10	5	9	10	10	1	6

В разных регионах наблюдаются отличия в сферах занятости молодых инженеров. В Ульяновской области половина молодых инженеров работает на промышленных предприятиях, в Самарской доля таких работников составляет только 17%. Если в Самарской области более 30% выбирают сферу информационных технологий и 13% наукоемкие отрасли, то в Ульяновской области эти показатели вдвое ниже: лишь 14% молодых инженеров связывают себя с ИТ-сферой, 6% – с наукоемкими сферами. Объяснить подобные результаты в Ульяновском регионе можно быстрым развитием особой экономической зоны «Заволжье» благодаря особым налоговым условиям для крупных предприятий. Низкий показатель в сфере информационных технологий в совокупности с довольно высоким уровнем развития ИТ-кластера в регионе свидетельствует о низкой ин-

формированности студентов ИТ-профилей о возможностях трудоустройства. В этом случае недостаточно эффективное построение молодыми инженерами профессиональных траекторий могут негативно сказаться на развитии региона и страны в целом. Например, концерн Siemens заинтересован в привлечении к трудовой деятельности российских квалифицированных инженерных кадров – ученых и специалистов в области естественных наук, математиков, инженеров, ИТ-специалистов. Таким специалистам выдается специальная рабочая виза с облегченным режимом выдачи, применения и продления (Родионова, Турко, Дуквиц, 2016: 198).

По обоим регионам исследование показало: чем больше опыт работы молодых инженеров, тем больше доля использующих ИТ в профессиональной сфере (рис. 4).

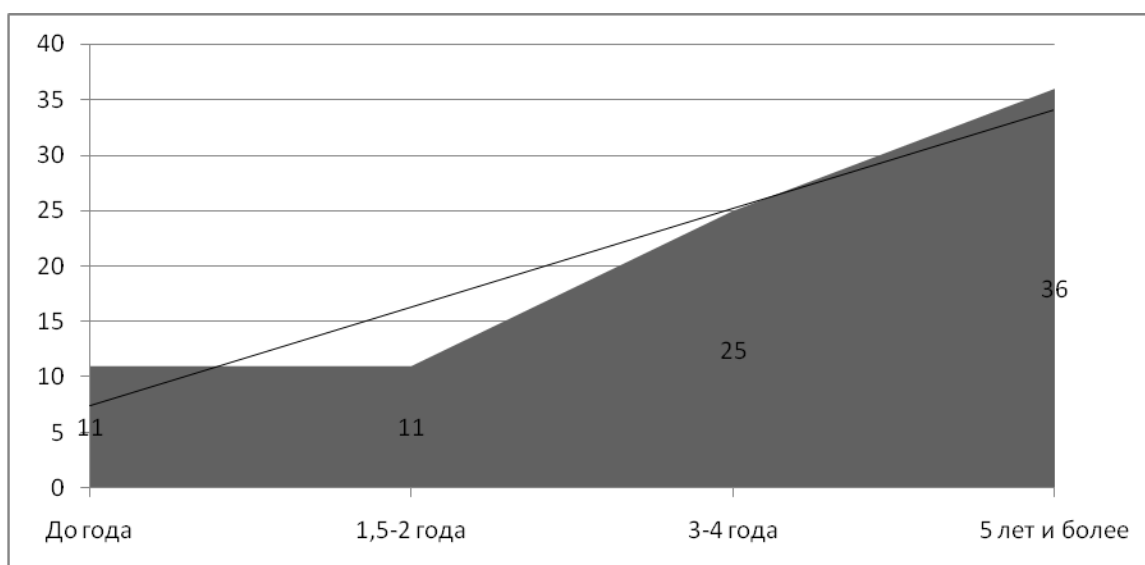

Рис. 4. Доля молодых инженеров, использующих ИТ, в зависимости от стажа работы, %
Fig. 4. Share of young engineers using IT, depending on work experience, %

Другая интересная зависимость заключается в следующем: чем выше занимаемая должность выпускников технических специальностей, тем активнее они занимались научной деятельностью в университете. Практически каждый второй топ-менеджер и руководитель среднего звена занимался наукой неформально – участвовали в олимпиадах, научных кон-

курсах. При этом занятия научной деятельностью отражаются на соответствии образования профессии: чаще полученная специальность не соответствует профессии у тех, кто не занимался наукой совсем или занимался ей формально, ради «галочки». В то же время выпускники технических направлений отмечают низкую социальную активность во время обучения в вузе:

доля тех, кто не занимался внеучебной деятельностью, составила 31%.

Среди более значимых факторов профессиональной успешности молодые

инженеры выделили способности и талант (51%), качество профессионального образования (44%), личные качества (39%) (рис. 5).

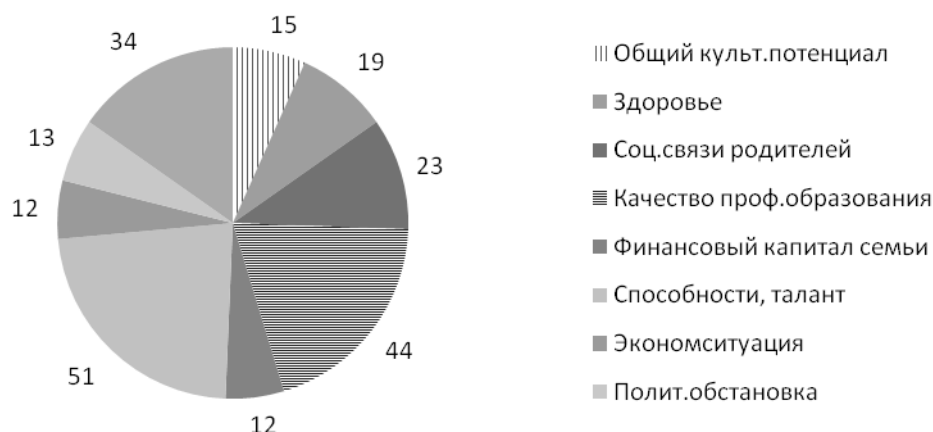

Рис.5. Факторы профессиональной успешности выпускников инженерных кафедр, %
Fig. 5. Factors of professional success of graduates of engineering departments, %

Макроэкономические факторы, по мнению опрошенных, влияют на успех опосредованно (через другие условия и факторы): прямое воздействие экономической ситуации в стране отметили лишь 12% респондентов, политической обстановки – 13%. В то же время современные инженеры не сильно рассчитывают на финансовый капитал семьи, кроме топ-менеджеров. Они достаточно высоко оценили вклад семейного капитала в свой профессиональный успех: 41% отмечают влияние социальных связей родителей, каждый четвертый – финансового капитала семьи. Мы выявили, что решающими факторами социального успеха выпускники технических вузов считают качественное образование и личностные характеристики. Выделена закономерность, связанная с опытом работы инженеров: чем дольше инженер работает в профессии, тем выше он оценивает общекультурные и личностные факторы.

Еще одно важное условие построения успешной карьеры – постоянная актуализация знаний и приобретений новых компетенций. Около половины молодых инженеров Поволжья считают, что дополни-

тельное образование – важное условие для карьерного роста, однако есть и другие не менее важные факторы. Каждый третий молодой инженер повышал свою квалификацию самостоятельно, четверть совершенствовала свои навыки работы на компьютере, каждый пятый прошел переподготовку по новой специальности или дополнительное обучение по старой. К последней категории чаще относятся специалисты, находящиеся в «пограничных» должностях от шага вверх по карьерной лестнице – ведущие специалисты и руководители среднего звена. Чаще остальных иностранные языки изучают руководители самого высокого уровня: каждый пятый топ-менеджер занимался изучением языков в последние годы (в среднем по массиву – 12%). Доля тех, кто никак не повышал свой профессиональный уровень, составила всего 7%. Результаты говорят о том, что большинство молодых инженеров понимает необходимость в повышении квалификации и ее влияние на дальнейший профессиональный рост и карьеру.

Заключение (Conclusions). Таким образом, успешность построения молодыми инженерами Поволжья социально-

трудоустройства зависит как от объективных факторов (глобальные вызовы, потребности экономики, состояние рынка труда, развитие института высшего образования и др.), так и от субъективных.

На макроуровне выявлено следующее противоречие: с одной стороны, технологии в мире развиваются сверхбыстрыми темпами, при этом нет общего понимания, как быстро менять систему образования под новые экономические условия и как в этой ситуации строить свои жизненные стратегии молодым специалистам; с другой, – в России на государственном уровне ставится задача о стремительном научно-технологическом развитии и подготовке инженеров новой формации. В связи с этим в условиях модернизации экономики социально-трудоустройство молодых инженеров строится нелинейно, испытывают сильное влияние внешних факторов, преодолеть которые бывает сложно.

С точки зрения субъективных факторов, на успешность социально-трудоустройства инженеров влияет тип профессионального поведения, качественное образование (в том числе и дополнительное образование), личностные и общекультурные компетенции. Молодые специалисты подстраиваются под изменения в структуре экономики и рынка труда: с получением профессионального опыта они чаще осваивают стремительно развивающиеся сферы, связанные с IT-технологиями.

Наиболее существенными «точками роста» в преодолении существующих «дисбалансов» на рынке труда являются: построение эффективной стратегии развития высшего инженерного образования, выстраивание системы взаимодействия «вуз – предприятие»; ориентация молодых инженеров на повышение квалификации, получение актуальных знаний и навыков, формирование и развитие личностных качеств.

Список литературы

Educating the Engineer of 2020: Adapting Engineering Education to the New Century.

Committee on the Engineer of 2020, Phase II, Committee on Engineering Education, National Academy of Engineering, 2005.

Graham R. Achieving excellence in engineering education: the ingredients of successful change. URL:

<https://www.raeng.org.uk/publications/reports/achieving-excellence-in-engineering-education-research> (дата обращения: 1.10.2018)

Kamp A. Engineering Education in the Rapidly Changing World: rethinking the Vision for Higher Engineering Education. URL: <https://repository.tudelft.nl/islandora/object/uuid:ae3b30e3-5380-4a07-afb5-dafd30b7b433?collection=research> (дата обращения: 1.10.2018)

Social Skills: A Key Factor for Engineering Students to Develop Interpersonal Skills / D. C. Lopes, M. C. Gerolamo, Z. A. Del Prette, M. Andreotti Musetti, A. Del Prette // International Journal of Engineering Education. 2015. Vol. 31, № 1(B). Pp. 405-413.

Гарькин И. Н., Медведева Л. М., Агафонкина Н. В. Профессиональные траектории выпускников строительных вузов // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2018. №1 (14). С. 8-13.

Латова Н. В., Латов Ю. В. Структурно-профессиональные диспропорции в современной России // TerraEconomicus. 2014. Т. 12, № 3. С. 131-151.

Родионова Г. Г., Турко Т. И., Дуквиц С. В. Востребованность квалифицированных кадров – выпускников российских вузов в научно-технологическом комплексе ведущих зарубежных стран // Инноватика и экспертиза: научные труды. М.: Издательство Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы. 2016. №3 (18). С. 195-207

Савинова А. В. Факторы эффективной подготовки инженеров в системе высшего технического образования России // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13, № 103. С. 65-72.

Темнова Л. В., Лизунова О. А. Факторы формирования карьерных траекторий выпускников вузов // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 89-97.

Чердниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53-74.

Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М, 2014. 560 с.

References

Educating the Engineer of 2020: Adapting Engineering Education to the New Century (2005), Committee on the Engineer of 2020, Phase II, Committee on Engineering Education, National Academy of Engineering.

Graham, R. (2012), *Achieving excellence in engineering education: the ingredients of successful change*, [Online], available at: <https://www.raeng.org.uk/publications/reports/achieving-excellence-in-engineering-education> (Accessed 8 May 2019).

Kamp, A. (2016), *Engineering Education in the Rapidly Changing World: rethinking the Vision for Higher Engineering Education* [Online], available at: <https://repository.tudelft.nl/islandora/object/uuid:ae3b30e3-5380-4a07-afb5-dafd30b7b433?collection=research> (Accessed 10 May 2019).

Lopes, D. C., Gerolamo, M. C., Del Prette, Z. A. and Andreotti Musetti, M. A. (2015) "Social Skills: A Key Factor for Engineering Students to Develop Interpersonal Skills", *International Journal of Engineering Education*, 31(1), 405-413.

Garkin, I. N., Medvedev, L. M. and Agafonkina, N. V. (2018), "Professional trajectories of graduates of construction universities", *Education and science in the modern world. Innovation*, (1), 8-13. (In Russian).

Latova, N. V. and Latov, Y. V. (2014), "Structural and professional disproportions in modern Russia", *Terra Economicus*, 12 (3), 131-151. (In Russian).

Rodionova, G. G., Turko, T. I. and Dukvits, S. V. (2016), "The demand for qualified personnel – graduates of Russian universities in the scientific and technological complex of leading foreign countries", *Innovation and Expertise: Scientific Works*, (3), 195-207. (In Russian).

Savinova, A. V. (2018), "Factors of effective training of engineers in the system of higher technical education of Russia", *Socio-economic phenomena and processes*, 13 (103), 65-72. (In Russian).

Temnova, L. V. and Lizunova, O. A. (2017), "Factors of formation of career trajectories of university graduates", *Higher Education in Russia*, (11), 89-97. (In Russian).

Cherednichenko, G. A. (2013), "Educational and professional trajectories of youth: research concepts", *Sociological Journal*, (3), 53-74. (In Russian).

Cherednichenko, G. A. (2014), *Educational and professional trajectories of the Russian youth* [On the materials of sociological research], CSP and M Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Савинова Алина Владимировна, аспирант Ульяновского государственного технического университета.

Alina V. Savinova, PhD Candidate, Ulyanovsk State Technical University.

УДК 314

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-8

Чайка П.

**Особенности демографического развития Словакии
в контексте европейской демографии**

Кафедра международных отношений и дипломатии
Факультет политических наук и международных отношений
Университет им. Матея Бела
ул. Kuzmányho, 1, Банска-Бистрица, 97401, Словакия
peter.cajka@umb.sk

*Статья поступила 24 марта 2019 г.; Принята 12 мая 2019 г.;
Опубликована 30 июня 2019 г.*

Аннотация. *Введение.* Население – ключевая переменная в функционировании общества, и поэтому изучению демографических процессов уделялось и продолжает уделяться особое внимание. Несмотря на то, что население является динамичным элементом общества, который включает несколько поколений, по своей природе оно достаточно предсказуемо. Это позволяет нам не только изучать текущие демографические тенденции и анализировать современные тренды, но и ориентироваться на его среднесрочное и долгосрочное развитие. Предвидение будущего развития, в свою очередь, делает возможной подготовку в форме принятия необходимых мер, которые могут сократить время реакции в случае неблагоприятного демографического развития и его последствий на развитие всего общества. *Материалы и методы.* Автор акцентирует внимание на анализе современных демографических тенденций и влияния демографического развития на различные сферы функционирования государства. Цель исследования состоит в том, чтобы с помощью традиционных методов эмпирического анализа, таких как индукция, дедукция и синтез, ответить на вопрос, как демографическая ситуация или же демографическое развитие в настоящее время влияет на общество на глобальном, региональном и национальном уровнях. Эмпирическая основа этого исследования включает в себя результаты первичного и вторичного анализов, касающихся демографических тенденций. *Результаты.* В контексте Словацкой Республики и ожидаемого среднесрочного и долгосрочного развития мы должны констатировать, что в некоторых аспектах предполагаемое демографическое развитие является еще более сложным, а ожидаемые тенденции более негативными, чем в других развитых странах мира или же по сравнению с другими государствами-членами ЕС. Одним из решающих факторов, оказывающих комплексное воздействие на все общество, является один из самых низких демографических приростов среди стран ЕС. Это результат низкой фертильности, из-за которого Словакия относится к группе наиболее быстро стареющих стран в рамках ЕС. Однако текущая тенденция, а также репродуктивное поведение населения в долгосрочной перспективе не указывают на более радикальные изменения в этом направлении. Именно этот фактор в долгосрочной перспективе значительно повлияет на все общество. Закономерным и ожидаемым будет постепенный рост населения постпродуктивного возраста, что окажет существенное давление на социальное, медицинское и пенсионное обеспечение. В то же время, как мы уже видим сегодня, такое развитие населения непосредственно влияет на внутреннюю миграцию в пределах Словакии. Проис-

ходит миграция молодого, образованного и экономически активного населения из отсталых, слаборазвитых и периферийных районов в экономически развитые районы страны, которые предлагают лучшие условия жизни для этой группы населения. Результат этого процесса – еще большее увеличение межрегиональных различий из-за депопуляционного развития. Демографическое изменение характера этих территорий вызвано увеличением постпродуктивного населения, что значительно ограничивает возможности экономического вовлечения населения в рамках национальной экономики, причем эта проблема бременем ложится на государство. *Обсуждение и выводы.* Наш анализ подтвердил важность демографических процессов для развития общества, а также их широкоспектральное действие. В то же время при исследовании глобального, регионального, европейского и словацкого контекстов нам удалось выявить несколько групп серьезных демографических проблем. Отмечаем четкую тенденцию, которая наблюдается в экономически развитых странах, и тот факт, что в них снижается естественный прирост населения, популяция стареет, поэтому можно ожидать, что прирост населения в этих странах будет происходить, главным образом, за счет иммиграции.

Ключевые слова: демографическое развитие; рождаемость; смертность; миграция.

Информация для цитирования: Чайка П. Особенности демографического развития Словакии в контексте европейской демографии // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 2. С. 79-92. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-8

Peter Chaika

Demographic development of Slovakia in the context of European demography

Department of International Relations and Diplomacy,
Faculty of Political Science and International Relations,
Matej Bel University
1 Kuzmany's St., 97401, Banská Bystrica, 97401, Slovakia
peter.cajka@umb.sk

*Received on March 24, 2019; Accepted on May 12, 2019;
Published June 30, 2019*

Abstract. *Introduction.* Population is a key variable in the functioning of society, and therefore special attention has been and continues to be paid to the study of demographic processes. Despite the fact that the population is a dynamic element of society, which includes several generations, by its nature it is quite predictable. This allows us not only to study current demographic tendencies and analyze current trends, but also to focus on its medium- and long-term development. Foreseeing future development, in turn, makes it possible to prepare by taking the necessary measures that can reduce the response time in the event of adverse demographic development and its impact on the development of the whole society. *Materials and methods.* The author focuses on the analysis of modern demographic trends and the impact of demographic development on various areas of the state. The aim of the study is to use traditional methods of em-

pirical analysis, such as induction, deduction and synthesis, to answer the question of how the demographic situation or demographic development currently affects society at the global, regional and national levels. The empirical basis of this study includes primary and secondary analyses of demographic trends. *Results.* In the context of the Slovak Republic and the expected medium-and long-term development, we should note that in some aspects the expected demographic development is even more complex and the expected trends are more negative than in other developed countries of the world or in comparison with other EU member States. One of the decisive factors that have a complex impact on the whole of society is one of the lowest demographic growth rates among the EU countries. This is the result of low fertility, which makes Slovakia one of the fastest ageing countries in the EU. However, the current trend, as well as the reproductive behavior of the population in the long term do not indicate more radical changes in this direction. This factor in the long term will significantly affect the whole society. The gradual growth of the population of post-productive age will be natural and expected, which will put significant pressure on social, medical and pension security. At the same time, as we can see today, such population development has a direct impact on internal migration within Slovakia. Young, educated and economically active people are migrating from backward, underdeveloped and peripheral areas to economically developed areas of the country, which offer better living conditions for this population group. The result of this process is an even greater increase in inter-regional differences due to depopulation development. The demographic change in the nature of these territories is caused by an increase in the post-productive population, which significantly limits the possibilities of economic involvement of the population within the national economy, and this problem is a burden on the state. *Discussion and conclusions.* Our analysis confirmed the importance of demographic processes for the development of society, as well as their broad-spectrum effect. At the same time, in the study of global, regional, European and Slovak contexts, we were able to identify several groups of serious demographic problems. We note a clear trend that is observed in economically developed countries, and the fact that they reduce the natural population growth, the population is aging, so we can expect that the population growth in these countries will occur mainly due to immigration.

Keywords: demographic development; birth rate; mortality; migration.

Information for citation: Chaika P. (2019), “Demographic development of Slovakia in the context of European demography”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 79-92, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-8

Введение (Introduction). Население — ключевая переменная в функционировании общества, и поэтому изучению демографических процессов уделялось и продолжает уделяться особое внимание. Несмотря на то, что население является динамичным элементом общества, который включает несколько поколений, по своей природе оно достаточно предсказуемо. Это позволяет нам не только изучать текущие демографические тенденции и анализиро-

вать современные тренды, но и ориентироваться на его среднесрочное и долгосрочное развитие. Предвидение будущего развития, в свою очередь, делает возможной подготовку в форме принятия необходимых мер, которые могут сократить время реакции в случае неблагоприятного демографического развития и его последствий на развитие всего общества.

С политикогеографической точки зрения, мы считаем население одним из

необходимых и основных атрибутов существования и функционирования государства. Население – единственный динамичный элемент среди обязательных и основных атрибутов государства, оказывающих значительное влияние как на внутреннюю стабильность государства, так и на статус государства в международном сообществе. Поэтому именно «поведение населения», имеется в виду естественное и механическое движение, этническая, национальная, религиозная структура, численность и распределение населения, а также его образовательная структура и другие характеристики, в значительной мере влияют на характер каждого государства.

Цель данной статьи – показать некоторые особенности демографического развития в Словакии за последние десятилетия по сравнению с текущими демографическими изменениями в странах Европейского Союза и в этом контексте обрисовать перспективы дальнейшего развития в следующем периоде.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Некоторые демографические тенденции в Словакии.

В связи со сменой политического режима в Словакии на рубеже 80-90-х гг. значительно изменилось репродуктивное и семейное поведение населения. Изменения были настолько существенными, что можно говорить о новой модели репродуктивного и семейного поведения. С глобальной точки зрения, Словакия входит в число стран бывшего Восточного блока, в которых демографическое развитие изменилось аналогичным образом. В последние годы изменения в развитии народонаселения в Словакии были менее значимыми, чем в 90-х годах прошлого века – период, когда полным ходом происходили фундаментальные социальные преобразования. Можно сказать, что уже создается основа для репродуктивной модели в посттрансформационный период. Многие популяционные тенденции стабилизировались, но в некоторых все еще проходят компенсатор-

ные процессы за развитие в течение трансформационного периода, особенно его начальной фазы (Ванё, 2015: 275).

Изменения, произошедшие в результате трансформации экономической системы, позволили создание и развитие частной собственности, обеспечили условия для функционирования рыночного механизма. Культурное и социальное развитие создало пространство для разнообразия стилей жизни, что впоследствии повлияло на репродуктивное поведение и систему ценностей населения. Ввиду реформы были либерализованы пограничные зоны, которые позволили перемещение капитала, товаров, услуг и рабочей силы. Чтобы получить более высокое финансовое вознаграждение или чтобы трудоустроиться, стал распространяться временный или постоянный переезд в поисках работы. Незарегистрированная миграция граждан Словакии за границу стала феноменом, негативно влияющим на функционирование семей и экономическое развитие страны.

2009-2014 гг. принесли изменения и в области миграции. По сравнению с 2007 и 2008 годами растущий тренд миграционного прироста приостановился и сальдо внешней миграции начало снижаться. В 2014 году оно достигло лишь 1713, что составляет всего около четверти по сравнению с докризисными годами. Изменения также произошли в странах, в которые направляются мигранты. Долговременно большинство жителей Словацкой Республики переезжает в Чешскую Республику, за которой с отрывом следуют Германия и Австрия. И даже если мигранты предпочитают указывать так называемые «другие причины», главная причина кроется в переезде вслед за членом семьи, а в случае с выехавшими широко представлены факторы, касающиеся работы (около 10%). Семейные причины, однако, имеют исключительный статус у женщин, так как четверть выехавших женщин указывает основной причиной переезд вслед за членом семьи, а для 13% женщин причиной выезда из Сло-

вацкой Республики является брак. На примере женщин прослеживается убыль миграции в пользу Австрии и Швейцарии (Ванё, 2015: 279-280).

Трудовая миграция, а главным образом низкая заинтересованность в создании собственной семьи – основные причины нынешнего старения населения в Словакии. Сильное изменение репродуктивного поведения фиксируется с конца 80-х годов XX века из-за нестабильной экономической ситуации отдельных лиц, семей и целых поколений. Значительные социальные различия на местном и региональном уровнях создают субъективное чувство относительной бедности. По данным исследований социальные различия, которые существуют между словацкими семьями, не вытекают из принципа заслуг, а из чрезмерно низких зарплат. Жители Словакии сталкиваются с объективным экономическим неравенством, которое приводит к постепенному социальному изолированию, снижению инвестиций в сферу образования и, главным образом, в развитие семьи и репродукции. Большее количество детей означает меньшую долю объема финансовых средств на «душу» и более высокий риск впасть в нищету. Современная семья, которая находится на стадии «жизненно важных инвестиций», например, создание семьи или рождение ребенка, поставлена под угрозу бедности. В Словакии в настоящее время все меньше и меньше молодых людей создают семьи. Сегодняшняя модель поведения населения имеет свои характерные черты, такие как снижение уровня заключения браков, увеличение числа разводов и падение рождаемости (Копрлова, Копрла, 2010).

Одна из основных текущих проблем, не принимая во внимание Словакию, требующая немедленного решения в связи с ее нынешним, но прежде всего будущим воздействием на отдельные страны, – это сокращение населения и связанные с этим проблемы старения. Старение популяции является одной из фундаментальных особенностей современного развития населе-

ния с его будущим, по-видимому, необратимым последствием. Интенсивность и важность этого процесса значительны в глобальном масштабе, особенно в последние сто лет. Таким образом, старение населения причинно связано с демографическим переходом и его окончанием в более развитых странах мира. Экономические и социальные последствия старения, наверное, не нужно отдельно вспоминать. Время, когда соотношение пенсионеров и детей поменяется, приближается. Это будет время, когда социальные обычаи, привычки и нормы изменятся. Это одна из главных причин почему этому явлению необходимо уделять особое внимание (Блеха, Ванё, 2007: 62-80).

Старение населения наблюдалось уже в 50-х годах, однако особое внимание во всем мире ему стали уделять в 90-х годах. В конце XX и начале XXI веков был достигнут большой технологический и технический прогресс, который привел к фундаментальным изменениям в образе жизни и, следовательно, в репродуктивном поведении населения. Возможность разнобразного образа жизни стала причиной исчезновения традиции так называемой классической семьи и репродуктивных ценностей. Семья обрела новый формат, в котором ее члены обладают большей индивидуальностью, чем в традиционной семье в прошлом.

Популяционное старение представляет собой в Словакии одну из самых больших проблем XXI века, которая необратимо затронет все сферы общества. Старение населения – это процесс, который необратим в течение следующих десятилетий и, вероятно, будет усиливаться. Чем выше интенсивность старения, тем компенсаторные меры будут более требовательными и дорогостоящими. С точки зрения воздействия интенсивность старения населения будет почти исключительно зависеть от развития рождаемости. Поэтому мы считаем поддержку рождаемости основой для устранения социальных последствий демографического развития.

Индекс старения постепенно увеличивался с 2001 года и в 2017 году достиг 99,43 (почти 99 жителей в возрасте 65+ приходилось на 100 детей в возрасте от 0 до 14 лет); индекс старения мужчин в 2017 году составил 76,2; индекс старения женщин в 2012 году составил 123,94. Средний возраст населения Словацкой Республики также постепенно увеличивается; в 2017 году он достиг 40,6 лет (38,97 лет у мужчин; 42,14 лет у женщин). Средняя ожидаемая продолжительность жизни, ее увеличение в сочетании с текущей низкой рождаемостью, также свидетельствует об ускорении старения населения в Словакии. В Словацкой Республике средняя ожидаемая продолжительность жизни увеличится в долгосрочной перспективе, хотя и относительно медленно. В рамках ЕС27 Словакия входит в число стран с самой низкой продолжительностью жизни. В 2015 году средняя ожидаемая продолжительность жизни превысила 73 года у мужчин (впервые) и 80 лет у женщин. По сравнению с 2001 годом в 2011 году она увеличилась на 3,5 года у мужчин и на 2,2 года у женщин. Таким образом, мы входим в ТОП-10 стран ЕС, в которых в период с 2006 по 2016 год ожидаемая продолжительность жизни значительно увеличилась. Первое место в рейтинге занимает Эстония, в которой с 2006 года продолжительность жизни у женщин увеличилась на 3,6 года, а у мужчин – почти на 6 лет. В 2017 году средняя ожидаемая продолжительность жизни у мужчин составляла не полных 74 года, а у женщин – 81 год. На уровень оценки средней продолжительности жизни влияют такие факторы, как экономические условия общества, уровень медицинской помощи, качество окружающей среды, семейная обстановка, образ жизни людей, образование и т.д.

В случае Словацкой Республики, в контексте ее демографического развития, старение – выразительная черта развития. Нынешнее старение населения стало результатом предыдущих демографических процессов (с 90-х годов общая рождаемость

постепенно снижалась с 2,08 (1990 г.) до нынешнего показателя 1,48 (2016 г.) ребенка на одну женщину) и является следствием естественного развития передовой цивилизации (экономическое, хозяйственное, социальное и медицинское развитие).

Снижение рождаемости является основной причиной старения населения. Сегодня только 36 из 79 районов имеют естественный прирост населения. В остальных районах людей становится меньше. К 2035 году население увеличится только в 10 районах. Кроме того, эксперты предупреждают, что старение не будет постепенным, а очень динамичным. В результате мы станем одним из самых быстро стареющих слоев населения в Европе.

Даже если число жителей Словацкой Республики в ближайшие годы будет немного расти, старение все же повысится. Половина населения Словакии достигает возрастного ограничения в сорок лет или же старше. Это также означает, что доля детей в возрасте 0-14 лет стала одинаковой по сравнению с долей людей в постпродуктивном возрасте 65+. Возрастная структура населения Словакии, рассчитанная на 2030 год, будет характеризоваться значительным приростом населения шестидесяти пяти лет и старше (с 11,39% в 1999 году до 19,48%). Количество в категории 15-64-летних снизится в 2030 году до 65,92% по сравнению с 68,80% в 1999 году. Количество возрастной группы 0-14-летних в этом прогнозе снизится до 14,60% по сравнению с 19,81% в 1999 году (Черный, 2017).

«Очевидно, что старение касается всех регионов. Западная и центральная Словакия, однако, по сравнению с востоком и севером стареет интенсивнее», – сделал вывод Ванё (Ванё, 2015). С начала 90-х годов наше население постарело на 5,5 лет. На 100 детей приходится 88 пожилых людей. Институт информатики и статистики прогнозирует к 2050 году сокращение населения. К 2020 году согласно среднему варианту численность населения Словакии должна составить менее пяти

миллионов, а к 2050 году – сократится еще почти на миллион по сравнению с сегодняшним днем. В самом оптимистичном случае естественная убыль будет колебаться около пяти тысяч человек в год. Однако в этом нет ничего необычного: во всей Западной и Восточной Европе происходили аналогичные изменения. С этой точки зрения развитие в нашей стране вполне нормальное (Шпоха, Майо, 2016).

В Словакии наблюдается увеличение числа людей в пострепродуктивном возрасте (население стареет «сверху», ожидаемая продолжительность жизни увеличивается) при настоящей убыли численности в предпродуктивной части населения (популяция стареет и «снизу», низкий уровень рождаемости). Нынешнюю структуру населения Словацкой Республики в целом характеризуют два признака – колебания и старение. Что касается демографии Словацкой Республики, изменения в интенсивности демографических процессов воз-

растной структуры представляют собой определенную изменчивость (Югасова, Коллар, 2013). В исследовании демографического развития наблюдается абсолютное и относительное старение населения. Абсолютное старение – это естественный популяционный процесс, который возникает в результате снижения смертности и увеличения средней продолжительности жизни. Вследствие названных изменений население послепродуктивного возраста растет. При относительном старении населения фиксируется увеличение численности населения в послепродуктивном возрасте из-за убыли населения в компоненте предпродуктивного возраста. Относительный темп старения намного быстрее абсолютного. В Словацкой Республике преобладает относительный темп старения, из чего следует, что продление жизни населения оказывает меньшее влияние на процесс старения, чем снижение рождаемости населения (Копрлова, Копрла, 2010).

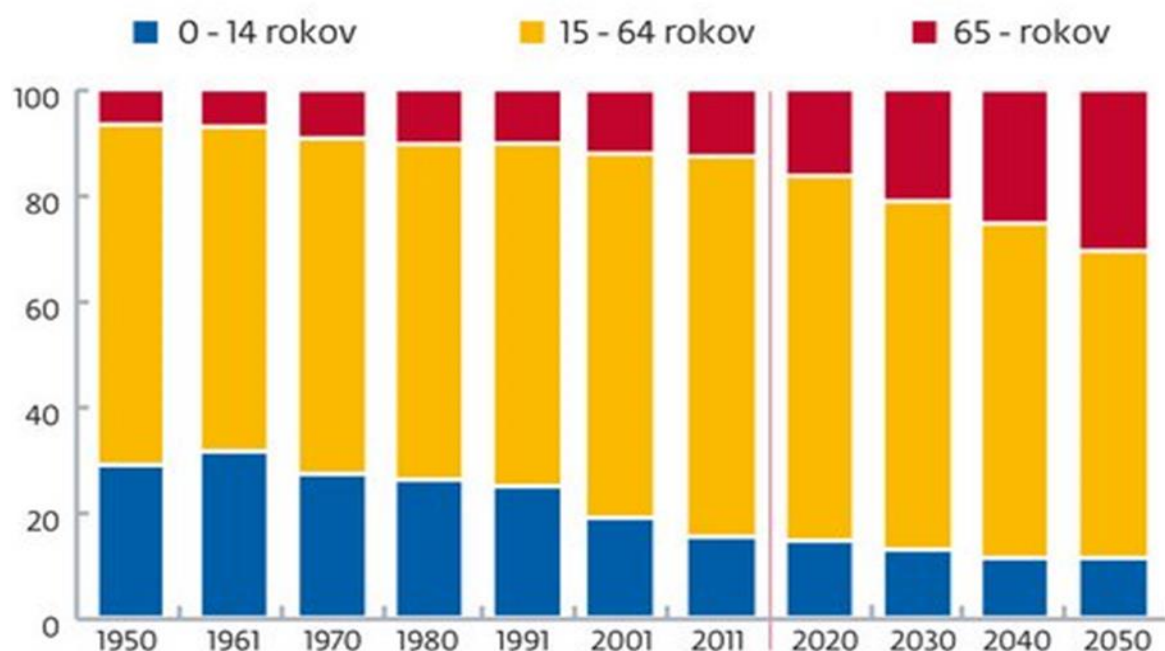

Рис. 1. Развитие состава населения Словакии (1950-2011, прогноз 2020-2050, %),
Источник: (Пишко, 2013)

Fig. 1. The development of the composition of the population of Slovakia (1950-2011, forecast 2020-2050,%), Source: (Pishko, 2013)

Серьезные последствия в связи с другими негативными трендами популяционного развития также можно ожидать в региональной структуре Словакии. Это результат текущего или будущего развития количества жителей в Словакии.

Исходя из анализа прогноза развития населения в Словакии к 2035 году (Шпроха, Ванё, Блеха, 2013) можно ожидать неравномерное развитие на уровне районов или же регионов. Согласно этому анализу, к 2035 году более половины районов (а именно 43) будут иметь прирост или убыль населения менее 5%. В целом изменения численности населения в течение прогнозируемого периода колеблются от –

11,0% до + 31,8%. Однако только в 15 районах ожидаются изменения численности населения более 8% в течение прогнозируемого периода, и только в пяти из них изменение численности населения должно превысить 10% (районы Левице, Кежмарок, Кошице, Наместово и Сенец). Районы с наибольшей убылью населения расположены в южной, центральной Словакии и на крайнем востоке вдоль границы с Украиной. Речь идет о зоне от района Топольчаны и Партизанске до района Вельки-Кртиш, о части района Липтов и Турца, а также о восточнословацких районах Медзилаборце, Гуменне и Собранце.

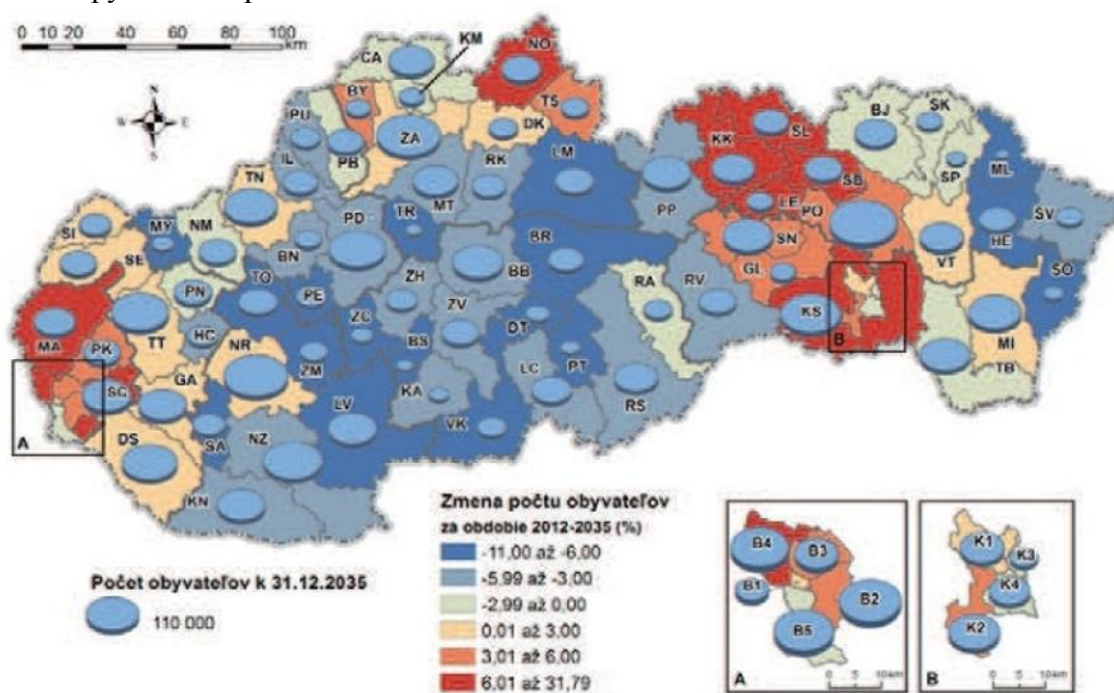

Рис. 2. Развитие численности населения в районах Словакии (2012-2035),

Источник: (Шпроха, Ванё, Блеха, 2013: 68)

Fig. 2. Population development in the districts of Slovakia (2012-2035),

Source: (Sproha, Vanyo, Blekha, 2013: 68)

Эта популяционная убыль является комбинацией нескольких факторов, таких как низкий уровень рождаемости, высокий уровень смертности и отрицательное сальдо миграции. С точки зрения долгосрочного развития Словакии, негативное демографическое развитие представляет реальную угрозу социально-экономическому развитию регионов, особенно центральной и

южной Словакии (Рысова, 2009). Нынешнее отставание – отражение долгосрочного упадка и застоя регионов не только в течение последних 20 лет, этот тренд изучался и в прошлом. Все эти обстоятельства повлияли на нелестное демографическое развитие этих регионов, а в будущем, как мы видим из прогноза, можно ожидать еще большее ухудшение развития.

Графическая модель показывает, что в вышеупомянутых районах можно ожидать очень негативные изменения с точки зрения демографического потенциала развития. В этом контексте должное внимание следует уделить вопросам регионального развития маркетинга (Масар, 2011: 90).

Принимая во внимание сложную социально-экономическую ситуацию вышеупомянутых регионов, дальнейшее развитие будет означать их серьезную переоценку, поскольку пространственный охват этих районов представляет собой относительно большую территорию страны, необходимо будет всесторонне рассмотреть дальнейшее направление развития, в частности с позиции государства. Как упоминалось выше, серьезными демографическими проблемами являются низкая рождаемость, высокая смертность и отрицательное миграционное сальдо. Результат такого развития – не только общая убыль населения, но и его деформированная структура с точки зрения долгосрочной перспективы экономического развития и роста.

Текущие тенденции можно обобщить следующим образом:

- демографические изменения в этих регионах не создают никакого потенциала для будущего использования экономически активного населения;
- тренд развития направлен в сторону старения популяции;
- низкая рождаемость косвенно означает будущую нехватку квалифицированной рабочей силы в этих регионах;
- ввиду нехватки экономически активного, а также образованного населения, эти регионы вряд ли будут привлекательны для потенциальных работодателей, особенно со стороны ряда иностранных инвесторов, в результате чего экономический спад будет продолжаться;
- поскольку в настоящее время это регионы с отрицательным миграционным сальдо, особенно в случае молодого экономически и репродуктивно активного населения, мы не можем ожидать улучшения в будущем, а скорее наоборот;

• тогда как с точки зрения демографического развития ситуация является неблагоприятной не только для одного или же нескольких районов, а охватывает значительную часть территории центральной и южной Словакии, социально-экономические процессы будут иметь серьезные последствия не только для этого региона, но и для всей Словакии.

Таким образом, соответствующие регионы столкнутся с существующими проблемами в отношении их экономического и хозяйственного положения в пределах Словакии. В нынешнее время речь идет о регионах с долгосрочным упадком, причины которого необходимо искать в прошлом (период послевоенного развития и создания Чехословацкой Социалистической Республики). Это долгосрочное неблагоприятное развитие было отмечено не только экономическим и хозяйственным спадом в Словакии, но также нашло отражение в упомянутых демографических показателях. Негативными последствиями развития этих регионов оказываются не только неразвитая инфраструктура, особенно транспортная, но и недостаточно логичная структура расселения, ситуация с безопасностью (Казанский, 2013), негативное наследие отраслевой структуры экономики регионов со времен социалистического хозяйствования и т.д. Все эти аспекты повлияли на текущее развитие этих регионов. Следующим фактором среди прочих является тот, что ни одно высшее учебное заведение не было исторически представлено на юге Словакии. В результате вышеупомянутого фактора отмечаем отток молодежи в крупные города, предоставляющие высшее образование. Остается вопрос, вернется ли это население в эти регионы снова и будет ли оно положительно их стимулировать.

Исходя из текущей информации и тенденций развития в Словакии в отношении миграции в основном молодых и экономически активных групп населения, вряд ли можно ожидать таких изменений, которые приведут к дальнейшему углуб-

лению межрегионального экономического неравенства и негативных демографических тенденций. Такое положение дел представляется неустойчивым в долгосрочной перспективе, и в настоящее время необходимо принять и осуществить меры для устранения этой негативной тенденции. Достижение демографии – предсказуемое развитие в долгосрочной перспективе, которое на региональном уровне в наших условиях является довольно неблагоприятным или же ему уделяется недостаточное внимание.

Прогнозы популяционного развития в Словакии.

Актуальное развитие популяции можно обозначить как основу для репродуктивной модели в посттрансформационный период. Некоторые демографические тенденции уже стабилизировались и в текущей форме должны оставаться в течение более длительного периода. В некоторых демографических процессах все еще продолжаются компенсаторные процессы за развитие в течение трансформационного периода. Наиболее значимые особенности нынешнего развития населения – реализация отложенных браков и, главным образом, родов.

Последствия изменения рождаемости на численность и возрастной состав населения являются значительными. В настоящее время рождаемость растет в основном за счет реализации отложенных родов. Однако эффект рекуперации в краткосрочной перспективе будет исчерпан и для дальнейшего повышения рождаемости потребуются новые импульсы. Можно стабилизировать социальное развитие, которое является важной предпосылкой для увеличения рождаемости. Однако с большей вероятностью можно предположить, что этого импульса будет недостаточно. Поэтому от государства потребуются дальнейшие импульсы. Это должна быть долгожданная, комплексная и стабильная система мер, основывающаяся на государственной доктрине народонаселения, которая уже давно обсуждается, однако все еще безрезультатно.

Государственные интересы в популяционной области, разработанные на основе экспертных рекомендаций и закрепленные широким политическим соглашением, являются обязательной предпосылкой для задумки комплексной, долгосрочной и стабильной системы мер. Только так можно изменить социальный и демографический климат, что является обязательным условием для повышения социального престижа института семьи и возможности, по крайней мере, частичного воздействия на репродуктивное и семейное поведение населения. К такому выводу мы приходим, глядя на многие страны Западной и Северной Европы, которые, таким образом, смогли изменить тенденции в развитии рождаемости. В первую очередь стоит отметить Францию, которая на протяжении двух десятилетий из европейских стран со средней рождаемостью стала страной с наивысшим уровнем рождаемости в Европе. Основными препятствиями для большего количества детей в семьях и, тем самым, повышения рождаемости является недоступность жилья для молодых семей (особенно в городах), трудности согласования рабочих и семейных обязанностей, а также современный образ жизни, ориентированный на достижении индивидуальных и социальных целей, приобретение интересного опыта и личный комфорт. Поэтому основное внимание должно быть сосредоточено на развитии строительства арендного жилья, на том, чтобы работа на неполную ставку стала предпочтительнее, на развитии услуг для семей с детьми и на создании широкого спектра доступного ухода за детьми дошкольного возраста. Эти и другие меры должны улучшить условия для функционирования семей с детьми и, по крайней мере, частично компенсировать упущенные возможности, которые возникают у родителей в связи с уходом за детьми. Определяющая мера должна быть направлена на вторых и третьих детей, которые в наших условиях имеют решающее значение для повышения рождаемости (Балаж и др., 2013: 31).

Наибольшая неопределенность связана с будущей регистрацией браков. Незначительная и колеблющаяся тенденция регистрации браков с середины 90-х годов и по настоящее время, а также неясное отношение молодого поколения к сожительству не позволяют выявить четкую тенденцию в этом направлении. Остается открытым, как будет развиваться сожительство, до какой степени оно будет реальной альтернативой браку или же гражданский брак имеет перспективы стать официальным. В любом случае, не ожидается снижение уровня количества браков ниже нынешнего. Долгосрочное увеличение числа разводов прекратилось, а наступивший спад (ниже 40%), по-видимому, является важным сигналом для развития уровня разводов в течение ближайших десятилетий. Можно предположить, что уровень разводов постепенно стабилизируется на отметке около 35%. В частности, в результате рекуперации за период 2006-2014 гг. рождаемость увеличилась на 21%. Несомненно, наблюдаем значительный сдвиг, в результате которого после восьми лет Словакия оказалась под чертой очень низкой рождаемости. Это изменение неудивительно, скорее наоборот, на него рассчитывали ранее. Поскольку Словакия исторически принадлежала к странам с самым высоким уровнем рождаемости в Европе, а в настоящее время находится значительно выше среднего показателя по ЕС, несомненно существует потенциал для дальнейшего увеличения рождаемости. Умеренный рост до 1,7-1,8 ребенка на женщину в течение репродуктивного периода является вероятным сценарием. Самопроизвольные аборты, наверное, сохранят долгосрочную стабильную тенденцию, однако очень незначительное улучшение тоже возможно. Искусственные аборты, возможно, приблизятся к порогу, ниже которого они больше не опустятся. Продолжительность жизни населения Словацкой Республики обоих полов продолжает расти, однако Словакия по-прежнему входит в число стран с самыми высокими показате-

лями смертности в ЕС. Учитывая значительный потенциал для улучшения показателей смертности ожидается, что долгосрочная тенденция к снижению общей смертности сохранится в ближайшие десятилетия, при этом должна постепенно снижаться смертность среди мужчин. Ожидаемые демографические изменения также создадут риски на рынке труда. В настоящее время рост экономически активного населения снижается, а рабочая сила стареет. Очевидны также значительные региональные различия. После 2020 года демографические последствия на рынок труда будут усиливаться. Потеря рабочей силы также произойдет и в случае дальнейшего роста экономической деятельности (Ванё, 2015: 282-283).

Уже в настоящее время ощущается нехватка рабочей силы в некоторых профессиях, которая будет еще более углубляться. Поэтому необходимо искать ресурсы для расширения предложений рабочей силы. С точки зрения миграции, связанной со сменой постоянного места жительства, Словакия демонстрирует долгосрочные выгоды от внешней миграции. Число мигрантов, которые приезжают на постоянное место жительства, за последние годы значительно возросло и в 2017 году составляло 7188 человек. Миграционное сальдо с 2014 года намного увеличилось и в настоящее время (2017) составляет 3722 человека. В связи с миграционной ситуацией в мире и с потребностями Словакии (особенно экономическими) предполагается, что рост миграции будет увеличиваться в ближайшие десятилетия.

Наряду с молодыми людьми, которые только собираются на работу, безработным, экономически неактивным населением, иммигрантами и эмигрантами значительный потенциал, с точки зрения рабочей силы, представляют пожилые люди. Возможности для более продолжительной деятельности пожилых людей на рынке труда могут быть созданы путем повышения пенсионного возраста. Важной посылкой таких изменений является

улучшение состояния здоровья населения (Балаж и кол., 2013: 32).

Заключение (Conclusion). В контексте Словацкой Республики и ожидаемого среднесрочного и долгосрочного развития мы должны констатировать, что в некоторых аспектах предполагаемое демографическое развитие является еще более сложным, а ожидаемые тенденции более негативными, чем в других развитых странах мира или же по сравнению с другими государствами-членами ЕС. Одним из решающих факторов, оказывающих комплексное воздействие на все общество, является один из самых низких демографических приростов среди стран ЕС. Это результат низкой фертильности, из-за которого Словакия относится к группе наиболее быстро стареющих стран в рамках ЕС. Однако текущая тенденция, а также репродуктивное поведение населения в долгосрочной перспективе не указывают на более радикальные изменения в этом направлении. Именно этот фактор в долгосрочной перспективе значительно повлияет на все общество. Закономерным и ожидаемым будет постепенный рост населения постпродуктивного возраста, что окажет существенное давление на социальное, медицинское и пенсионное обеспечение. В то же время, как мы уже видим сегодня, такое развитие населения непосредственно влияет на внутреннюю миграцию в пределах Словакии. Происходит миграция молодого, образованного и экономически активного населения из отсталых, слаборазвитых и периферийных районов в экономически развитые районы страны, которые предлагают лучшие условия жизни для этой группы населения. Результат этого процесса – еще большее увеличение межрегиональных различий из-за депопуляционного развития. Демографическое изменение характера этих территорий вызвано увеличением постпродуктивного населения, что значительно ограничивает возможности экономического вовлечения населения в рамках национальной экономики, причем эта проблема бременем ложится на государство.

Относительно миграции в Словацкой Республике действует правило, согласно которому в случае трудовой миграции или же ее эмиграции в настоящее время мы не говорим только об утечке части населения «высшего качества», исключительно с точки зрения уровня образования, но и о квалифицированных и высококвалифицированных эмигрантах. Кроме того, при эмиграции наблюдается отток населения продуктивного и репродуктивного возраста. Для стран, которые в настоящее время борются с перенаселением, трудовая эмиграция может принести ряд положительных моментов, особенно в форме снижения уровня безработицы, а также притока денежных переводов, которые могут помочь дальнейшему развитию страны, родом из которой эти мигранты. Однако в случае так называемой утечки мозгов, нельзя говорить о положительных эффектах, ни в одной из стран происхождения. Для стран, которые в настоящее время переживают демографический застой или даже демографический спад (например, Словацкая Республика), мы считаем дальнейший отток рабочей силы продуктивного возраста в контексте дальнейшего развития данной страны очень рискованным.

Список литературы

Балаж В., Феик М., Грамата Й., Гусарикова В., Янкурова А., Немец М., Солларова Э., Стахо М., Ваньо Б. Стратегия активного старения. Братислава, 2013.

Блега Б., Ваньо Б. Некоторые теоретико-методологические аспекты демографической политики и ее концепция для Словацкой Республики // Социология. 2007. Т. 39, № 1. С. 62-80.

Черны Й. Плохая демография беспокоит // Словацкая национальная газета. URL: <http://snn.sk/news/zla-demografia-znepokojuje> (дата обращения: 11.04.2017).

Juhászová A., Kollár A. Implications of the Demographic Changes in the Slovak Republic // Politické vedy. 2013. Roč. 16, č. 4. S. 106-119.

Казанскы Р. Актуальные проблемы исследования международных конфликтов и кризисов и их решения. Банска-Бистрица: Белияну, 2013.

Копрлова Й., Копрла М. Анализ развития и структуры процессов старения Словацкой Республики – спецификация для регионов. Кошице: Университет им. Павла Йозефа Шафарика, 2010.

Масар, Д. Избранные вопросы государственной экономики и государственных финансов. Сладковичово: Колледж в Сладковичово, 2011.

Пишко М. Активные пенсионеры – редкое явление. Они предпочитают сидеть перед телевизором. URL: <https://domov.sme.sk/c/7029869/aktivni-penzisti-su-zriedkavy-ukaz-radsej-sedia-pred-televizorom.html> (дата обращения: 5.12.2013)

Рысова, Л. Регионы, региональное развитие, региональная политика и достижение экономической и социальной сплоченности в Европейском Союзе. Банска-Бистрица: Университет им. Матей Бела, 2009.

Шпроха Б., Маё Й. Век развития народонаселения в Словакии I. Демографические процессы. Братислава: ИНФОСТАТ – Исследовательский демографический центр, Центр социально-психологических наук САН, Университет им. А.Я. Коменского, 2016.

Шпроха Б., Ваньо Б., Блега, Б. Прогноз развития населения в районах Словацкой Республики до 2035 г. Братислава: Прогностический институт САН, ИНФОСТАТ – Научно-исследовательский демографический центр, Университет им. А.Я. Коменского, 2013.

Ваньо Б. Текущее и ожидаемое развитие населения в Словакии и его социально-экономические последствия // Прогнозная работа. 2015 Т. 7, № 3. С. 273-293.

References

Balazh, V., Feik, M., Gramata, Y., Gusarikova, V., Yankurova, A., Nemets, M., Soliarova, E., Staho, M. and Van'o, B. (2013), *The strategy of active ageing*, Bratislava, Slovakia.

Blega, B. and Van'o, B. (2007), "Some theoretical and methodological aspects of demographic policy and its concept for the Slovak Republic", *Sotsiologiya*, 39 (1), 62-80.

Cherny, Y. "Plohaya demografiya bespokoit", *Slovatskaya natsional'naya gazeta* [Online], available at: <http://snn.sk/news/zla-demografia-znepokojuje> (Accessed 11 April 2017).

Juhaszova, A. and Collar, A. (2013), "Implications of the Demographic Changes in the Slovak Republic", *Political Sciences*, 16 (4), 106-119.

Kazansky, R. (2013), *Actual problems of research of international conflicts and crises and their solutions*, Belianum, Banska-Bistritsa, Slovakia.

Koprlova, Y. and Koprla, M. (2010), *Analysis of the development and structure of aging processes in the Slovak Republic – specification for the regions*, Universitet im. Pavla Yozefa Shafarika, Koshitse, Slovakia.

Masar, D. (2011), *Selected issues of the state economy and public finance*, Kolledzh v Sladkovichovo, Sladkovichovo, Slovakia.

Pishko, M. Active pensioners are a rare phenomenon. They prefer to sit in front of the TV [Online], available at: <https://domov.sme.sk/c/7029869/aktivni-penzisti-su-zriedkavy-ukaz-radsej-sedia-pred-televizorom.html> (Accessed 5 December 2013).

Rysova, L. (2009), *Regions, regional development, regional policy and achieving economic and social cohesion in the European Union*, Universitet im. Mateya Bela, Banska-Bistritsa, Slovakia.

Shproha, B. and Mayo, Y. (2016), *Age of population development in Slovakia I. Demographic processes*, INFOSTAT – Issledovatel'skiy demograficheskiy tsentr, Tsentr sotsial'no-psihologicheskikh nauk SAN, Universitet im. A.Ya. Komenskogo, Bratislava, Slovakia.

Shproha, B., Van'o, B. and Blega, B. (2013), *Forecast of population development in the regions of the Slovak Republic until 2035*, Prognosticheskiy institut SAN, INFOSTAT – Nauchno-issledovatel'skiy demograficheskiy tsentr, Universitet im. A.YA. Komenskogo, Bratislava, Slovakia.

Van'o, B. (2015), "Current and expected population development in Slovakia and its socio-economic consequences", *Prognoznaya rabota*, 7 (3), 273-293.

*Конфликты интересов: у автора нет
конфликта интересов для декларации.*

*Conflicts of Interest: the author has no
conflict of interest to declare.*

Чайка Петр, доцент кафедры междуна-
родных отношений и дипломатии Факультета

политических наук и международных отноше-
ний Университета им. Матея Бела, PhD.

Peter Chaika, Associate Professor, De-
partment of International Relations and Diploma-
cy, Faculty of Political Science and International
Relations, Matej Bel University, PhD.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.45, УДК 331.1

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-9

Федотова М. А.

Технологии искусственного интеллекта при прогнозировании
эффективности командной работы: опыт, проблемы
и перспективы практических исследований

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
ул. Волоколамское шоссе, д. 4, к. 5, г. Москва, 125993, Россия
fedotova-ma@yandex.ru

*Статья поступила 2 апреля 2019 г.; Принята 30 мая 2019 г.;
Опубликована 30 июня 2019 г.*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с цифровизацией социальных практик – переходом от HR-управления к ((H->H')&AI)R-управлению: синергии когнитивно усиленных возможностей человека и искусственного интеллекта, в частности, при прогнозировании эффективности командной работы, на основе параметров единого креативного поля проектных команд. Дается краткий перечень наиболее актуальных задач ((H->H')&AI)R-управления. Приводится пример прогностической (предикативной) аналитики, связанный с оценкой будущих результатов команд (как вновь созданных, так и уже существующих) на основе экспресс-диагностики их работы над конкретными микропроектами и имеющейся общей базы фактов(свойств и результатов) успешных и неуспешных проектных команд. Рассматриваются основные проблемы и перспективы использования методов искусственного интеллекта в системном управлении командами. Даются предложения по совершенствованию технологии ДСМ-метода правдоподобных рассуждений в социально-экономических исследованиях. Выделяется значение процедур операционализации и квантификации новых, отражающих наиболее глубокое представление об исследуемых процессах, характеристик/свойств командной работы, подчеркивается важность выбора/конструирования теоретико-методологических оснований, определяющих направления для разработки этих новых характеристик, прежде всего, социологической теории познания и концепции представления социальной проблемы.

Ключевые слова: ((H->H')&AI)R-управление; прогностическая (предикативная) аналитика; проектные команды; организационный, когнитивный и психофизиологический уровни мышления; параметры единого креативного поля; технологии искусственного интеллекта; ДСМ-метод правдоподобных рассуждений; операционализация и квантификация параметров.

Информация для цитирования: Федотова М. А. Технологии искусственного интеллекта при прогнозировании эффективности командной работы: опыт,

проблемы и перспективы практических исследований // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 2. С. 93-106. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-9

Marina A. Fedotova

Technologies of artificial intelligence in predicting teamwork effectiveness: experience, problems and prospects for practical research

Moscow Aviation Institute (National Research University)
bld. 5, 4 Volokolamskoe Rd., Moscow, 125993, Russia
fedotova-ma@yandex.ru

*Received on April 2, 2019; Accepted on May 30, 2019;
Published June 30, 2019*

Abstract. The article deals with issues related to the digitalization of social practices – the transition from HR management to ((H->H')&AI)R management: synergies of cognitively enhanced human capabilities and artificial intelligence, in particular, in predicting the effectiveness of teamwork, based on the parameters of a single creative field of project teams. A brief list of the most urgent tasks ((H->H')&AI) R-management. The autor provides an example of predictive (predicative) analytics, which is related to the assessment of future results of teams (both newly created and already existing ones) based on express diagnostics of their work on specific micro-projects and the existing common base of facts (properties and results) of successful and unsuccessful teams. The main problems and prospects of using artificial intelligence methods in the system management of teams are considered. Suggestions are given to improve the technology of the JSM-method of plausible reasoning in socio-economic studies. The author emphasizes the importance of procedures of operationalization and quantification of new characteristics/ qualities of teamwork, reflecting the deepest understanding about the processes under study, emphasizes the importance of choosing /constructing theoretical and methodological bases that determine the directions for developing these new characteristics, first of all, the sociological theory of knowledge and the concept of social problems.

Keywords: ((H->H')&AI)R-management; prognostic (predicative) analytics; project teams; organizational; cognitive and psychophysiological levels of thinking; parameters of a single creative field; artificial intelligence technologies; JSM-method of plausible reasoning; operationalization and parameter quantification.

Information for citation: Fedotova M. A. (2019), “Technologies of artificial intelligence in predicting teamwork effectiveness: experience, problems and prospects for practical research”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (2), 93-106, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-9

Введение (Introduction). Уже сейчас современная экономика вступила в эпоху прорывных технологий (прежде всего, когнитивных), новых форм управления человеческим капиталом (HR), прогнозируя переход к ((H->H'))&AI)R-управлению:

переход от современного состояния человеческих ресурсов (HR) к управлению синтезом развитых человеческих способностей (H'R) (экзокортекс, биологическая обратная связь, нейроинтерфейсы и т.п.) и искусственного интеллекта (AI). Исходя из

этого, необходимо переосмыслить теорию и практику работы с персоналом, в т.ч. организации коммуникативной работы. Современные российские и западные исследования в области рынка труда и HR-управления (Федотова, 2018; Федотова, Аргуновский, 2019; Новые правила игры..., 2017) свидетельствуют об окончательном переходе социально-экономической и политической сфер в область VUCA-мира (нестабильность (volatility), неопределенность (uncertainty), сложность (complexity) и неоднозначность (ambiguity)), в отличие от SPOD-мира

(устойчивость (steady), предсказуемость (predictable), простота отношений участников рынка (ordinary) и их определенность (definite)). Во время экономических, социальных или политических кризисов (бифуркаций) SPOD-мир сменяется VUCA-миром. Для этого мира не существуют (пока не открыты и не описаны) законы его поведения и способы выхода из неравновесного состояния. При этом значительно усложняются модели мышления и управления/поведения, в т.ч. командной работой (рис. 1).

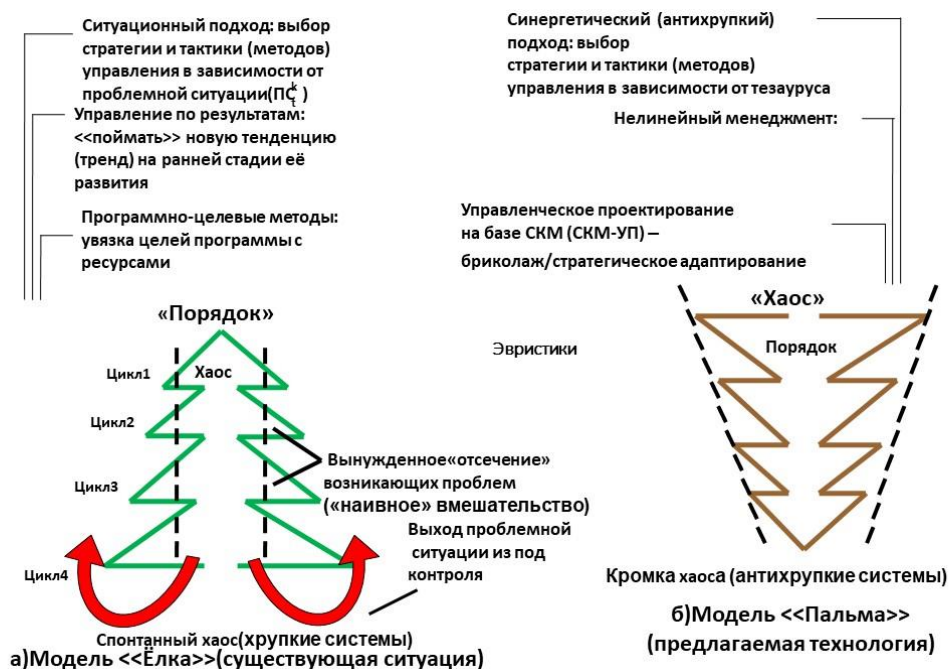

Рис. 1. Модели линейного (SPOD-мир) и нелинейного (VUCA-мир) мышления и управления
Fig. 1. Models of linear (SPOD-world) and non-linear (VUCA-world) thinking and management

Сравнительный анализ моделей «Елка» и «Пальма» приведен в (Шевырев, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016: 47-62).

Методология и методы (Methodology and methods). Специалисты считают, что наиболее приоритетным направлением станет управление изменениями и, прежде всего, изменение самих человеческих ресурсов, как внешних (использование экзоскелета, нейросетевых HTTP 2.0-протоколов и обратной биологической связи, активное сотрудничество/симбиоз с ис-

кусственным интеллектом – AI и т.п.), так и внутренних (развитием М-компетенций, вовлеченности, использованием более сложных логических моделей описания реальности, технологий визуального мышления и системной аналитики, учитывающих динамическую сложность и сетевую иерархичность проблемных ситуаций (ПС) в режиме инициальности (самодостраивания-бриколажа) (Шевырев, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016: 8). Среди наиболее актуальных задач (H&AI)R-управления-синтез (H&AI) возможно-

стей, учет новых требований, связанных с динамичностью карьерно-образовательных траекторий команд; потребность в мобильном когнитивном подборе, учитывающим психоэмоциональный контакт; обучение, прежде всего, М-компетенциям в реальном времени и на постоянной основе; создание системного «положительного» опыта сотрудников для бренда работодателя (H&AI)R-бренда); (H&AI)R-платформы, включающее в себя функции (H&AI)-аналитики, в т.ч. предикативной; новое лидерство – «цифровой лидер» и ТФ-команды в симбиозе с AI-ресурсами; развитие культурного многообразия и равных возможностей; открытая экономика талантов; роботы, когнитивные вычисления и искусственный интеллект (Федотова, 2019; Deloitte, 2017). Совместная деятельность (прежде всего, командное когнитивное моделирование), становится ключевым фактором создания командной креативности, как атрибутивного свойства, присущего наиболее эффективным командам. Происходит переход от целевого управления к атрибутивному проектированию – переход от HR-управления к ((H->H')&AI)R-управлению, то есть, одновременное параллельное равноценное развитие как собственно человека, его способностей (прежде всего когнитивных), так и использование искусственного интеллекта, в т.ч. в коллективной командной работе, как дополнительного когнитивного элемента и ключевым элементом этого перехода является управление параметрами единого креативного поля команды (ЕКП). В чем преимущество методов искусственного интеллекта в задачах социального управления? Как известно, методы математической статистики (типа SPSS) имеют ряд ограничений (Климова, Михеенкова, Финн, 2016: 14). В частности:

- 1) они плохо работают на малых выборках;
- 2) существует проблема вычленения прямых, косвенных и мнимых связей между признаками;

3) невозможно сделать достоверные выводы о причинно-следственных связях между признаками;

4) отсутствуют критерии реального существования сконструированных социологами и психологами типов.

В этом случае предлагается использование технологий искусственного интеллекта (AI). При широком толковании термина «интеллектуальный анализ данных» (ИАД) «data mining» и «knowledge discovery» являются видом ИАД – из неупорядоченных и неформализованных данных посредством различных формальных методов, могущих перерабатывать эти данные в интерпретируемые результаты так, что из них можно извлечь некоторые знания в явном виде такие, что до применения этих методов эти знания были скрыты в массиве представленных данных (Финн, 2004: 6).

Методы извлечения новых знаний из баз фактов, применяемые в ИАД, весьма различны – это и статистические процедуры, генетические алгоритмы, нейронные сети, деревья решений, индуктивное логическое программирование и т.д. Общим обстоятельством в различных реализациях ИАД является то, что данные недостаточно формализованы, но извлечение из них посредством компьютерных программ новых полезных знаний возможно. Таким образом, ИАД есть анализ данных посредством интеллектуальных систем (ИС) (Федотова, Мартынов, 2019).

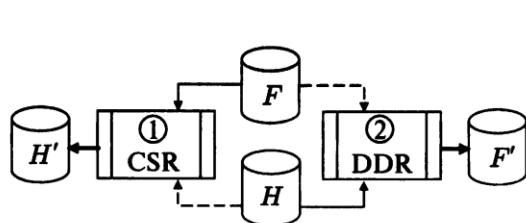
Для практической реализации ИС предлагается использовать ДСМ-метод – логико-комбинаторный (нестатистический) метод, основанный на использовании средств математической логики и предназначенный для анализа зависимостей между сочетанием признаков и искомым эффектом. Адекватное применение ДСМ-метода опирается на ряд принципиальных допущений, важнейшим из которых является открытость знаний и возможность/необходимость пополнения эмпирических данных (фактов) в БД. При наличии данных, удовлетворяющих ука-

занным условиям, ДСМ-метод и реализующая его ИС-ДСМ позволяют изучать детерминанты поведения (в том числе и внешние по отношению к индивидууму, ситуационные), в т.ч., командного. Индивидуумы или команды (субъекты поведения) представляются как структурированное множество социальных и индивидуальных/командных характеристик (биографических в том числе). Сами характеристики могут быть представлены как номинальными, так и интервальными шкалами – это требует лишь адекватного представления таких данных и определения операции сходства для решающих предикатов ДСМ-метода.

Общая задача изучения явления, понимаемого как отношение «объект – эффект», соответствует двум классам задач, которым отвечают два типа ДСМ-рассуждений – прямой и обратный (Климова, Михеенкова, Финн, 2016: 12-13). В прямом ДСМ-рассуждении эффектом (Y) является действие или установка к действию, а причинами – структурированное описание субъекта (в т.ч. команды) поведения (X), которое включает в себя орга-

низационные, когнитивные и психофизиологические параметры, например, командные характеристики – стадии жизненного цикла команды (здесь особенно важен этап «выгорания»), опыт решения задач данного класса/типа, командные роли, психосовместимость и т.д., а также характеристики отдельных участников, прежде всего лидеров, в т.ч. неформальных.

Система ценностей, мнения, интересы, позиция и т.д. субъекта ([φ]) и параметры проблемной ситуации, то есть множество внешних по отношению к субъекту обстоятельств (S) – уровень неравновесности системы-среды, класс/тип задачи или проблемы и т.д. База фактов представляется предикатами $(X, S, [\phi]) > Y$. Обратный метод используется тогда, когда задача исследования – выявить детерминации мнений участников команды или команды в целом относительно проблемной ситуации (см. определение ПС?). В этом случае БФ представляется предикатами $(X, S) \Rightarrow ([\phi], T)$, где T – одна из возможных задач/проблем ПС [14] или ПС в целом. Алгоритм ДСМ-метода представлен на рисунке 2 (Аншаков, 2009: 94).

Преобразование данных в ДСМ-системе
(случай учета номера шага): F – матрица исходных данных (фактов); H – матрица гипотез о возможных причинах; F' – доопределенная матрица исходных данных; H' – модифицированная матрица гипотез о возможных причинах; CSR – правила поиска причин (правила первого рода); DDR – правила доопределения исходных данных (правила второго рода)

Рис. 2. Алгоритм ДСМ-метода
Fig. 2. Algoritym of the JSM-method

Одними из наиболее интересных и актуальных задач работы с проектными командами, на взгляд автора, являются задачи, связанные с прогностической аналитикой, например, оценка возможной результативности новой/молодой команды/группы людей при реализации сложного проекта на основе анализа результатов экспресс-диагностики такой команды на микропроекте (срок реализации микропро-

екта от 2-х до 5-ти дней), сформированном по специальной методике с использованием организационно-деятельностной игры (ОДИ) и сравнении их с параметрами успешных и неуспешных команд при реализации реальных сложных проектов(БФ). Поскольку речь идет об экспресс-диагностике новой команды, результаты носят вероятностный характер. Эту задачу предлагается решать с использованием

ДСМ-метода правдоподобных рассуждений (Аншаков, 2009), основанного на последовательном синтезе познавательных процедур индукции, аналогии и абдукции.

Математическая постановка ДСМ-метода приведена в (Аншаков, Фабрикантова, 2009: 84-94).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Таким образом, задача использования ДСМ-метода в проведенных исследованиях (Белгородская область-2011 год (Отчет по экспресс-диагностике управленческого потенциала административных работников, 2011) и МАИ-2018 год (Прус, Федотова, Инь Бинь, 2018) заключалась в том, чтобы с помощью формулирования гипотез доопределить исходную матрицу F (O , P) объектов (команд, представляющих структурные подразделения Администрации области и студентов НИУ БелГУ, а также студентов, аспирантов и преподавателей МАИ), см. ниже) – O и признаков/свойств их характеристик (параметров ЕКП) – P . Наличие свойства P оценивалось по пятибалльной шкале (возможны различные типы шкал). В нашем случае, было принято, что, при $0 < P \leq 2$, объект (команда) не обладает данным свойством, при $P > 3$ – обладает, при $2 < P \leq 3$ – оценка противоречива, разумеется, для каждого свойства возможны другие интервальные оценки. Общий принцип их построения – чем более важно свойство, тем шире диапазон неопределенности. Построение конкретных экспертных оценок свойств по каждому объекту может осуществляться с использованием методов различной сложности – от простых однозначных скалярных оценок, до оценок в виде плотности вероятности, использующих, например, «мягкие» вычисления (МАИ/МАС) (Саати, 2008). Каждый объект / (O) F -матрицы либо обладает, либо не обладает признаком V (в нашем случае это результативность/успешность работы команд), либо есть аргументы как «за», так и «против», либо неизвестно (не определено), обладает ли объект O этим признаком. Исходная

матрица F может быть составлена различным образом:

- а) Из различных объектов O ,
- б) Из одних и тех же объектов O с различным набором свойств P и результативными признаками V ,
- с) Как комбинация из а и б.

Исключительно важным может быть анализ противоречивых объектов – одни и те же объекты O с одинаковыми свойствами P и разными результативными признаками V . При появлении таких объектов возможны несколько вариантов поведения:

- а) Расширение набора свойств P уже существующих объектов,
- б) Анализ качества экспертной оценки свойств P в различных случаях (при различных результатах). Такой анализ удобно проводить с использованием «мягких вычислений» по технологиям МАИ/МАС Т. Саати (Саати, 2008).

В качестве возможных причин наличия/отсутствия результативного признака V рассматриваются подмножества набора фрагментов/свойств (C). Подмножества C определяются как возможные перестановки («причины») свойств объектов, присутствующего командам с наличием V – успешностью работы. F -матрица включает в себя, кроме свойств о которых говорилось выше, множество других, характеризующих как работу команды в целом, так и ее отдельных участников, а так же, параметры проблемной ситуации (ПС) – уровень неравновесности (K -уровень) (Шевырев, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016: 21-22, 234), класс/тип задачи/проблемы (например, аналогично типам задач ТРИЗ) и др. Поскольку в ДСМ-методе используются качественные оценки, принципиально важными являются два проблемных момента:

1. Четкая социально-психологическая операционализация используемых параметров единого креативного поля команд (ЕКП) (формирование операндов) на основе выбранного языка описания проблемной ситуации и теоретической концепции, связывающей операнды с постав-

ленными целями исследования, лишь в этом случае можно получить их достоверные оценки (квантификацию – от лат. quantum сколько и facere делать, англ. quantification; нем. Quantifizierung. 1. Количественная оценка ч. л. 2. Процедуры измерения и количественного выражения свойств и отношений социальных объектов);

2. Корректный переход от количественных оценок к качественным (квантификация) – такие количественные оценки (интервал оценки) соответствуют наличию/отсутствию или противоречивости свойств F-матрицы.

Лишь при соблюдении этих требований могут быть получены корректные оценки наших доопределенных объектов/команд.

Основная гипотеза проведенных исследований заключалась в предположении о том, что совершенствование управления проектными командами в условиях роста неравновесности социальной среды, а также эффективное использование их креативного и коммуникативного потенциалов возможны при условиях:

- корректного определения и оценки эмпирических характеристик зависимостей между управленческими воздействиями, с одной стороны, и поведением проектных команд, с другой стороны (статистическое моделирование, символные и нейросетевые технологии искусственного интеллекта, экспертное моделирование и т.д.) (Прус, Федотова, Инь Бинь, 2018);

- определения эффективных паттернов мышления и поведения, а также оценки параметров управления/регулирования единым креативным полем (ЕКП) проектной команды (организационных-структурных, динамических, факторных, а также когнитивных и психофизиологических) на основе использования методов статистического моделирования и технологий искусственного интеллекта (ДСМ-метода правдоподобных рассуждений и многоуровневых нейронных сетей) как «точек приложения» резонансных управленческих

воздействий (Прус, Федотова, Инь Бинь, 2018).

Исходя из предложенной гипотезы, основная цель проведенного в Белгородской области в 2011 году исследования (в форме проектных командных организационно-деятельностных игр-ОДИ) заключалась в отработке и проверке эффективности технологии системно-креативного мышления на базе социальной и психофизиологической экспресс-диагностики команд до, во время и после работы с конкретными управленческими микропроектами (проектами, результатом которых должна быть разработка стратегии конкретного социально-экономического или технико-технологического проекта, включая формирование проблемно-целевой области проблемной ситуации (ПС), ключевой проблемы-«бутылочного горлышка» и идею/проблемный замысел решения этой проблемы). Одной из задач являлась разработка и проверка методики прогностической аналитики «молодых» команд/групп по результатам их сравнения (доопределения) с уже имеющейся базой фактов (БФ-матрицей F) опытных команд. В нашем случае БФ включала в себя 10 объектов-команд по 4-5 человек (5 команд сотрудников различных управлений Администрации Белгородской области и Администрации г. Белгорода и 5 команд (контрольных) из студентов 3-4 курсов факультета менеджмента НИУ БелГУ). Каждая из команд реализовала свой проект, который был оценен жюри (руководители подразделений и внешние эксперты), как положительно (+) – пример, так и отрицательно (-) – пример. Перечень свойств команд (C) включал в себя 11 характеристик, отражающих организационный (частично, в виде параметра «рефлексивность»), когнитивный и психо-физиологический уровни командной работы: рефлексивность, психо-совместимость, системность обсуждения проекта, совпадение ролевых ожиданий в команде (на основе квантификации результатов модифицированного теста «самовосприятие» Р.М. Белбина – оценива-

лась дисперсия исходного внутрикомандного ролевого видения-перекрестное восприятие участников команды ролей друг друга) (Белбин, 2003), инновативность, креативность, уровень самоорганизации,

сбалансированность обсуждения, сложность дискурса, аффективность, инициативность команды (см. ниже). Экран матрицы F (БФ) приведен на рисунке 3. Команды №№ 6 и 7 недоопределены.

Объекты	Результат	c1	c2	c3	c4	c5	c6	c7	c8	c9	c10	c11
команда 1	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	-	+
команда 2	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+
команда 3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+
команда 4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
команда 5	+	+	+	+	-	+	+	+	-	+	-	+
команда 6	?	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	+
команда 7	?	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-
команда 8	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-
команда 9	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	+	+
команда 10	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-

Рис. 3. Экран матрицы F(O, P) ДСМ-метода программного комплекса «ТТРП-Эврика»
Fig. 3. Matrix screen F (O, P) of the JSM-method of the "TTRP-Eureka" software complex

Основные принципы и методика проведенной экспресс-диагностики креативного и управленческого потенциала административных работников приведены в (Отчет по экспресс-диагностике управленческого потенциала административных работников, 2011). Алгоритм оценки командной работы на базе сетевой версии

«TeamCreator 2.0» включал в себя: обязательные для прохождения тесты – «Самовосприятие» (Р.М. Белбин) – модифицированный тест для оценки дисперсии исходного внутрикомандного видения ролей, тесты MBTI, MSI (И. Адизес), тип темперамента (Айзенк), InQ (стили мышления), тест на креативность (Дж. Роу) (рис. 4).

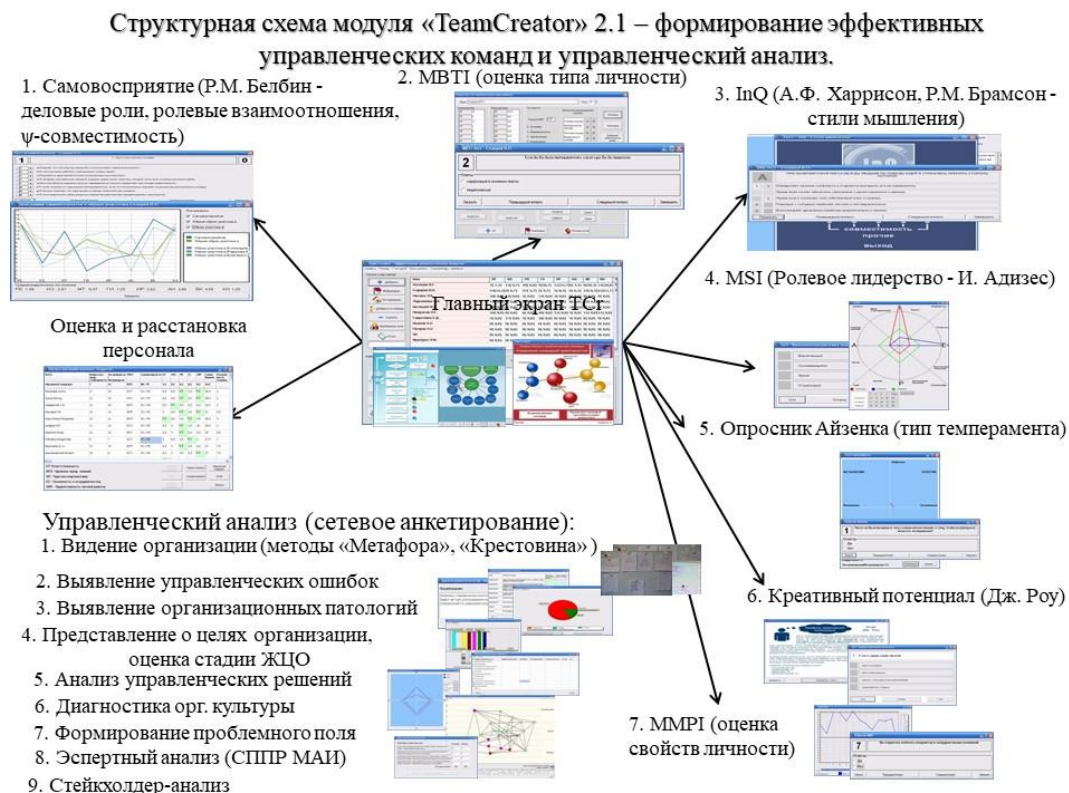

Рис. 4. Схема экранов программного модуля TeamCreator 2.1 программного комплекса «ТТРП-Эврика»

Fig. 4. Screenshots of the software module TeamCreator 2.1 of the "TTRP-Eureka" software complex

Оценка велась по одиннадцати параметрам единого креативного поля команд (ЕКП):

1) Рефлексивность – умение оценить и скорректировать собственную работу, как мыслительную, так и коммуникационную, прежде всего, командную («мыслительные циклы»). Оценка осуществлялась экспертами по результатам ведения протокола в режиме реального времени;

2) Психосовместимость – результат тестирования по MBTI сравнивался с параметрами наличия конфликтов в команде, соблюдения правил командной работы, барьеры коммуникаций и т.д. Совместимость является социально-психологической характеристикой группы, проявляющаяся в способности ее членов согласовывать (делать непротиворечивыми) свои действия и оптимизировать взаимоотношения в условиях совместной деятельности;

3) Системность – умение системно представить проблемную ситуацию, а так-

же системность (полнота) использования алгоритма системно-креативного мышления (СКМ) (Шевырев, 2007);

4) Стратегичность – широта, панорамность (глубина, ширина) представления о проблемной ситуации, учет имплицитных проблем, возможных отдаленных и побочных негативных эффектов;

5) Инновативность – оценка проекта с точки зрения его последующей коммерциализации, самоокупаемости, жизнестойкости и социально-экономической эффективности;

6) Креативность – нестандартность подходов к решениям, самих решений (результат сравнивался с тестом «Опросник Джонсона»);

7) Степень самоорганизации/самоуправляемости команды;

8) Сбалансированность обсуждения ПС – доля (% времени), затраченного на решение существующих проблем и поиска новых возможностей (Шевырев, 2007: 102).

9) Сложность дискурса в ситуации блокады-простой ($P=-$): односложный, простые рассуждения без использования аналогий, ассоциаций, метафор и метабол-индуктивные выводы (здравый смысл), средний: использование аналогий, ассоциаций, метафор и метабол, дедуктивные рассуждения, сложный ($P=+$): сложные аналогии, ассоциации, метафоры и метаболы, абдуктивные рассуждения, сложность а) гипотез, б) используемых эмпирических фактов/данных, в) технологий/моделей мышления.

10) Аффективность/эмоциональность обсуждения – простые/сложные эмоции, структура типов эмоций, положительные/отрицательные, направленные внутрь/вовне.

11) Инициативность – количество новых предложений участников команд в процессе проектирования.

Первоначально предполагалось использовать и более сложные папаметры, например, «Вязкость»/ригидность обсуждения ПС – количество откликов/переходов на предлагаемые мнения и другие, однако, вследствие сложности оценки и неподготовленности экспертов, по большей части экономистов, от них пришлось отказаться.

Анализ организации мышления участников команд осуществлялся на основе методики 4-х уровневой схемы (Зарецкий, 2011: 27-29). Модератор, наблюдая за работой команд, заносил в протокол всю речевую продукцию, затем устанавливал какое высказывание к какому из уровней относится. Итоговые результаты расчета доопределения контрольных команд №6, №7, проведенные с использованием модуля «ДСМ-метод» программного комплекса «ТТП-ЭВРИКА» (Свидетельство об официальной регистрации Федеральной службы РФ по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам №2006610693), в соответствии с параметрами таблицы БФ (рис. 3) приведены ниже: В объект команда 6 вкладывается как минимум одна воз-

можная причина наличия свойства и не вкладывается ни одной возможной причины отсутствия свойства. Объект команда 6 является положительным (+) -примером. В объект команда 7 не вкладывается ни одной возможной причины наличия свойства и не вкладывается ни одной возможной причины отсутствия свойства. Объект команда 7 является отрицательным (-)-примером. Таким образом, в результате использования ДСМ-метода команда №6 была доопределена как (+) – пример, а команда №7 как (-) – пример, что полностью соответствовало фактическим результатам проектирования. Обе эти контрольные команды представляли НИУ БелГУ, предполагалось, что они должны быть доопределены с помощью ДСМ-метода без запрета на контрпримеры (при изменении типа расчета с запретом на контрпримеры результат не изменился).

Заключение (Conclusions). В проведенном исследовании, а также в последующих исследованиях с участием автора статьи (2014-2018 гг.) проявились следующие проблемы:

1. Сложность операционализации предложенных исходных параметров(P).

2. Сложность обработки результатов ДСМ-моделирования, вследствие:

а) значительного объема информации по измеряемым параметрам (как решение было предложено использовать и анализировать видеозаписи работы команд, хотя этот прием лишь частично полезен, помогая тщательно фиксировать проявление/непроявление свойств, при количестве параметров более 50-ти, а планируемые автором эксперименты предполагают более сотни параметров, сложность обработки при этом возрастает экспоненциально);

б) сложность корректной квантификации (фиксации и оценки наличия/отсутствия/неопределенности наличия или отсутствия) свойств как одним конкретным экспертом, так и сведения/сборки таких оценок, полученных разными экспертами;

3. Сложность социально-психологической интерпретации/ вторичной операционализации «причин» (С), выраженная, во-первых, в сложности самой «вторичной» операционализации, ее необходимо проводить с учетом как методов, так и результатов операционализации «первичных» свойств Р-качественная сложность, во-вторых, в значительном, до 5-6 количестве свойств Р, включенных ДСМ-методом в «причины» – количественная сложность. Эта проблема осталась в «наследство» социологам и психологам, когда подобные процедуры свертки данных осуществлялись с помощью методов факторного анализа и главных компонент.

Перспективы развития классического ДСМ-метода, с точки зрения автора статьи, могут заключаться в следующем:

а) в классическом ДСМ-методе гипотезы(Н) и правила поиска причин (CSR) носят чисто предметный характер, связанный с наличными свойствами самих объектов. Часть гипотез и/или шагов их формирования, может носить структурный (метаабдуктивный), а не предметный характер (Федотова, Мартынов, 2019). Предметные гипотезы в этом случае уже должны удовлетворять неким структурным гипотезам более высокого методологического уровня, например, в квантовой физике такими структурными гипотезами являются принципы симметричности, суперпозиции и т.д.;

б) представляется перспективным исключение правила транзитивности для свойств, составляющих «причины» (С), используемых в ходе анализа, а также;

в) в учете динамики изменения «причин» в ходе управленческого проектирования, в т.ч. временных лагов, связанных с такими изменениями-для этого их нужно постоянно переоценивать/переопределять, «привязывая» к конкретной типовой стадии проектирования, более того, из практики можно предположить с достаточно высокой долей вероятности, что как эффективные «причины», так и их динамика,

индивидуальны (по крайней мере, в «рамках» типов, пока еще весьма смутных) для каждой команды;

г) конструирование причин со сложной нелинейной структурой и использование других, производных характеристик – отношений между свойствами, свойствами отношений, функций (как актуализированных свойств), структур как отношений между свойствами и отношениями, связанных с причинами и т.д. (Шевырев, 1995: 59-72).

В итоге можно сделать вывод о том, что несмотря на важность аналитического инструментария, особенно для Big Data и Big Live Data, наиболее перспективным направлением в исследовании оценки эффективности работы команд, впрочем как и для любых задач, связанных с системным управлением командной работой (разработки стратегии, подготовки программ обучения, управлении проектной работой, собственно управлением командными коммуникациями, конкурсно-аттестационной работой и карьерно-образовательными траекториями команд в целом), являются операционализация и квантификация новых, отражающих наиболее глубокое представление об исследуемых процессах, характеристик/свойств командной работы, например, учитывающих реакцию на аутокинетический эффект, полезависимость/полезависимость, диапазон эквивалентности, тип познавательного контроля, толерантность к нереалистическому опыту и др. (Холодная, 2004) или другие процессы, связанные с когнитивной деятельностью. Именно в поиске таких глубинных свойств, искусственный интеллект может помочь исследователям в первую очередь. В этой ситуации принципиально важным становится выбор/конструирование теоретико-методологических оснований, определяющих направления для разработки этих новых характеристик, прежде всего, социологической теории познания-постнеклассической, метамодернистской или конструктивистской (Федотова, 2018)

или концепции представления социальной проблемы-объективистской, конструктивистской, межпарадигмальной (Данакин, Гайворонская, 2011: 55; Шевырев, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016: 34-62). Например, в рамках неопозитивистской теории познания и концепции функционализма (Р. Мертон, Р. Нисбет) социальные кризисы могут быть представлены как результат суммирования долгосрочных, средне и краткосрочных экономических циклов, в то время как с точки зрения теории синергетики, эти кризисы – результат потери устойчивости системой-средой при выходе на «кромку хаоса» (Шевырев и др., 2016: 206). Система в данном случае, предстает как динамическая иерархия уровней (Буданов, 2010: 101-103) различных социальных аспектов, начиная от психофизиологического и технико-технологического до социально-психологического и духовного, которые, в свою очередь, замыкаются на психофизиологии. В этой иерархии/холоне роль и значимость аспектов постоянно меняется, следуя закону 3-го Гурджиева (Киященко, 2010). Поведение самих циклов (длина волны, амплитуда) зависит от уровня неравновесности системы-среды (особые точки, периодические, квазипериодические и хаотические аттракторы) (Майнцер, 2009: 118). С этой точки зрения, социальный кризис представляет собой суперпозицию всех возможных состояний, а конкретное его проявление определяется 3-мя ключевыми смежными аспектами, обычно, в виде структурных противоречий, наиболее проявленных в динамической иерархии в данный момент. В этом случае проблемная ситуация наиболее эффективно может быть исследована в рамках мультипарадигмального подхода (Данакин, Гайворонская, 2011), с учетом его развития в рамках концепции соционавигации, соединяя в себе как объективистский, так и субъективистский подходы, не исключая при этом элементов конструкционизма (М. Спектор, Дж. Киттьюз) через новую интерпретацию проблемной ситуации как сети, состоящей из пересече-

ния/конъюнкции представлений акторов о проблеме/проблемах, лежащих в основе ПС (при этом проблема может быть мнимой или виртуальной), проблемных состояниях акторов относительно этой проблемы (у каждого актора может быть собственный взгляд на исходную проблему, определяемый многими факторами: аспектом проблемы, интересным конкретному актору-правовым, экономическим, социально-психологическим, технико-технологическим и т.д., его общей когнитивной картой, системой ценностей, интересов и позиций), а также ключевыми потребностями, целями и способностями акторов. (Шевырев, Михеев, Шаламова, Федотова, 2016: 40; Данакин, Федотова, Шевырев, 2018). Стандартный ответ-все определяется конкретной ПС и поставленными целями, явно недостаточен-сами представления и цели являются производными от выбора таких теоретико-методологических оснований, окончательное «пакетное» решение, как выход из этого замкнутого круга, остается за человеком.

Список литературы

- Белбин Р. М. Типы ролей в командах менеджеров. М.: НРРО, 2003.
- Буданов В. Г. Управление человекомерными системами и методология синергетики // *Философия управления: проблемы и стратегии*. М.: ИФ РАН, 2010.
- Данакин Н. С., Гайворонская Н. И. Проблемный анализ в системе социального управления. Белгород: ИП «Осташенко А.А.», 2011.
- Данакин Н. С., Федотова М. А., Шевырёв А. В. Проблемы и перспективы управления международными образовательными проектами // *Миссия конфессий*. 2018. Т. 7, Ч. 6 (№33).
- ДСМ-метод автоматического порождения гипотез: Логические и эпистемологические основания / Сост. О. М. Аншаков, Б. Ф. Фабрикантова; Под общ. ред. О. М. Аншакова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Зарецкий В. К. Если ситуация кажется неразрешимой. М.: Форум, 2011.
- Киященко Л. П. Тройная спираль трансдисциплинарности в обществе знаний // *Гуманитарные науки – теория и методология*. 2010. №3.

Климова С. Г., Михеенкова М. А. Финн В. К. ДСМ-метод в качественном социологическом исследовании: основные принципы и опыт использования, // Социологический журнал. 2016. Т. 22, №2. С. 8-30.

Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Михеев В. А., Федотова М. А., Шевырëв А. В., Рабочая команда как сетевая структура, индуцирующая единое креативное поле // Экономические стратегии. 2013. №5(113). С. 64-67.

Михеев В. А., Шевырëв А. В. Единое креативное поле как метаусловие командной креативности // Проблемы управления в реальном секторе экономики: вызовы модернизации: материалы международной научно-практической конференции. М.: ГУУ, 2012. С. 191-195.

Михеев В. А., Шевырëв А. В. Принципы эллиптического сознания, реализованные в алгоритме управления командной креативностью программы TeamCreator // Сборник материалов 3-й Всероссийской научно-практической конференции «Обучение креативности в ВУЗе: концепция, технологии, форматы занятий, программное обеспечение, управленческое проектирование». Калуга: «Эйдос», 2009. С. 29-51.

Новые правила игры в цифровую эпоху. Международные тенденции в HR за 2017 г. / Исследование Делойт, 2017.

Прус Ю. В., Федотова М. А., Инь Бинь Статистическое моделирование и технологии искусственного интеллекта в оценке и управлении параметрами единого креативного поля команд: опыт количественного анализа // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, Вып. 3. С. 85-95.

Саати Т. Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: аналитические сети. М.: ЛКИ, 2008.

Федотова М. А. Системное управление командной работой: эволюция представлений и перспективы развития // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, Вып. 4. С. 137-150.

Федотова М. А., Мартынов И. А. Интеллектуальные системы в информационно-аналитических (ситуационных) центрах в условиях перехода к цифровой экономике // Московский экономический журнал. 2019. №1.

Финн В. К. Об интеллектуальном анализе данных // Новости искусственного интеллекта. 2004. №3.

Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.

Шевырëв А. В. Технология творческого решения проблем. Белгород, Крестьянское дело, 1995.

Шевырëв А. В. Креативный менеджмент: синергетический подход. Белгород: ЛитКараВан, 2007.

Шевырëв А. В., Михеев В. А., Шаламова Н. Г., Федотова М. А. Системная аналитика в управлении. Введение в научно-исследовательскую программу / под общ. ред. А.В. Шевырëва. Белгород: ЛитКараВан, 2016.

Шевырëв А. В., Федотова М. А., Калаев А. А., Михеев В. А. и др. Отчет по экспресс-диагностике управленческого потенциала административных работников. Белгород: БУКЭП, 2011.

References

Belbin, R. M. (2003), *Types of roles in teams of managers*, HIPPO, Moscow, Russia. (In Russian).

Budanov, V. G. (2010), "Management of human-based systems and the methodology of synergetics", in *Management Philosophy: Problems and Strategies*, Institute of Physics, RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Danakin, N. S. and Gaivoronskaya, N. I. (2011), *Problem analysis in the system of social management*, FE "Ostaschenko AA", Belgorod, Russia. (In Russian).

Danakin, N. S., Fedotova, M. A. and Shevryyov, A. V. (2018), "Problems and prospects of managing international educational projects", *Mission of Faiths journal*, 7 (6). (In Russian).

JSM-method of automatic hypothesis generation: Logical and epistemological foundations, Comp. by Anshakov, O. M. and Fabrikantova, B. F., in Anshakova, O. M. (ed.), Book house "LIBROCOM", Moscow, Russia. (In Russian).

Zaretsky, V. K. (2011), *If the situation seems intractable*, Forum, Moscow, Russia. (In Russian).

Kiyaschenko, L. P. (2010), "The triple spiral of transdisciplinarity in the knowledge society", *The humanities – theory and methodology*, (3). (In Russian).

Klimova, S. G., Mikheenkova, M. A. and Finn, V. K. (2016), "JSM-method in qualitative sociological research: basic principles and experience of use", *Sociological Journal*, 22 (2), 8-30. (In Russian).

Maintser, K. (2009), *Complicated thinking: Matter, mind, humanity. New synthesis*, LIBRO-COM, Moscow, Russia. (In Russian).

Mikheev, V. A., Fedotova, M. A. and Shevryov, A. V. (2013), "Working team as a network structure inducing a single creative field", *Economic strategies*, (5), 64-67. (In Russian).

Mikheev, V. A. and Shevryov, A. V. (2012), "Single creative field as a meta-condition of command creativity", *Problems of management in the real sector of the economy: challenges of modernization: materials of the international scientific-practical conference*, State University of Management, Moscow, Russia, 191-195. (In Russian).

Mikheev, V. A. and Shevryov, A. V. (2009), "Principles of elliptical consciousness, implemented in the TeamCreator program command management algorithm", *Collection of materials of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference "Teaching creativity in the university: concept, technology, occupation formats, software, management design"*, Eidos, Kaluga, Russia, 29-51. (In Russian).

New rules of the game in the digital age. International HR trends for 2017, Research of Deloitte. (In Russian).

Prus, Yu. V., Fedotova, M. A., Yin, Bin (2018), "Statistical modeling and artificial intelligence technologies in the assessment and management of the parameters of a single creative team field: the experience of quantitative analysis", *Research result. Sociology and management*, 4 (3), 85-95. (In Russian).

Saaty, T. L. (2008), *Decision making with dependencies and feedbacks: analytical networks*, LCI, Moscow, Russia. (In Russian).

Fedotova, M. A. (2018), "System management teamwork: the evolution of ideas and devel-

opment prospects", *Research result. Sociology and management*, 4 (4), 137-150. (In Russian).

Fedotova, M. A. and Martynov, I. A. (2019), "Intellectual systems in information-analytical (situational) centers in the conditions of transition to a digital economy", *Moscow Economic Journal*, (1). (In Russian).

Finn, V. K. (2004), "About data mining", *News of artificial intelligence*, (3).

Holodnaya, M. A. (2004), *Cognitive styles: On the nature of the individual mind*, Peter, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Shevryov, A. V. (1995), *Technology creative problem solving*, Peasant Business, Belgorod, Russia. (In Russian).

Shevryov, A. V. (2007), *Creative management: synergistic approach*, LitKaraVan, Belgorod, Russia. (In Russian).

Shevryov, A. V., Mikheev, V. A., Shalamova, N. G. and Fedotova, M. A. (2016), *System analytics in management. Introduction to the research program*, in Shevryov, A. (ed.), LitKaraVan, Belgorod, Russia. (In Russian).

Shevryov, A. V., Fedotova, M. A., Kalaev, A. A., Mikheev, V. A. and et al. (2011), *Report on the rapid diagnosis of management capacity of administrative workers*, Belgorod University of Cooperation, Economics & Law, Belgorod, Russia. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The author has no conflict of interest to declare.

Федотова Марина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом» Московского авиационного института (национального исследовательского университета).

Marina A. Fedotova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Human Resource Management, Moscow Aviation Institute (National Research University).